

Диксон Ч. Обри, Гейльбрунн Отто | *Dixon C. Aubrey, Heilbrunn Otto*

Коммунистические партизанские действия

Проект "Военная литература": militera.lib.ru

Издание: Диксон Ч. О. и Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. — М.: ИИЛ, 1957.

Оригинал: *Dixon C. A. & Heilbrunn. Communist Guerilla Warfare.* — L.: 1954.

Книга на сайте: militera.lib.ru/research/dixon_heilbrunn/index.html

Иллюстрации: militera.lib.ru/research/dixon_heilbrunn/ill.html

OCR: Смолянин (small_yanin@rambler.ru)

Правка: Александр Корнилов (kornilov_a2000@mail.ru)

Дополнительная обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru)

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

[1] Так обозначены страницы. Номер страницы предшествует странице.

Диксон Ч. О. и Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. / Сокращенный перевод с английского под редакцией полковника А. А. Прохорова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957. — 291 стр. // *Dixon C. A. & Heilbrunn O. Communist Guerilla Warfare.* — London, 1954.

Аннотация издательства: Книга «Коммунистические партизанские действия» написана бригадным генералом английской армии Ч. О. Диксоном и д-ром Отто Гейльбрунном и издана в Лондоне в 1954 году. В ней рассказывается о действиях советских партизан в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и о мероприятиях немцев, связанных с борьбой против советских партизан. Одновременно в книге подчеркивается необходимость подготовки английской армии и армий других империалистических государств к борьбе против партизан в будущей войне, а также уделяется много внимания организации подрывных и диверсионных действий в странах социалистического лагеря. Русское издание книги рассчитано в основном на военного читателя.

С о д е р ж а н и е

Предисловие к русскому изданию

Предисловие

Введение

Часть первая. **Советские партизаны**

Глава I. **Зловещие пророчества**

Глава II. **Действия советских партизан**

Глава III. **Организация и снабжение советских партизан**

Глава IV. **Тактические задачи советских партизан**

Часть вторая. **Действия немцев против партизан**

Глава V. **Испытания и ошибки**

Глава VI. **Немецкая организация борьбы с партизанами**

Глава VII. **Боевые действия немцев против партизан**

Глава VIII. **Тактика немцев в борьбе против партизан**

Глава IX. **Провал боевых действий против партизан**

Часть третья. **Заключение**

Глава X. **Жить в делах**

Приложение. Немецкое наставление по борьбе с партизанами

Примечания

Список схем

Все тексты, находящиеся на сайте, предназначены для бесплатного прочтения всеми, кто того пожелает. Используйте в учёбе и в работе, цитируйте, заучивайте... в общем, наслаждайтесь. Захотите, размещайте эти тексты на своих страницах, только выполните в этом случае одну просьбу: сопроводите текст служебной информацией — откуда взят, кто обрабатывал. Не преумножайте хаоса в многострадальном интернете. Информацию по архивам см. в разделе **Militera: архивы** и другие полезные диски (militera.lib.ru/cd).

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В послевоенный период в США и странах Западной Европы уделяется большое внимание изучению партизанского движения. При этом особый интерес проявляется к изучению советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии. В зарубежной печати опубликовано по этому вопросу много статей и отдельных трудов. Книга «Коммунистические партизанские действия» является одной из наиболее капитальных работ, посвященных данному вопросу. Следует заметить, что она издавалась трижды: в 1954 году в Нью-Йорке и Лондоне и в 1956 году в Западной Германии.

У советского читателя возникает законный вопрос: почему в капиталистических странах так старательно изучаются вопросы партизанской борьбы? В самом деле, зачем нужно изучать советское партизанское движение, а скорее не столько само партизанское движение, сколько формы и способы борьбы с ним?

Дело в том, что события последних лет характеризуются усиленной подготовкой империалистов к новой войне против Советского Союза и стран народной демократии. В этих целях империалисты создают различные агрессивные военные блоки против стран социалистического лагеря, в больших масштабах проводят подрывную работу, ведут лживую, клеветническую пропаганду, забрасывают в эти страны шпионов и диверсантов, создают там контрреволюционное подполье. На эти темные дела тратятся огромные средства.

События на Ближнем Востоке и в Венгрии значительно усилили международную напряженность. Реакционные круги США и Великобритании предпринимают все меры [6] к тому, чтобы еще шире развернуть «холодную войну» и укрепить созданные ими агрессивные военные блоки.

Последние годы характеризуются также быстрым распадом колониальной системы империализма. Империалистические государства стремятся любыми средствами остановить этот процесс, вновь подчинить себе страны, добившиеся национальной независимости, и удержать в своих руках страны, еще остающиеся колониями.

Позорная война Англии, Франции и Израиля против Египта является одной из таких попыток империалистов вернуть с помощью оружия утраченные позиции и остановить распад колониальной системы.

На смену английским, французским, японским колонизаторам в страны Востока рвется более хищный и более сильный американский империализм.

Империалисты понимают, что в современных условиях всякая война против Советского Союза, стран народной демократии или стран, ведущих борьбу за свое национальное освобождение, неизбежно вызовет в этих странах широчайшее партизанское движение против агрессоров.

Для того чтобы более успешно вести борьбу с партизанским движением в будущей войне, империалисты усиленно изучают опыт советского партизанского движения.

Об этом открыто говорится в книге бригадного генерала английской армии Диксона и д-ра Гейльбрунна «Коммунистические партизанские действия». Эта книга написана по заказу империалистов, которым нужно знать методы и способы борьбы с партизанами.

В предисловии к книге командующий военным округом Северной Ирландии генерал-лейтенант Деннинг говорит, что «авторы своевременно обратили в своей книге внимание на необходимость для свободных наций разработать план борьбы против партизан, с которыми они могут столкнуться в любой будущей войне».

В первой и второй частях книги авторы сосредоточивают свое внимание на изучении организации и тактики советских партизан и мероприятий гитлеровской армии против советского партизанского движения. В последней, заключительной части авторы пытаются извлечь для своей армии определенные уроки из борьбы немцев против советских партизан. [7]

Авторы вынуждены признать огромный успех советского партизанского движения, высокую эффективность тактики советских партизан. Им приходится отмечать, что советские партизаны внесли огромный вклад в дело достижения победы над гитлеровскими фашистскими армиями.

Вместе с тем они стремятся всячески опорочить советское партизанское движение, доказать его незаконность. Отсюда авторы значительное внимание уделяют исследованию вопроса о так называемом правовом положении советских партизан. Они утверждают, что «правовое положение партизан не является совершенно ясным и бесспорным...»

Авторы пытаются представить советское партизанское движение как действия отдельных групп, не считавшихся с законами и обычаями войны, и называют их даже бандитами. Они говорят, что советские партизаны «не носили форму... не носили открыто оружие... по внешнему виду ничем не отличались от мирных жителей». Эти утверждения потребовались авторам для того, чтобы показать что советские партизаны не могли рассчитывать на защиту Гаагской конвенции, а также для того, чтобы оправдать массовый террор гитлеровцев против партизан и местного населения. Во всей работе авторы ни единым словом не обмолвились о «незаконном», если можно так говорить, нападении немецко-фашистских орд на Советский Союз, они не рассматривают «правовое положение» агрессоров. А вот право народа, поднявшегося защищать свою землю, свою родину, право народа вести священную партизанскую войну с оккупантами ими берется под сомнение.

Небезынтересно отметить, что их рассуждения по этому вопросу нисколько не отличаются от соответствующих заявлений гитлеровцев. Когда партизанское движение в Советском Союзе выросло в грозную силу, гитлеровцы стали кричать на весь мир о незаконности такого способа борьбы. Геббельсовская пропаганда трубила, что партизанская война не предусмотрена международным правом и противоречит правилам ведения войны. «Советские партизаны, — кричали они, — не имеют отличительных эмблем, не носят открыто оружие и маскируются». Практика [8] показала, что независимо от того, имели ли партизаны эмблемы или нет, и независимо от того, как они носили оружие, попав в руки немцев, они подвергались диким пыткам, после чего их расстреливали или вешали.

Советские партизаны действительно воевали не так, как это хотелось бы гитлеровцам. Они наносили по немецким войскам мощные неожиданные удары, нарушали их коммуникации, пускали под откос их воинские эшелоны, парализовали действия гитлеровцев в крупнейших районах. Они жестоко мстили немцам за зверства, совершаемые ими против мирных советских людей. Гитлеровцы вспомнили о международном праве, о нормах ведения войны только после того, как грозная рука народных мстителей стала карать немецких насильников и убийц.

Утверждение авторов о том, что Советский Союз практически никогда не придерживался правил цивилизованной войны с Германией, является злостным вымыслом, направленным, с одной стороны, на оправдание зверств, чинимых фашистскими убийцами над мирным населением Советского Союза, с другой стороны, такой вымысел авторам понадобился еще для того, чтобы в будущем было легче оправдать зверства, замышляемые империалистами.

Опыт советского партизанского движения интересует авторов в основном в двух отношениях. Тщательно анализируя организацию и тактику партизанских боевых действий в Советском Союзе, они стремятся наметить основные пути для разработки собственных методов борьбы с партизанами. Кроме того, их интересует возможность использования тактических приемов советских партизан в собственной диверсионно-подрывной деятельности против социалистических стран. Авторы прямо призывают создавать специальные диверсионные отряды и обучать собственные войска методам диверсионных действий.

Хотя описанию действий советских партизан в книге отведено значительное место, не это является в ней главным. Главное в книге — это изучение опыта борьбы с советским партизанским движением, который приобрели немецко-фашистская армия, гестапо и войска СС и СД.

Авторы неоднократно подчеркивают важность изучения немецкого опыта, видя в этом единственную возможность избежать ошибок, сделанных гитлеровцами. [9] «Пренебречь этими уроками было бы для нас губительно», — говорят они. «Если мы не подготовим себя в психологическом и организационном отношении к борьбе против партизан, — подчеркивают авторы, — мы можем совершить те же ошибки, за которые так дорого заплатили немцы». Отсюда они делают следующий вывод: «Если мы хотим устранить грозящую нам опасность [имеется в виду партизанское движение. — А. П.], то прежде всего мы должны изучить опыт других и затем применить этот опыт со всей энергией и решительностью».

И они самым старательным образом исследуют организацию и методы борьбы немцев против партизан.

Чтобы подавить партизанское движение, немцы предпринимали отчаянные попытки. С этой целью ими создавались специальные отряды и штабы. На борьбу с партизанами бросались целые соединения. Стремясь сломить волю советских партизан к борьбе, гитлеровцы применяли против них жесточайший террор. Собственно, на террор и репрессии они делали свою главную ставку. В книге приводится много приказов немецко-фашистского командования, которые требуют применения против партизан и населения самых крайних мер. В этих приказах говорится, что «партизаны должны безжалостно уничтожаться». И эти приказы с рвением исполнялись.

В одном из отчетов немецко-фашистского командования указывается, что было убито 7700 и взято в плен 5300 партизан.

Главнокомандующий группой армий «Юг» в своей директиве командующим армиями указывал, что в полосе 6-й армии (командующий генерал Рейхенау) в ходе борьбы с партизанами «было публично повешено и расстреляно несколько тысяч человек. Опыт показывает, что казнь через повешение действует особенно устрашающе». Учитывая столь богатый «опыт» генерала Рейхенау, главнокомандующий группой армий рекомендовал другим командующим в случае необходимости принимать такие же меры.

В борьбе с партизанами немцы и их сателлиты ввели также такой гнусный метод, как взятие заложников. В отдельных районах они устанавливали «норму» расстрела заложников. «За каждого... солдата, убитого [10] партизанами, — указывалось в одном из приказов, — следует расстрелять 10 заложников». Концентрационные лагеря с заложниками густой сетью покрывали оккупированные гитлеровцами районы, и в случае диверсий или нападений на немцев

в этих районах заложники расстреливались. В донесении штаба 44-й дивизии СС в ноябре 1941 года говорится: «В порядке репрессивных мер за совершение диверсионных актов было расстреляно 800 человек из местного «населения». К столь же гнусным методам прибегали фашистские оккупанты при организации охраны железных дорог. В приказе, посвященном этому вопросу, предписывается подбирать в охрану «только семейных, чтобы в случае побега охранника иметь возможность взять члена его семьи как заложника».

Авторы говорят, что «немцы расстреливали в России без суда каждого, кого они считали партизаном». Правда, при этом они заявляют, что «эта практика должна быть признана незаконной» и что, по взглядам английских юристов, какая-то форма суда должна все же существовать. В принципе же они не возражают против расстрела, они за расстрел, но по суду, по «закону».

В книге приводится масса документов, которые свидетельствуют о страшных зверствах, чинившихся гитлеровской военщиной над мирным гражданским населением.

Авторы рассказывают о массовых расправах над мирными советскими гражданами, приводят примеры истребления гитлеровцами даже детей. В общем они создают довольно полную картину того ада, который устроили немецкие оккупанты в оккупированных советских районах. Вот как в их же описании выглядела обстановка на территории, захваченной немцами: «Кровавые злодеяния, совершавшиеся СД (служба безопасности), массовые убийства, производившиеся военно-полевой полицией; политика безжалостного уничтожения ни в чем не повинных заложников, проводившаяся германской армией; реквизиция лошадей, повозок, продовольствия и фуража и даже последней коровы... голод, на который обрекалось население, принудительные мобилизации местного населения на вспомогательные работы для немецкой армии и, наконец, — последнее по счету, но не по важности — отправка населения на работы в Германию...» [11]

Было бы, однако, ошибочно думать, что многочисленные примеры крайней жестокости, проявляемой оккупантами по отношению к партизанам и мирному населению, авторы приводят из желания заклеить преступления гитлеровцев или из сострадания и особой симпатии к советским людям. Ничего подобного. Массовый террор, проводившийся фашистами, признается авторами как метод борьбы с партизанским движением, и они поставили себе целью сделать этот метод достоянием своих армий, внутренних войск и своих специальных отрядов. Вину за зверства немцев над советскими людьми они возлагают на самих же советских людей.

Нельзя без возмущения читать ту часть книги, где авторы обвиняют Советский Союз в стремлении «побудить немецкого солдата к самой крайней жестокости и этим разжечь пламя партизанской войны». Авторы утверждают, что якобы первые 4-5 месяцев немецкий солдат «едва ли обращал внимание на партизан», несмотря на неограниченные, по существу, права, которыми он был наделен директивой об особой подсудности в восточных районах. И только будто впоследствии он стал проявлять полную безжалостность в борьбе с партизанами. Таким образом, авторы стремятся доказать, что зверства немцев были спровоцированы действиями партизан, что для немцев они были чуть ли не нормальным средством «защиты» от советских партизан. Ничего общего с истиной подобные выводы не имеют.

В действительности истребление советских людей было задумано фашистами заранее, и партизанское движение было только поводом для проведения открытого террора и уничтожения мирного населения. Сами же авторы показывают, что уничтожение советских людей было тщательно разработанной политикой. Это явствует из директивы Гитлера об особой подсудности в восточных районах, отданной им в мае 1941 года. Двумя месяцами позже, 16 июля 1941 года, на совещании с Герингом, Кей-телем, Розенбергом и другими Гитлер заявил: «Партизанская война... имеет некоторое преимущество для нас. Она позволяет нам истреблять всех тех, кто нам противится». И этот предлог гитлеровцами использовался вовсю. За годы войны,

по далеко не полным данным Международного [12] военного трибунала, приводимым в книге, ими было уничтожено 2 млн. советских граждан.

Ответственность за эти чудовищные преступления авторы стремятся полностью возложить на Гитлера и его ближайшее окружение, выгородив германский генералитет и остальную немецкую военщину. В одной из глав книги авторы, отбросив все условности, в полный голос заявляют, что генералы не несут ответственности за злодеяния, совершенные против советских людей. «Справедливости ради, — говорят они, — следует заметить, что многие немецкие генералы отказались проводить гитлеровскую политику террора».

Возникает вопрос: под чьим же руководством уничтожены миллионы беззащитных мирных жителей — стариков, женщин и детей? Спрашивается, для чего потребовалось авторам оправдывать гитлеровских генералов?

Ответ прост: они выполняют волю своих хозяев, которые призвали на службу в развертываемую западногерманскую армию и на руководящие посты в НАТО ряд генералов бывшей гитлеровской армии. Так, например, генерал Шпейдель, бывший начальник штаба Роммеля, назначен командующим сухопутными войсками НАТО в центральной зоне Европы. Генералы Хойзингер, Вели, Реттинер и другие также получили новые назначения на руководящие посты, и этих преступников им нужно во что бы то ни стало реабилитировать в глазах общественности.

Как известно, действия немцев, направленные против партизан, потерпели крах. Причину провала военных действий против партизан авторы книги видят прежде всего в том, что война немцами велась якобы не против большевизма, а против всего русского народа. Авторы не хотят или не могут понять, что большевизм стал знаменем всего советского народа и что советский народ немислим, неотделим от коммунистической партии. Идеи коммунизма овладели массами, и советский народ под руководством своей коммунистической партии успешно строит коммунистическое общество.

Попытки авторов книги изобразить дело так, будто немцы не стремились использовать население оккупированных советских районов для борьбы против партизан и [13] поэтому потерпели провал в своих действиях, представляют явное искажение хорошо известных фактов. Всем известно, что гитлеровцы всячески пытались привлечь к себе на службу советских людей. Однако для этих гнусных целей им удалось использовать только отдельных лиц из представителей бывших эксплуататорских классов и уголовных элементов. Весь же советский народ поднялся на защиту своей социалистической родины.

На протяжении десяти глав книги авторы убеждают читателя, что жестокость, с которой фашисты обращались с партизанами и местным населением, являлась якобы главной причиной колоссального размаха партизанского движения в Советском Союзе. Надо сказать, что показ этой жестокости авторам бесспорно удался. Что же касается причин, вызвавших колоссальный размах партизанского движения, то они значительно глубже, чем это думают авторы. Фашизм угрожал социалистическим завоеваниям советского народа, то есть самым большим его духовным и материальным ценностям. Поэтому весь народ поднялся на священную отечественную войну против фашизма, поэтому партизанское движение в годы Великой Отечественной войны приняло всенародный характер. И напрасно утверждают авторы, что это движение можно было подавить политикой пряника. Партизанское движение, выросшее на прочной основе животворного советского патриотизма, на высокой сознательности масс, на чувстве ответственности и благородного долга, не могло быть подавлено ни зверскими репрессиями, ни либеральным заигрыванием с населением.

Диксон и Гейльбрунн не скрывают своего сожаления в связи с провалом борьбы немцев против советских партизан. Более того, авторы прямо обвиняют немцев в том, что они не смогли задушить партизанское движение в Советском Союзе.

Признавая полный провал мероприятий немцев против советских партизан, авторы тем не менее считают, что в организации и тактике борьбы немецкой армии против партизанского движения в Советском Союзе есть много такого, чем, по их мнению, в полной мере должны воспользоваться армии империалистических государств. [14]

Исходя из этого, они самым тщательным образом разбирают организацию сил, использовавшихся немцами против партизан, и весьма обстоятельно анализируют приказы и инструкции по борьбе с партизанами, издававшиеся немецкими штабами.

Особое внимание они уделяют анализу наставления немцев по борьбе с партизанами, введенного в действие в мае 1944 года. Авторы без обиняков объявляют это наставление «классическим». «Его практическую ценность, — говорят они, — трудно переоценить, это классическое руководство по ведению войны с партизанами». Рассматривая армии западных стран законными естественными преемниками гитлеровской армии, они считают, что это наставление должно быть внимательно изучено в английской армии.

Обобщая опыт борьбы с партизанами, авторы делают вывод, что англичане должны подготовить собственный боевой устав по борьбе с партизанами.

Авторы не скрывают своих антисоветских, антикоммунистических взглядов и во многих главах книги допускают грубые выпады против Советского Союза, выступают апологетами войны против социалистических стран.

Однако наиболее полно они знакомят читателя с империалистическими устремлениями представляемых ими кругов в последней, итоговой главе книги. Здесь они со всей откровенностью излагают империалистическую программу диверсионно-подрывной деятельности против стран социалистического лагеря.

Они считают, что для того, чтобы обеспечить успех диверсионно-подрывных действий против СССР и стран народной демократии, необходимо заручиться поддержкой населения этих стран. Загипнотизированные собственной пропагандой, которая упорно призывает «освободить» народы социалистических стран, они рассчитывают найти себе в этих странах многочисленных сторонников. Однако эти расчеты так же несостоятельны, как несостоятельны были расчеты немцев использовать советских людей для борьбы против партизан. Народы стран народной демократии самоотверженно строят новое, социалистическое общество, и они никому не позволят вновь ввергнуть [15] их в рабство капиталистической эксплуатации. Это убедительно доказали события в Венгрии осенью 1956 года. Несмотря на разнузданную антикоммунистическую пропаганду, которую развернули империалистические организаторы контрреволюционного мятежа в Венгрии, венгерский народ в ноябре 1956 года не пошел за контрреволюцией. Напротив, широкие массы рабочего класса и крестьянства тесно сплотились вокруг революционного рабоче-крестьянского правительства и с братской помощью Советской Армии разгромили попытки контрреволюции восстановить в их стране буржуазно-помещичий строй.

Ни к чему не привели попытки империалистов организовать контрреволюционные выступления в Польше. Недавние выборы в польский сейм показали, что весь народ тесно сплочен вокруг Польской объединенной рабочей партии и твердо намерен идти по пути строительства социализма. В ряде пунктов своей программы авторы прямо призывают вмешиваться во внутренние дела социалистических стран и тем самым разоблачают агрессивную направленность политики Англии и других империалистических стран Запада. И тут же, пытаясь как-то оправдать

агрессивную политику собственной страны, авторы стремятся поставить под сомнение миролюбивость политики Советского Союза.

Так, они говорят о необходимости создания в таких странах, как Пакистан, партизанских сил, мотивируя это тем, что безопасности этих стран будто угрожает Советский Союз. Но такие инсинуации никого не введут в заблуждение. Всем хорошо известно, что Советский Союз ни на кого нападать не собирается, напротив, он предпринимает многочисленные шаги с тем, чтобы максимально улучшить отношения со всеми своими соседями, в том числе и с Пакистаном. И, наоборот, сейчас каждому ясно, что безопасности таких стран, как Пакистан, более всего угрожает их участие в агрессивных блоках империалистов Запада, которые превращают территории этих стран в свои базы для войны против социалистических государств, для подавления национально-освободительного движения народов Востока.

К книге «Коммунистические партизанские действия» [16] следует относиться весьма критически, так как написана она с враждебных нам позиций. Книга изобилует передержками фактов, измышлениями, прямыми клеветническими выпадами против СССР. Объясняется все это очень просто. В ряду других целей авторы поставили перед собой цель подорвать тот высокий авторитет, которым Советский Союз и его героическая армия по праву пользуются у свободолюбивых народов мира, и каким-то образом подготовить мировое общественное мнение к войне против СССР и других социалистических стран.

Не имея возможности отрицать огромные успехи советского партизанского движения, авторы тем не менее стремятся бросить тень на партизан Советского Союза, представить их самих и их действия в неблагоприятном свете. Нередко авторы прибегают и к прямой клевете на советских партизан. Примерами этого могут служить заявления авторов о том, что в партизанские отряды в начале войны людей посылали якобы против их воли и что эти люди при первой возможности дезертировали; о том, что партизаны будто бы грабили местное население или что партизаны при выполнении своих задач якобы не считались с безопасностью своих соотечественников. Злой клеветой являются утверждения о расстреле партизанами пленных.

Авторы часто используют документы гитлеровской армии, отсюда достоверность многих из них весьма сомнительна, если не сказать больше. Так, например, довольно наивно звучит рассказ о радиопередаче, в которой якобы давались рецепты о том, «как убрать немецкого часового». От начала до конца вымышленным является донесение немецкого офицера о том, что в начале 1941 года Красная Армия проводила в нескольких военных округах большие маневры, в которых отрабатывались методы ведения партизанской войны, и что в маневрах принимало участие гражданское население. Вздорность такого утверждения совершенно очевидна. Советскому читателю известно, что маневры с подобными целями и с участием гражданского населения никогда не проводились.

В одной из глав книги приводится донесение СД о том, что штаб партизанского движения в Минске поставил якобы задачу убрать генерал-губернатора и что [17] партизанам будто бы удалось достать для этого несколько культур бактерий.

Это донесение СД представляет собой такую же фальшивку. Советские партизаны не были безразличны к средствам и способам борьбы. Никакие яды или «культуры бактерий» ими за весь период Великой Отечественной войны в борьбе с противником не применялись. Методы СД и гестапо им были чужды.

Следует отметить, что авторы с большой готовностью используют различные немецкие «документы» в случае, если там содержатся клеветнические измышления о Советском Союзе. Так, например, ими приводятся «документы», в которых утверждается, что местное население оккупированных районов Советского Союза относилось к немцам благожелательно. Историческая

правда говорит об обратном. Советские люди с первых же дней войны начали самоотверженную борьбу с ненавистным немецким фашизмом. Миллионы и миллионы советских людей, познавшие радость свободной, счастливой жизни, воспитанные на передовых, прогрессивных идеях коммунизма, преданные делу коммунистической партии и социалистической родине, объединенные в единый военный лагерь, объявили беспощадную борьбу фашистским захватчикам. Их девизом был лозунг «Смерть немецким оккупантам!»

Авторы, не смущаясь, цитируют подобные «документы» и основывают на них свои выводы, хотя заведомо убеждены в фальшивости этих документов, ибо во многих других местах неудачи немцев в борьбе с партизанами они объясняют враждебностью населения, в окружении которого немцам приходилось действовать.

В целях восстановления исторической истины следует остановиться также на следующей явной фальсификации, допущенной авторами. Они заявляют, что якобы какая-то шпионская организация в Токио информировала в 1941 году Советский Союз о том, что Япония не собирается на него нападать; это дало возможность Советскому Союзу перебросить свои резервы с Дальнего Востока на Европейский театр и якобы эти резервы участвовали в битве за Москву. Россия, говорят авторы, воевала на одном Фронте, в то время как «Германии пришлось вести войну, [18] будучи наполовину связанной». Факты неопровержимо доказывают вздорность подобного утверждения.

К концу 1941 года немецко-фашистское командование, как и в последующие годы войны, имело возможность использовать большую часть своих войск и войск своих союзников и сателлитов в Европе против нашей страны. К 1 декабря 1941 года, то есть в разгар битвы под Москвой, на советско-германском фронте действовало 70 процентов общего количества дивизий немецко-фашистской армии и все войска сателлитов Германии. При этом здесь немцы использовали свои самые лучшие войска. В то же время Советскому Союзу приходилось держать значительные силы на Дальнем Востоке, поскольку Япония готовилась к войне против него, и часть своих сил на границе с Турцией, так как правительство последней придерживалось прогерманской ориентации и сосредоточило в первый период войны на границе с СССР значительную часть своей армии.

В книге авторы приводят несколько «документов», заимствованных, по их собственному признанию, из сборника документов, изданного германским Министерством иностранных дел.

Советскому читателю хорошо известны подобные сборники «документов», изготовленные в целях геббельсовской пропаганды. Вымышленность этих «документов» очевидна для каждого непредубежденного человека.

Эти «документы» авторы используют опять-таки в тех же целях. Во-первых, они стремятся с их помощью оправдать гитлеровских палачей, во-вторых, они хотят убедить читателя в «жестокости» русских и, в-третьих, им хочется представить в розовых красках собственную армию. Они всячески стремятся доказать, что во все времена «английские военнослужащие, как офицеры, так и рядовые, были неизменно гуманными...» Кто-кто, а советский читатель хорошо знает эту «гуманность», хотя бы по действиям английской армии на севере Советского Союза в 1918 году или по событиям в Порт-Саиде осенью 1956 года.

Нельзя не обратить внимания на попытку авторов неправильно представить причины нападения [19] немецко-фашистской Германии на Советский Союз. В своей книге они доказывают, что это нападение было вызвано только стремлением получить сырье, усилить свою экономику с тем, чтобы затем обрушиться на Англию. Утверждение, что война фашистской Германии против Советского Союза была всего-навсего только «экономической операцией», противоречит исторической истине.

Доказывать это авторам понадобилось для того, чтобы умалить значение победы советского народа, чтобы представить дело так, будто война с гитлеровской Германией носила экономический характер и что, следовательно, фашизм потерпел только экономическое поражение, тогда как идеологически он-де сокрушен не был.

На самом деле, развертывая войну против Советского Союза, германский фашизм ставил перед собой далеко не одни только экономические задачи. Прежде всего он стремился уничтожить общественный и государственный строй единственного в то время социалистического государства. Войну против СССР гитлеризм вел под флагом антикоммунизма. Эти цели гитлеровского фашизма вполне устраивали английских, американских и французских империалистов. Именно поэтому появился Мюнхен. Умиротворяя гитлеровцев, правители Англии и Франции всеми силами стремились направить агрессию Германии против Советского Союза. Более того, они сами активно готовились к войне против СССР. Авторы прямо говорят, что Англия в период советско-финской войны создала экспедиционный корпус для действий ,его против Советского Союза и разрабатывала планы бомбардировки бакинских нефтяных промыслов. Авторы с сожалением отмечают, что конец советско-финской войны помешал Англии осуществить эти планы. Только крах политики умиротворения, приведший в конце концов к войне Германии против Франции и Англии, и последующее нападение гитлеровцев на Советский Союз вынудили правящие круги Англии объединиться с СССР в войне против гитлеровской Германии. Фашизм вел с Советским Союзом тотальную войну. И советский народ разгромил германский фашизм во всех отношениях — в военном, экономическом, политическом, идеологическом и моральном. [20]

В главе «Зловещие пророчества» — так авторы называют положения классиков марксизма-ленинизма по вопросу о партизанской войне — Диксон и Гейльбрунн рассматривают известное марксистское положение о возможности превращения войны империалистической в войну гражданскую. Такая возможность страшно пугает правящие круги империалистических государств. Но спрашивается, почему, если они, по их утверждениям, не собираются начинать войну? Высказывая страх перед такой возможностью, авторы, помимо своего желания, разоблачают миф об оборонительных задачах всех военных блоков империалистических государств.

Вместе с тем указанное марксистское положение авторы используют для обоснования репрессий против всех сторонников мира, облыжно обвиняя их в коммунизме. Этот прием не нов. В течение последних десятилетий реакция во всех капиталистических странах всегда объявляет коммунистами тех, с кем ей нужно расправиться. Всем, однако, хорошо известно, что среди людей, посвятивших себя борьбе за сохранение мира, имеются люди самых разнообразных политических и религиозных убеждений, люди различного общественного и социального положения. Среди них немало деятелей, которых никак нельзя назвать сторонниками коммунизма.

В заключительной главе книги авторы берут на себя тяжелый и неблагодарный труд принизить значение побед Советской Армии во время второй мировой войны, поставить под сомнение искусство советских военачальников. Для доказательства этого они, как ни странно, используют даже факты успешных действий советских партизан.

Смехотворным представляется вывод, к которому пришли Диксон и Гейльбрунн в результате изучения возможностей организации диверсионно-подрывной деятельности против стран социалистического лагеря. «До тех пор, — говорят они, — пока коммунисты вынуждены будут считаться с возможностью возникновения во время войны массового партизанского движения, направленного против них, они не рискнут начать войну». Вот где уже поистине с большой головы на здоровую! Всеми миру известно, что Советский Союз на протяжении всей своей [21] истории проводит политику мирного сосуществования и ни на кого не собирается нападать. Поэтому ни о какой партизанской войне против Советского Союза не может быть и речи.

Можно было бы остановиться и на других нападках авторов на Советский Союз, их измышлениях, однако в этом нет нужды, поскольку все эти измышления, клеветнические выпады настолько очевидны, что разоблачают сами себя.

Для советского читателя книга «Коммунистические партизанские действия», несмотря на ее антисоветскую направленность, представляет определенный интерес. В книге приводится большой фактический материал, который, помимо воли авторов, свидетельствует о замечательной отваге, исключительном бесстрашии и огромном героизме, проявленном нашими славными партизанами и всем советским народом в боях с немецкими фашистами; факты говорят об успехах советских партизан, о значительности вклада, внесенного ими в дело достижения победы в Великой Отечественной войне. Этот материал свидетельствует также об огромных лишениях и страданиях, вынесенных советскими людьми, находившимися в период Великой Отечественной войны на временно оккупированной врагом территории, об их самоотверженной борьбе против немецких захватчиков.

В книге приводится также много документов о зверствах, совершенных гитлеровской военщиной над мирным населением. Эти документы напомнят советским людям и всем честным людям мира о тяжелых годах войны, когда гнусные преступления фашистов превосходили по цинизму и кровожадности все, что знала до сих пор история.

В современных условиях, когда вновь возрождаются агрессивные западногерманские силы, когда империализм вновь стремится развязать мировую войну, такое напоминание приобретает особое значение.

Кроме того, данная книга убедительно подтверждает агрессивный характер политики США, Англии и некоторых других капиталистических стран. Книга является неопровержимым доказательством усиленной подготовки их к войне с Советским Союзом и странами народной [22] демократии; она служит целям подготовки новой империалистической войны.

Советские люди и все, кому дорог мир, должны помнить это и зорко следить за происками империалистов.

Авторы допускают ряд ошибок при описании принципов организации советского партизанского движения, форм и методов партизанской войны и связанных с этим событий. Мы не считаем нужным оговаривать в нашем предисловии все эти ошибки, так как советскому военному читателю вопросы эти достаточно хорошо известны.

А. Прохоров

ДАЛЬШЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Бригадный генерал Диксон и д-р Гейльбрунн всесторонне и тщательно изучили проблему ведения партизанской войны и особенно действия русских партизан против немецкой армии в 1941-1945 годах. Результаты их исследования, изложенные в настоящей книге, представляют чрезвычайный интерес и, несомненно, окажутся весьма ценными для тех, на кого может быть возложена ответственность за разработку планов борьбы с угрозой партизанского движения во всякой будущей войне.

2. Во введении авторы, помимо России, упоминают и другие театры военных действий, на которых во время второй мировой войны также действовали партизаны, нанося удары по коммуникациям противника и вынуждая его отвлекать значительные силы для борьбы с ними.

3. Их рассказ сразу же заставляет нас вспомнить о существовавшей во время войны широкой партизанской организации, созданной в Юго-Восточной Азии верховным главнокомандующим союзными силами адмиралом Маунтбэттенем. По общему признанию, движущей силой этой организации были английские и американские войска, находившиеся в этой части света. Однако в Малайе партизанские силы состояли в основном из местных жителей, хотя во главе их и стояли английские и американские офицеры и солдаты. Партизаны создавали для японцев серьезные трудности и своими действиями внесли значительный вклад в дело их разгрома. В своей захватывающей книге «Джунгли нейтральны» Спенсер Чэпмен рассказывает, с каким искусством велась партизанская война в этой части света. [24]

4. Следует также указать, быть может несколько и в ином плане, на войска генерала Уингейта, действовавшие в японском тылу в Бирме; хотя это были организованные и дисциплинированные воинские части, они тем не менее выполняли задачи, аналогичные тем, которые стояли перед русскими партизанами в борьбе против немецкой армии.

5. Не следует также забывать, что в Англии всегда помнили о том, что могла возникнуть необходимость в развертывании широких партизанских действий против немцев в том случае, если бы последним удалось вторгнуться на Британские острова. Возможно, это не всем известно, но для указанной цели была создана весьма значительная организация, и я бы сказал, что при составлении планов партизанских действий англичанами была проявлена большая изобретательность, возможно, даже большая, чем изобретательность и искусство русских партизан, о которых пишут авторы настоящей книги.

6. Последними, но отнюдь не по значению, следует назвать «маки» во Франции, которые вели неослабную войну против немецких войск, оккупировавших их родину. Действия «маки» были столь же отважны и имели такое же значение, как действия русских партизан; по численности они не уступали русским. Достаточно прочесть историю Одетты, чтобы представить себе размах операций, проводившихся «маки», и то величие духа и бесстрашие, которые проявляли они в борьбе.

7. Во всяком случае, авторы своевременно обратили в своей книге внимание на необходимость для свободных наций разработать планы борьбы против партизан, с которыми они могут столкнуться в любой будущей войне. Они показали, в какой огромной степени истощают армию действия партизан на ее коммуникациях. Опасность со стороны партизан вынудила немцев использовать до пятнадцати дивизий для защиты своих жизненно важных коммуникаций.

8. Авторы приходят к выводу, что для нас проблема партизанских действий имеет две стороны: использование партизан для достижения собственных целей и организация борьбы с партизанами противника. Авторы [25] призывают разработать специальное наставление, чтобы не только английская армия, но и армии всех свободных стран вступили в будущую войну подготовленными к борьбе с партизанами и к использованию их методов для достижения собственных целей. Приложение к настоящей книге фактически представляет собой именно такое наставление, которое не становится хуже от того, что оно основано на приказах германского верховного командования, касающихся организации борьбы против русских партизан.

9. Впечатление, которое осталось у меня от прочтения настоящей книги, сводится в основном к следующему:

а) Во второй мировой войне русские партизаны внесли значительный вклад в разгром немецких армий. Их воодушевляли жгучая ненависть к немцам и горячее желание защитить свою родину, которую грабил и разорял враг. В то же время партизанские действия на других театрах военных действий были столь же эффективными и явились таким же значительным вкладом в дело разгрома общего врага.

б) Партизаны, используемые для достижения наших собственных целей в тылу противника, должны находиться под руководством командующего действующей армией в данном районе. В противном случае может получиться, что их действия не будут способствовать достижению главной цели, состоящей в разгроме вооруженных сил противника; более того, фактически они могут даже препятствовать достижению этой цели. Передача руководства действиями партизан какому-то правительственному ведомству означала бы возврат ко временам «личных армий», которые, несмотря на всю их доблесть и упорство, не вносили в общее дело того вклада, который они могли бы сделать под руководством командующего действующей армией. Один лишь командующий действующей армией способен видеть, какие действия партизан могут помочь ему решить стоящие перед ним задачи.

в) Меры, принимаемые для подавления партизан, немедленно отражаются на гражданском населении; немцы, например, обычно прибегали к репрессиям, чтобы принудить партизан отказаться от выполнения стоящих [26] перед ними задач. Эти репрессии состояли в истреблении значительной части населения в районах, где действовали партизаны, или в заключении мирных жителей в концентрационные лагеря. Истребление людей вне боя внушает западным нациям отвращение. Создание же концентрационных лагерей потребовало бы обширной организации и значительного количества людей для охраны и управления. Единственный, представляющийся возможным выход состоит в применении того метода, которым пользовался генерал Бриггс в Малайе: он очищал беспокойные районы от партизан, а затем размещал по периферии этих районов войска, готовые немедленно развернуть действия в том случае, если партизаны снова поднимут голову.

10. С точки зрения нынешней международной обстановки эта книга появилась весьма своевременно. Она касается предмета, о котором мы много слышали, но который, насколько мне известно, не был тщательно изучен. Эта книга будет во многом способствовать исправлению такого положения и поможет тем, кому, быть может, придется разрабатывать планы борьбы с партизанами или планы их использования в борьбе против врага.

Командующий военным округом Северной Ирландии
генерал-лейтенант *Реджинальд Ф. С. Деннинг*.

ВВЕДЕНИЕ

Во время последней войны нашим войскам не приходилось в значительных масштабах бороться против партизан. Не существовало ни японских, ни итальянских, ни германских партизанских сил. Как только война с японцами была перенесена на их территорию, они сдались, и если у них и было намерение начать партизанские действия, они его не осуществили. На сопротивление партизан мы не натолкнулись также и в Италии. И только немцы как к последнему средству защиты пытались прибегнуть к партизанской войне. В течение зимы 1944/45 года шли разговоры о немецком движении *Werwolf*, которое должно было удерживать позиции в Баварских и Австрийских Альпах. Часть нацистской верхушки намеревалась организовать это движение, чтобы продолжать борьбу против союзных оккупационных войск, после того как Германия потерпит поражение. Оно должно было стать ядром немецкого движения сопротивления. Некоторое количество возможных участников этого движения было схвачено союзниками, и на этом дело кончилось. Немецкий народ, измученный и изнуренный почти шестью годами войны, больше не хотел воевать, и партизанам *Werwolf* так и не пришлось прибегнуть к оружию.

Во время последней войны партизанские действия, конечно, имели место, в частности в огромных масштабах они велись против армий немецких захватчиков в Советском Союзе. Существовали также китайские, югославские, греческие, польские, французские и абиссинские партизаны, наши собственные «чиндиты»^{1} в Бирме. [28] Но в то время все они сражались на нашей стороне. Мы всегда смотрели на них только как на патриотов.

Если же вам придется столкнуться с партизанами, которые будут сражаться на стороне врага, вы уже больше не будете считать их патриотами — для вас они станут бандитами. А до войны в Малайе и Корее мы никогда не сталкивались с бандитами.

Именно поэтому в Англии только сейчас начинают осознавать значение партизанских действий. Объясняется это в известной степени также и тем, что о подвигах партизан, сражавшихся на нашей стороне во время кампании в Восточной Африке и в Бирме, фактически ничего не писали. Пора уже понять все значение партизанских действий. Тем более, что коммунисты довели методы ведения партизанской войны до совершенства, и в любой будущей войне нам придется бороться против партизан в нашем тылу.

Партизанские методы ведения войны революционизировали саму концепцию войны. Традиционные методы ведения войны, поскольку мы с ними знакомы, каждому были ясны и понятны. Войска сражались на фронте; позади линии фронта существовал почти мир. Согласно статье 43 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны^{2}, командующий армией в оккупированной стране отвечает за восстановление и обеспечение, насколько это возможно, общественного порядка и безопасности. Ему принадлежит административная власть. Он пользуется суверенными правами, издает законы, обеспечивает работу административных органов, устанавливает судебную власть и заботится о защите гражданского населения. Восстановление и поддержание общественного порядка во время войн старого типа было довольно простым делом. Ведь командующий был хозяином на оккупированной территории; после того как территория была оккупирована, он мог восстановить закон и навести порядок собственной властью, не допуская эксцессов со стороны своих войск. [29] Местное же население представляло собой просто мирных граждан^{3}.

Кажется странным, что еще недавно войны велись на основе такой устаревшей концепции. Когда в 1941 году германские армии вторглись в СССР, они не опасались широкого партизанского движения, и действительно в начале кампании с ним не столкнулись. Многие белорусы и украинцы приветствовали их как освободителей. Но вскоре немецкие армии оказались втянутыми в бои на нескольких фронтах: против советских армий на переднем крае и против советских партизан глубоко в тылу, где они взрывали склады боеприпасов и воинские эшелоны, устраивали засады, нарушали коммуникации, сжигали запасы. Партизаны появлялись словно из-под земли: они высаживались с моря, проводили десантные операции, выбрасываясь с парашютами, выходили из тайных убежищ в горах и болотах. Во время боев они иногда бросали своих убитых и раненых. Некоторые попадали в плен. Остальные ускользали и появлялись вновь в большем числе и лучше вооруженными, чем раньше. Немцы узнали на собственном опыте, что означают партизанские действия. Пренебречь этими уроками было бы для нас губительно.

И все же как ни широк был размах партизанской войны, в то время она еще не достигла полного развития. Немцам приходилось бороться только против советских партизан в России, у них не было у себя дома немецких партизан-коммунистов. Но в гитлеровской Германии в конце концов мало уцелело коммунистов. Однако в любой будущей войне, в которой примут участие СССР и красный Китай, коммунистические партии [30] в странах их противников, несомненно, организуют партизанское движение для борьбы против армий собственных стран. Они образуют вместе с советскими партизанами коммунистическую «шестую» колонну позади линии фронта. Мы не должны забывать об этой угрозе со стороны наднационального коммунизма у себя в тылу. Как мы увидим, нам было сделано предостережение в этом отношении самим Сталиным.

Силы и боеспособность партизанских частей, находящихся под контролем Кремля, после войны неуклонно увеличиваются. В последние годы в каждой из стран-саттелитов были сформированы собственные партизанские бригады, иногда усиленные так называемыми интернациональными бригадами. Никто не знает, придется ли нам сражаться против этих коммунистических партизан, но мы должны быть к этому готовы. Наш недавний опыт борьбы в условиях партизанских действий в Малайе и Кении мы использовать не можем, поскольку на основании этого опыта нельзя сделать надлежащих выводов. Там партизаны боролись собственными силами, не имея у себя за спиной национальной армии. Между тем во всякой новой войне партизаны на стороне противника будут действовать как вспомогательная сила его регулярной армии, как это и было в русской кампании. Они применяют свою специфическую тактику и технику, характерные для действий за линией фронта. Исходя из указанных соображений, следует сказать, что давно назрела необходимость внимательно изучить историю германо-русской партизанской войны.

Настоящая книга посвящена изучению партизанских действий в СССР во время последней войны. Ее авторы попытаются показать, как в Советском Союзе на практике осуществили «план партизанской войны, разработанный в 1937 году неизвестным тогда китайским коммунистом Мао Цзэ-дунем, и почему контрмеры, предпринятые немцами, оказались неэффективными. В нашей книге мы попытаемся извлечь уроки и наметить пути и средства отражения угрозы партизанских действий в будущем.

Часть первая. Советские партизаны

ГЛАВА 1. ЗЛОВЕЩИЕ ПРОРОЧЕСТВА

Не мучай детенышей чуждых,
Зови их сестрой, братом милым:
Пусть слабы они, но, быть может,
Медведица их породила,

Афоризм Бальво.

Современных диктаторов характеризует странная склонность запечатлевать свои планы на будущее и делать их достоянием всех. Классическим примером в этом отношении был, конечно, Гитлер. В написанной им в 1923 году книге «Майн кампф» он сообщал всякому, кто хотел ее прочесть, чего от него следует ожидать. Японцы высказывались менее определенно, но все же достаточно ясно: в 1927 году они объявили о своем намерении завоевать Дальний Восток. Но и немцам и японцам свойственно так сильно все преувеличивать, что этому трудно было поверить. История диктатур, существовавших в последние двадцать или тридцать лет, не дает нам оснований и дальше с недоверием относиться к подобным декларациям.

Можно привести высказывания ряда других диктаторов, чтобы показать, что они обычно охотно выступают с зловещими пророчествами. Партизанская война была предсказана такой грозной плеядой архикоммунистов, как Карл Маркс, Ленин, Мао Цзэ-дун и Сталин. Первое из этих предсказаний гласит:

«Народ, который хочет завоевать себе независимость, не может ограничиться обычными способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды — вот способы, при помощи которых [34] маленький народ может одолеть большой; только так более слабая армия может противостоять и более сильной, и лучше организованной»{4}.

Почти невероятно, что эти слова были написаны сто с лишним лет назад. Они звучат совершенно по-современному. Не менее удивительно, что они вышли из-под пера невоенного. Они были написаны человеком, которого нынешнее поколение знает как автора «Капитала» и соавтора «Манифеста Коммунистической партии». Но Карл Маркс тщательно изучал военные вопросы. Живя в Лондоне, он в 1853-1856 годах был военным корреспондентом газеты «Нью-Йорк трибюн», которая помещала его многочисленные статьи относительно событий во время Крымской войны{5}; а в 1861-1862 годах вместе с Энгельсом он помещал в венских газетах статьи о гражданской войне в Америке{6}.

Статья, из которой нами приведена цитата, была посвящена сражению у Новары в 1849 году. В ней Маркс кратко излагает самую революционную теорию войны. Правда, партизанскую войну изобрел не он. Впервые партизанская война возникла в Китае еще в 360 году до нашей эры, когда император Хуан вел долгую и изнурительную борьбу с народом мяо, вождем которого был Цзи Яо. Император Хуан использовал партизан и, наконец, сумел нанести противнику поражение{7}.

Позже партизанские действия велись во время Американской{8} и Французской революций и в войне в Испании в 1808-1811 годах. По рассказам, в 1812 году русские вооруженные крестьяне добились значительных [35] успехов в своих действиях против отступавшей наполеоновской армии.

Однако Маркс был первым, кто понял огромное значение этой формы вооруженной борьбы. Странно, что огромные потенциальные возможности этой формы борьбы были испытаны по-настоящему в широких масштабах лишь после того, как все великие научные открытия уже широко использовались в современной войне.

Когда Маркс писал о народной войне, главной силой на поле боя была пехота. Она строилась в три линии: солдаты первой линии стреляли лежа, второй линии — с колена, а третьей — стоя, ожидая наступления кульминационного момента боя, который завершался атакой кавалерии, пускавшей в ход пики и шашки.

О позиционной войне тогда еще не слышали, а быстрота маневра ограничивалась скоростью передвижения лошади, несущей на себе вооруженного всадника. Не были еще изобретены грузовики и «виллисы», танки и самоходные пушки, подводные лодки и самолеты, ракеты и авиабомбы, пулеметы и зажигательные снаряды, химические и бактериологические средства ведения войны, радиолокация и атомная бомба. Но все эти неотъемлемые средства ведения современной войны были уже испытаны в бою или по крайней мере разработаны учеными до того, как предсказания Маркса получили первую широкую проверку в Европе.

Немецкие армии в России терпели больший ущерб от партизан, чем от любого из обычных средств ведения войны. Ведь каждому виду советского оружия немцы могли противопоставить такое же или лучшее оружие. Но они были почти бессильны в борьбе против партизан. Даже такой изворотливый человек, как «доктор» Геббельс (он любил, чтобы его так называли), не знал, как бороться с этой угрозой, чреватой столькими неожиданностями. Призрак Маркса оказался сильнее живого Геббельса.

Нельзя сказать, что Геббельс не пытался преодолеть эту угрозу. Во время войны он вполне осознал опасность партизанских действий. Об этом свидетельствуют его дневники. Он писал: [36]

«6 марта 1942 года в донесении СД (гнусная служба безопасности Гимmlера) сообщается о положении в оккупированной России. Оно еще более неустойчиво, чем все предполагали. Опасность со стороны партизан растет с каждой неделей. Партизаны безраздельно господствуют над обширными районами оккупированной России, они установили там режим террора.

16 марта 1942 года. Деятельность партизан в последние недели заметно усилилась. Они ведут хорошо организованную партизанскую войну. До них очень трудно добраться, так как они прибегают в оккупированных нами районах к таким террористическим методам, что население теперь боится идти на сколько-нибудь искреннее сотрудничество с нами.

29 апреля 1942 года. Партизаны в оккупированных районах по-прежнему представляют огромную для нас угрозу. Этой зимой они поставили нас перед большими трудностями, которые отнюдь не уменьшились с началом весны.

Партизаны взорвали в пяти местах железнодорожные пути на Центральном фронте . между Брянском и Ро-славлем. Это еще одно доказательство их крайне дезорганизующей деятельности»{9}.

Источником информации для Геббельса были так называемые донесения СД, то есть службы безопасности, входившей в состав Главного имперского управления безопасности и представлявшей собою организацию, родственную гестапо. Эти донесения, являющиеся важнейшим источником для изучения того влияния, которое партизанские действия оказывали на положение немецкой армии в СССР, направлялись через короткие промежутки времени всем нацистским руководителям.

Все комплекты донесений СД потеряны за исключением одного, который был найден союзниками в заброшенной соляной копи около Зальцбурга в Австрии. В дальнейшем мы будем часто ссылаться на эти донесения и увидим, что данная Геббельсом характеристика [37] партизанских действий как «крайне дезорганизующих» является огромной недооценкой их действительного значения. Но как бы то ни было, в своем стремлении найти средства борьбы против партизан «доктор» не пошел дальше определения причин возникновения партизанской войны. 25 апреля 1942 года он писал в своем дневнике:

«Вначале население Украины было вполне склонно смотреть на фюрера как на спасителя Европы и сердечно приветствовало немецкую армию. Через несколько месяцев отношение к нам резко изменилось. Мы слишком больно ударили по русским, особенно по украинцам, круто поступая с ними. Затрещина не всегда является убедительным доводом, и это относится как к украинцам, так и к русским».

Почти через месяц, 22 мая 1942 года, Геббельс снова касается этой темы:

«Лично я думаю, что мы должны изменить нашу политику, особенно по отношению к народам Востока. Нам бы удалось значительно уменьшить опасность со стороны партизан, если бы мы сумели завоевать в какой-то мере доверие народа. В этом отношении могла бы совершить чудеса ясная политика по отношению к крестьянам и церкви. Может быть, было бы полезно организовать в различных районах марионеточные правительства, чтобы переложить на них ответственность за неприятные и непопулярные мероприятия».

Геббельс был убежденным сторонником проведения в оккупированных странах политики кнута и пряника. Но в данном случае он делает явно бесполезную попытку вернуться назад. СД и другие нацистские органы уже успели к тому времени ожесточить местное население, ранее относившееся к немцам благожелательно, и Геббельс, казалось, сам понимал, что идти на попятный поздно. Во всяком случае, его советы проявлять мягкость не были искренними, ибо через полтора года он выступил в качестве поборника необузданной жестокости. 4 декабря 1943 года он писал:

«Я получил более подробный доклад о положении на Востоке... Мы совершили крупную ошибку, своевременно не эвакуировав мужское население из оставляемых [38] нами районов. По мере продвижения вперед Советы сразу же мобилизуют в армию мужское население. Большинству мобилизованных даже не выдается военная форма, они носят только красные нарукавные повязки. Таким образом, Сталин очень легко получил 400-500 тысяч солдат. Кроме того, пока мы оставляли мужское население непосредственно за линией фронта, опасность формирования партизанских отрядов не могла быть устранена».

Здесь Геббельс был либо введен в заблуждение, либо, что более вероятно, хотел представить себя инициатором политики, которая фактически уже давно проводилась отступающими немецкими армиями, хотя и не давала желаемого результата.

Во всяком случае, ясно, что проблема оказания противодействия партизанам была Геббельсу не по плечу. Он недооценивал силы своих противников и не сумел вовремя подготовиться к борьбе с ними.

Доктор философии Геббельс изучал историю, философию и историю искусства и литературы. Он учился во всех знаменитых немецких университетах и наверняка в свое время много читал. Он считал себя специалистом по ведению психологической войны, и в Англии с этим его мнением склонны были согласиться. Можно предположить, что он и его чиновники в Министерстве пропаганды и просвещения еще даже до нападения Германии на СССР лихорадочно отбирали из учения основоположников коммунизма все, что они могли практически использовать для воздействия на ход войны.

Однако они, видимо, не были для этого достаточно подготовлены или же им не хватило старания. Чиновники Министерства пропаганды и просвещения не только не обратили внимания на высказывания Маркса по этому вопросу, но пренебрегли и тем, что говорили на этот счет Ленин, Мао Цзэ-дун и Сталин.

Это упущение тем более странно, что немцам уже приходилось сталкиваться с французскими франтирерами (вольными стрелками) во время франко-прусской войны 1870-1871 годов.

Авторы немецких учебников по истории, говоря об этой неприятной подпольной войне, ограничивались [39] несколькими фразами и списывали ее со счетов как незаконную форму борьбы.

Иначе думал Ленин. Он писал, что испытанные и принятые методы партизанской войны — непрерывные стачки и изматывание врага в баррикадных боях здесь, там и везде — оказались весьма действенными в период русской революции 1905 года.

Сталин же указывал, что подобные методы борьбы применялись и во время русской революции 1917 года.

Но если Ленин считал партизанские методы борьбы весьма действенными, то Сталин давал им гораздо более высокую оценку. Он считал партизанские действия решающими. Сталин даже утверждал, что, если бы не партизаны, коммунистам никогда не удалось бы свергнуть Керенского и остаться у власти.

23 апреля 1923 года Сталин выступил на XII съезде РКП (б) с докладом «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». Он сказал:

«Не забудьте, товарищи, что если мы с развернутыми знаменами шли против Керенского и свалили Временное правительство, то, между прочим, потому, что там за спиной мы имели доверие тех угнетенных народов, которые ждали от русских пролетариев освобождения. Не забудьте о таких резервах, как угнетенные народы, которые молчат, но своим молчанием давят и решают многое. Часто это не чувствуется, но они, эти народы, живут, они есть, и о них нельзя забывать. Да, товарищи, опасно о них забывать. Не забудьте, что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых «инородцев», не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям — товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все, — если бы не это сочувствие, мы бы не скосырнили ни одного из этих генералов»^[10].

В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому, что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед [40] угнетенными

народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов. Вот что решило судьбу этих генералов, вот сумма факторов, которые заслонены успехами наших войск, но которые в последнем счете решили все. *Этого забывать нельзя*»{11}.

Ни Сталин, ни его слушатели этого не забыли. В августе 1928 года в Москве состоялся VI Конгресс Коминтерна, который выдвинул следующие тезисы:

«Превращение войны империалистических государств в гражданскую войну пролетариата против буржуазии. За диктатуру пролетариата, за социализм путем революционных выступлений масс в тылу и братания на фронте...

«Превращение империалистической войны в войну гражданскую» означает, прежде всего, *революционные массовые выступления*... Если позволяет общее положение, коммунисты должны использовать такого рода массовые движения для образования партизанских отрядов и для непосредственного развертывания гражданской войны. Это относится особенно к странам, где налицо мощное национально-революционное движение. В этих странах при объявлении войны (особенно в случае войны против Советского Союза) или во время войны, когда этому ситуация благоприятствует, коммунисты могут выдвигать лозунг национально-революционного восстания против империалистов и немедленного образования национально-революционных партизанских отрядов»{12}.

Правильное понимание сути партизанской войны открывало, таким образом, новые перспективы. Предполагалось, что не только русские будут вести партизанскую борьбу на своей родной земле, если СССР будет воевать, но и коммунисты других стран должны будут помогать СССР партизанскими действиями против своих [41] армий. Другими словами, в случае войны между СССР и Великобританией английские коммунисты должны будут вести партизанскую борьбу против английской армии. «Этого нельзя забывать», — сказал Сталин.

Мы также ни в коем случае не должны этого забывать.

Сталин подтвердил концепцию партизанской войны, вернувшись к этому вопросу в 1934 году. На сей раз он заявил на весь мир: «...эта война будет самой опасной для буржуазии войной... потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям...»{13}.

Эти «многочисленные друзья рабочего класса СССР» известны под названием сторонников мира. Не меньший авторитет в этом вопросе член итальянского сената коммунист Террачини назвал их именно так. «Если вспыхнет война, — сказал он в 1951 году, — сторонники мира, которые являются также сторонниками войны в защиту свободы, будут знать, в чем заключается их долг»{14}.

Таким образом, истинный сторонник мира является разновидностью пользующегося печальной известностью коллаборациониста. Во время гражданской войны в Испании мы познакомились с пятой колонной. Тайно действуя в Мадриде, она подорвала оборону города против действовавших за его пределами четырех колонн Франко. И все же это были испанцы, поддерживавшие какую-то другую часть испанцев. Затем во время второй мировой войны мы столкнулись с квислингами — предателями и шпионами, открывшими ворота в свои страны иностранным агрессорам и терроризировавшими подлинных патриотов. Но даже квислинги не решались сражаться против собственной армии. А сторонники мира знают, что им делать. Они из тыла нанесут удар по своим соотечественникам, они разожгут гражданскую войну, они создадут национально-революционные партизанские отряды, они будут вести войну на внутреннем фронте; короче [42] говоря, как «сторонники войны в защиту свободы (они) будут знать, в чем заключается их долг».

Но есть еще и другие зловещие пророчества.

До того времени, когда в 1934 году Сталин выступил со своей мрачной угрозой, партизанские действия не давали больших результатов. Во время первой мировой войны они были крайне незначительны, и даже подвиги полковника Лоуренса, несмотря на всю их романтичность, не меняют этой оценки^{15}. Партизанские действия имели значение только во время русских революций.

Вместе с тем партизанская война в Китае, за ходом которой недостаточно следили на Западе, уже начинала определять будущее развитие событий в этой стране. То, что раньше представляло собою книжную премудрость и словоизвержения на съездах, Мао Цзэ-дун сумел превратить в превосходный боевой план партизанской войны. К тем пророчествам, что провозглашались раньше, он добавил ряд высказываний, которые были опубликованы в 1937 году; одна из написанных им брошюр имела в Китае большой успех.

Неизвестный большинству из нас, Мао Цзэ-дун был тогда уже вождем китайских коммунистов. С 1927 года китайская Красная Армия превратилась в грозного противника Чан Кай-ши. Своими успехами она была обязана широкому применению партизанских методов борьбы. Благодаря искусному использованию партизанских частей против японцев начиная с 1937 года 8-я армия превратилась в лучшее боевое объединение Единого фронта Чан Кай-ши. Когда Мао Цзэ-дун писал и говорил о партизанских действиях, он делал это на основании опыта, тогда единственного. Мао Цзэ-дун в настоящее время следует считать крупнейшим стратегом партизанской войны.

«Взгляды на партизанскую войну как на незначительный придаток к военной тактике, как смотрели на нее во времена полковника Лоуренса, китайцы развили в одну из [43] важнейших стратегических концепций, известную под формулой всенародной затяжной сопротивительной войны»^{16}.

Мао Цзэ-дун в своей концепции опирается на теорию Карла Маркса, который считал, что небольшие ударные силы могут действовать против численно превосходящего их противника только с помощью партизан.

Мао сказал:

«Наша армия по своей численности и технике еще значительно уступает противнику, наша территория еще очень мала... В этих условиях, определяя свою политику, мы, как правило, должны... по-честному признать партизанский характер [китайской. — Ред.] Красной Армии... партизанский характер является нашей особенностью, нашей сильной стороной, орудием нашей победы над врагом»^{17}.

Под «партизанским характером» Мао подразумевает гибкость и маневренность. Он предвидел три стадии в войне против Японии. Первая стадия характеризуется наступлением японцев и отступлением китайцев, отходящих с оборонительными боями^{18}. Особенностью такого отступления с оборонительными боями является нанесение «коротких ударов и отходы, быстрое сосредоточение и рассредоточение (китайских) сил. Это будет маневренная война большого масштаба, а не просто позиционная война»^{19}. В такой маневренной войне, указывал он, большие надежды следует возлагать на партизанские действия и на партизанскую тактику... Наша стратегия и тактика, говорил он, должны исходить из стремления избегать больших решающих сражений в первой фазе войны и ставить себе задачей постепенно подрывать моральное состояние, боевой дух и боеспособность противника. Тем более важно сохранять на высоком уровне моральное [44] состояние китайских войск. «В войне, которую мы ведем, вооруженный народ и малая партизанская война, с одной стороны, и Красная Армия... — с другой, напоминают две руки человека. Практически моральное состояние народа представляет собою моральное состояние вооружившегося народа. Именно этого и боится противник»^{20}.

Как пояснил Мао, главная задача войны состоит в подрыве боевой мощи противника, а не в захвате и удержании городов и территории.

Итак, после того как в результате осуществления первой фазы войны боевая мощь противника оказывается подорванной, наступает вторая фаза, а именно период «подкарауливающих ударов». В течение этой фазы противника следует еще более измотать. «При правильной организации и руководстве... (партизанские) части могут изматывать японцев в течение двадцати четырех часов в сутки и замучить их до смерти{21}. Именно поэтому, говорил Мао Цзэ-дун, необходимо располагать большим количеством партизанских отрядов, набираемых из крестьян. Их необходимо политически воспитать, руководить, ими и вооружить. Надо помнить, подчеркивал он, что война будет вестись на территории Китая. Это значит, что японцы будут полностью окружены враждебным им китайским народом. Японцы будут вынуждены ввозить все свои запасы и охранять их, располагая войска вдоль всех линий коммуникаций и размещая многочисленные гарнизоны на своих базах в Маньчжурии и Японии... Наступит момент, когда японским армиям можно будет навязать позиционную войну. Этот момент станет поворотным пунктом.

После успешного завершения второй фазы снова начинается маневренная война, когда китайцы переходят в [45] контрнаступление против уже измотанного в боях противника. Здесь на сцену вновь появляются партизаны, которые продолжают изматывать противника и отрезать ему пути к отступлению.

Наиболее значительным вкладом Мао Цзэ-дуна в теорию партизанской войны является его брошюра «Партизанская война», вышедшая в свет в 1937 году в Китае{22}. Эта брошюра не была опубликована ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии. В Англии ее невозможно достать ни в оригинале, ни в переводе. На английский язык она была переведена полковником американского корпуса морской пехоты Сэмюелем Гриффитсом, которому нам хочется выразить благодарность за то, что он любезно предоставил в наше распоряжение экземпляр своего перевода{23}. В этой брошюре, содержание которой будет изложено нами очень кратко, искусство ведения партизанской войны впервые рассматривается как предмет военной науки.

По мнению Мао, партизанские действия должны быть организованы для того, чтобы способствовать достижению победы. Каждый округ, который может состоять из нескольких уездов, должен быть поставлен под руководство военного командира и политического «комиссара». Округ должен быть подразделен на более мелкие районы, опять-таки во главе с военными командирами и комиссарами, организующими военные и политические штабы, которым подчиняются партизанские отряды{24}. Однако ввиду того, [46] что партизанские отряды действуют независимо, высшее руководство ими не должно быть слишком централизовано. На местах командование фактически остается за руководителями партизанских частей, тогда как высшее командование обеспечивает единую для всех стратегию.

Как мы увидим, эту организационную структуру приняло и партизанское движение в СССР.

По мнению Мао, все действия партизан должны быть согласованы с действиями регулярной армии; партизаны представляют собой особую могучую силу, но сами они не могут нанести поражения противнику; победить противника без их помощи также невозможно; первостепенное значение имеют действия регулярных войск, и партизаны только помогают им завоевать победу; поэтому необходимо обеспечивать постоянное взаимодействие между армией и партизанами, особенно в прифронтовой полосе.

Здесь следует отметить, что в результате такой координации действий партизанские отряды должны получать приказы как от своих высших штабов, так и от штабов армий. Партизанское движение в СССР основывалось на концепции Мао Цзэ-дуна.

По мнению Мао, при выполнении своих задач партизаны всегда должны помнить о взаимодействии с армией; их задача состоит в том, чтобы вести войну в тылу врага и таким образом расширять районы военных действий; они должны истреблять мелкие неприятельские

подразделения и части и тревожить крупные, подрывать моральное состояние войск противника, нарушать его линии снабжения и организовывать партизанские базы. Партизаны должны сражаться с врагом одновременно в нескольких местах, вынуждая его распылять свои силы. Неприятельский тыл должен быть превращен в дополнительный [47] фронт. При таких условиях неприятельские войска не смогут долго противостоять партизанам. Партизан Мао Цзэ-дун сравнивает с несметным количеством комаров, которые нападают на великана и своими бесчисленными укусами и спереди и сзади в конце концов окончательно его изнуряют. Именно этого достигали советские партизаны, которых Сталин однажды назвал своим вторым фронтом.

Мао Цзэ-дун считал, что стратегия партизан отличается от стратегии регулярной армии. Партизаны никогда не ведут позиционной войны и не дают решающих сражений. В основе их действий, носящих наступательный характер, лежат стремительность и маневренность.

В книге Мао Цзэ-дуна в различных местах излагаются правила ведения партизанской войны. Их можно свести к следующим:

1. Надо избегать столкновения с превосходящими силами противника. Но, если партизаны все же встретятся с превосходящими силами, они должны отходить, когда противник наступает; беспокоить его, когда он останавливается; они должны атаковать противника, когда он измотан, и преследовать, когда он отступает.

2. Главным условием успешных действий партизан является внезапность.

3. Нападение должно тщательно планироваться. Партизаны должны всегда атаковать по своей собственной инициативе.

4. Партизаны должны сосредоточивать свои действия против более слабого противника. Следует отметить, что это правило выработал Пын Дэ-хуай:

«В обычном бою с неприятельскими войсками партизаны должны количественно превосходить противника. Если же неприятельские войска находятся на марше или на отдыхе либо плохо охраняются, внезапная фланговая атака против жизненно важного пункта или коммуникаций противника может быть осуществлена значительно меньшей группой партизан, уступающей по численности противнику»{25}. [48]

5. Партизаны должны наносить сильные молниеносные удары и быстро добиваться успеха.

6. При неблагоприятных условиях партизаны должны немедленно рассредоточиться и изменить тактику действий. К этому необходимо прибегать особенно тогда, когда партизаны не могут выставить достаточных сил, когда они попадают в окружение, когда они оказываются на местности, не благоприятствующей их действиям, или испытывают недостаток в снаряжении и провианте.

7. Но партизаны должны сосредоточивать свои силы, когда противник ведет против них наступление и имеется возможность его уничтожить.

8. Партизаны должны овладеть искусством введения противника в заблуждение. Они должны уметь создать впечатление, что наступают с востока и севера, а ударить с запада и с юга или, как сказал в 1936 году Пын Дэ-хуай, они должны делать вид, что «атакуют с востока, а на самом деле атакуют с запада».

Отметим попутно, что когда пятнадцать лет спустя Пын Дэ-хуай стал главнокомандующим силами китайских «добровольцев» в Корее, он там продолжал придерживаться той же тактики, то есть делал вид, что наступает с востока, а атаковал на самом деле с запада.

9. Партизаны должны всегда передвигаться скрытно. 10. При создании партизанами своих баз важное значение имеет сотрудничество с народом. В этой связи Пын Дэ-хуай сказал:

«Обладая большей в сравнении с противником мобильностью и будучи связаны неразрывными узами с народными массами, партизаны обладают еще преимуществом лучшей разведки, и это должно быть максимально использовано. Идеально, каждый крестьянин должен быть партизанским разведчиком, чтобы противник не мог сделать шагу, о котором не узнали бы партизаны»{26}.

Мы увидим ниже, насколько близка была тактика советских партизан к этому образцу. То же можно сказать и о замечательном плане ведения партизанской войны, выработанном Мао Цзэ-дунем. Он ясно видел, что его план годится не только для Китая. [49]

Следует указать, говорил он, что партизанские бои, которые ведутся теперь в Китае, вписывают в историю совершенно новую страницу. Их влияние не ограничится Китаем в его нынешней войне против Японии, а *приобретет мировое значение*.

Мао Цзэ-дун всегда следовал этим правилам, и полезность некоторых из них он еще раз подтвердил в своем докладе на совещании, проведенном Центральным Комитетом Коммунистической партии Китая 25 декабря 1947 года. Его замечательный план должен был сыграть важную роль в разгроме Чан Кай-ши и установлении в Китае его собственного режима.

Мы не будем описывать здесь роли партизан в этой кампании. Те, кого интересует этот вопрос, могут ознакомиться с ним в предисловии к изданной в Париже книге «Стратегические вопросы революционной войны в Китае»{27}. Гитлер был достаточно проницателен, чтобы предвидеть исход этой кампании. 18 февраля 1938 года он объявил о своем сочувствии японской агрессии и о признании Германией Маньчжоуго. «Я не считаю, что Китай, — сказал он, — располагает достаточными духовными или материальными возможностями, чтобы противостоять нашествию большевизма».

Ради соблюдения исторической точности следует прибавить, что он не предвидел «промежуточного эпизода» 1939-1945 годов и его влияния на Японию. Кроме того, Гитлер совершил роковую ошибку, не сумев понять и изучить методов Мао Цзэ-дуна в его борьбе за власть. «... недооценивать вооруженную борьбу, недооценивать революционную войну, недооценивать партизанскую войну, недооценивать работу в армии — неправильно», — почти с сардоническим сарказмом заявил Мао Цзэ-дун в 1939 году{28}.

Мы не должны совершить этой ошибки.

22 июня 1941 года немецкие армии вторглись в СССР. Международный военный трибунал и судьи на состоявшемся впоследствии Нюрнбергском процессе рассматривали [50] это вторжение как акт прямой агрессии. Некоторые же из подсудимых считали, что «это была не незаконная агрессия, а наступление, оправданное целями обороны»{29}. Неоспоримо, однако, одно — Советский Союз был не подготовлен к отражению нападения, и уж, во всяком случае, он предпочитал бы иметь передышку, в течение которой мог бы выжидать и наблюдать, как изматывают друг друга в борьбе англичане и немцы. Именно поэтому — как нам известно из надежных немецких источников — он готов был пойти на любые уступки Германии, кроме территориальных. Но в одном отношении советские приготовления вполне соответствовали требованиям. Через одиннадцать дней после немецкого вторжения Сталин выступил со своим знаменитым обращением к советскому народу:

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»{30}.

Осенью 1940 года Германия начала свои приготовления к войне против СССР. В начале 1941 года немецкие правительственные органы закончили детальную разработку плана предстоящей военной кампании (известного под кодовым названием «Барбаросса»), а также плана экономической эксплуатации СССР (кодовое название «Ольденбург»). Как ни тщательно были составлены эти планы, ни германский генеральный штаб, ни Гитлер и Геббельс не подумали в то время о значении действий партизан.

Гитлер сказал, что «партизаны будут безжалостно уничтожаться войсками в бою или при их попытке к [51] бегству»{31}. Фюреру казалось, что этого безапелляционного формального заявления вполне достаточно для успешного решения задачи, представлявшейся ему совсем несложной. И, как мы увидим во второй части настоящей книги, германский генеральный штаб считал, что выполнение приказа фюрера можно в основном возложить на СД под руководством Гиммлера.

Между тем наступило время для широкого развертывания партизанских действий в Европе. В своей превосходно написанной книге Микше указывает на четыре причины применения подпольных методов борьбы в минувшей войне. Три из них вполне применимы к объяснению партизанских действий против немецких армий в СССР.

1. «Развитие стратегии и тактики» приводит к тому, что боевые действия ведутся теперь на больших пространствах, куда могут проникать партизаны.
2. «Абсолютная зависимость современных армий от промышленных и экономических баз в тылу и от состояния транспорта» делает тыл действующих армий уязвимым для ударов партизан.
3. «Развитие авиации и радиотехники» как средств связи и снабжения{32}.

Рассказывая о действиях советских партизан в годы войны, мы в качестве источников будем использовать в основном захваченные немецкие документы. Помимо того, что немцы были солдатами, которые сражались на фронтах всей Европы и в Африке, они оказались также плодовитыми авторами военных дневников, различных докладов, приказов, директив и инструкций. Несмотря на интенсивные бомбардировки английской и американской авиацией Потсдама и Берлина, так каким-то чудом уцелели архивы германской армии. Некоторые дела сгорели дотла, другие пострадали от воды и огня, но часть этого удивительного собрания документов осталась невредимой или могла быть заменена фотокопиями. В настоящее время эти документы находятся в Пентагоне и служат ценным источником для военных историков. Они являются [52] также бесценной находкой для тех, кто изучает стратегию и тактику партизанских действий{33}.

Документальные данные, положенные в основу настоящей книги, дополнены показаниями высших немецких офицеров, лично знакомых с действиями советских партизан.

Кроме того, были использованы второстепенные немецкие и русские источники. [53]

ГЛАВА II. ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН

«Господин гебитскомиссар{34} сидит за столом, потягивает кофе, перебирает свои бумаги, время от времени поглядывая на улицу. Вдруг он слышит странный шум. Доносятся приглушенные крики. раздаются отдельные выстрелы.

Возвращается адъютант, посланный узнать, что случилось. Он бледен, у него стучат зубы, и он только в состоянии повторять: «Они здесь, они здесь!» Гебитскомиссар вскакивает из-за стола, хватается за свой

автомат, но в этот момент дверь открывается и в комнату вваливается невероятно пестрая группа людей. Некоторые одеты в форму немецких жандармов, даже с военными орденами, другие в форму эсэсовцев или в хорошо сшитые костюмы из лодзинского сукна. Кое-кто в русской форме или в вышитых украинских рубашках.

Через полчаса труп гебитскомиссара уже раскачивается на тополе недалеко от комендатуры, а появившиеся так внезапно люди раздают населению продукты, отобранные немцами и хранившиеся на складе. Еще через полчаса немецкий отряд мотоциклистов, примчавшийся для оказания помощи, застаёт в городке полное спокойствие. Все тихо. Как будто ничего не случилось, только повешен гебитскомиссар да перебит или взят в плен гарнизон...

При виде марширующего отряда Богдана трудно было понять, что это такое. Более половины личного состава отряда было одето в немецкую военную форму, некоторые носили штатские костюмы, сшитые где-нибудь в [54] Ровно или Луцке, другие были одеты в словацкую или польскую военную форму. На сопровождавших отряд телегах была сложена одежда, годная для любых операций партизан: эсэсовская форма, итальянские солдатские брюки, украинские рубашки и обыкновенные пиджаки»{35}.

Этот отрывок звучит как рассказ о путешествии в страну чудес. Он взят из сборника, выпущенного под редакцией{36} генерал-лейтенанта Красной Армии Пономаренко, который был начальником Центрального штаба партизанского движения и одно время главнокомандующим партизанскими силами в Белоруссии.

Последующие страницы помогут убедить читателя в том, что вышеприведенный отрывок не выдумка. Немецкие документы подтверждают достоверность отчета русских. Ниже приводится выдержка из донесения СД № 9:

«Руководитель партизанского движения в Минске создал штаб... Штаб поставил перед собой задачу убрать генерал-губернатора... Была возможность достать несколько культур бактерий».

Эта попытка потерпела неудачу, но в 1943 году генерал-губернатор был убит в своем штабе русской горничной, оказавшейся партизанкой. Имели успех и многие другие попытки.

«В Харькове при довольно сильном, многочисленном гарнизоне уничтожен карающей рукой украинских партизан штаб немецкой пехотной дивизии вместе с генералом Брауном. Ленинградские партизаны уничтожили группу вражеских автомашин, при этом погибли генерал Р. фон Вирц и его охрана. (Белорусские партизаны уничтожили в селе Боровое штаб немецкой дивизии во главе с генералом Якоби){37}. В Минске, прямо в канцелярии, партизаны прикончили крупного немецкого агента Фабиана Акинчица. В Барановичах от руки партизан погиб главный комендант города Фридрих Фенч... Партизаны [55] систематически истребляют районных и областных сельскохозяйственных руководителей, чиновников оккупационных органов, уполномоченных по отправке советских граждан на германскую каторгу»{38}.

Этот перечень далеко не полон, но и в таком виде он достаточно внушителен. Из немецких источников известно, что генерал-полковник Боддиен был расстрелян партизанами; начальник штаба 9-й армии был партизанами ранен, и еще многим высшим немецким офицерам не удалось достигнуть места своего назначения, так как по дороге о их судьбе позаботились партизаны.

В немецких сообщениях «форма», которую носили партизаны, описывается даже более красочно, чем в советских. «Уже один их внешний вид и одежда свидетельствуют о том, что это бандиты. Как правило, они не носят формы со знаками различия, а одеты в самое различное гражданское платье; иными словами, они носят одежду бандитов. Их излюбленный метод — маскироваться под мирных крестьян и крестьянок. Некоторые носят смешанную гражданскую и военную одежду и в соответствии с обстановкой могут, как хамелеон, быстро изменить свой внешний облик. Попадались отряды, одетые в немецкую форму со всеми офицерскими или солдатскими знаками различия. Другие носили одновременно и немецкую, и советскую форму, одну поверх другой... чтобы можно было быстро преобразиться»{39}.

Немецкую форму, по-видимому, предпочитали носить те, кто умел говорить по-немецки и мог сойти за чеха. Одни носили повязки немецких полицейских, завербованных из местного населения. Другие переодевались женщинами.

Охота на немецких должностных лиц была лишь побочным делом в многосторонней деятельности красных партизан. Вот рассказ о том, как юноша-партизан Илья Кузин и его помощник взорвали немецкий поезд с боеприпасами. [56]

«Каждый из нас окопался там, где дорога делает крутой поворот, и стал поджидать поезда. В другом месте были заложены мины. Послышался шум приближающегося поезда. Начали трещать пулеметы, работавшие при свете прожекторов, и через несколько секунд мимо прошла дрезина. Илья сразу же услышал, как пыхтит паровоз.

Теперь поезд шел там, где были заложены мины. В одно мгновение Илья и его товарищ соединили провод и отскочили в сторону. Со страшным скрежетом паровоз, как раненое животное, встал на дыбы и через мгновение опрокинулся. Вагоны наскакивали один на другой. Воздух сотрясался от страшного грома, земля колебалась. Снаряды, которыми были нагружены вагоны, начали взрываться с ужасным грохотом.

Илья лежал оглушенный. На него падали обломки досок и всякие другие предметы. Когда все было кончено, ему нескоро удалось выбраться из-под обломков»{40}.

Вот как был подорван немецкий состав со снарядами. К концу войны немцы потеряли тысячи таких составов. Один или два партизана, немного динамита и кусок провода — вот все, что для этого требовалось.

Другим излюбленным делом партизан был подрыв мостов. По словам одного из тех, кто этим занимался, вот как это происходило:

«С горы Ламбина спускались медленно: вокруг были немцы, мы же сюда попали впервые... Около трех часов дня мы подошли к мостам и залегли в кусты: день для партизанской работы — неподходящее время.

К минированию приступили около полуночи... Минирование прошло блестяще: четко, бесшумно, быстро. Ночь была темная, мы отползли от места диверсии далеко в кусты.

На рассвете на шоссе показалась тяжелая семитонная, машина с немецкими автоматчиками. В волнении следили за ней в бинокль. Она казалась маленькой, почти игрушечной, наполненной крошечными солдатами... Машина скрылась за кустами... [57]

...Но вот машина снова на шоссе. Она взбежала на мост, и кверху взвился без шума столб пламени, земли, взлетели части моста и машины. Через несколько секунд докатился и глухой раскатистый гул.

Еще не успел рассеяться дым от взрыва первой машины, когда на втором мосту взлетел на воздух второй грузовик...

В Смоленской и Ново-Дмитриевской поднялась тревога. Уже слышен был шум моторов идущих на помощь машин.

Наши тотчас отошли к горам.

Примерно через полчаса раздался третий взрыв. Его несколько раз повторили горы, — звук его был как-то особенно высок и резок. Это взорвалась бронемашина на третьем мосту... Возвращаясь обратно, минеры... осмотрели мост на дороге Смоленская — Северская... наши минировали мост вторично. И после полудня на нем взорвался фашистский броневик.

Результат диверсии был неплохим: четыре взорванных моста и шестьдесят убитых немцев. Раненых сосчитать не удалось»{41}.

То же самое происходило во всех оккупированных районах России каждую ночь в течение четырех лет войны.

Партизаны, действовавшие в Керчи, скрывались в угольной шахте, на Днепре они прятались в плавнях, в Запорожье собирались в канализационном узле под местным алюминиевым заводом, в Лозовой они нашли убежище в больнице, около Херсона к их укрытиям можно было добраться только на лодке, в Южном Крыму они действовали, спускаясь с гор Яйла, а близ Буслы укрывались в лесных районах. Партизаны жили также в городах и деревнях под видом безобидных граждан. Начиная с 1942 года значительное число партизан сбрасывалось на парашютах с самолетов. Многие страницы архивов германских вооруженных сил заполнены описаниями таких операций. Во всех этих описаниях чувствуются безнадежность, нервозность, которые, усиливаясь постепенно, превращаются в чувство отчаяния. Когда читаешь [58] о подвигах партизан, причина этого становится понятной: партизанские отряды были везде и отовсюду наносили удары, оставаясь неуловимыми, и им невозможно было ответить сокрушительным контрударом.

О настроении немцев можно судить по очерку военного корреспондента Курта Клейна-Шоннефельда, описавшего боевые действия партизан в статье под заголовком «Леса смерти».

«Потом перед нами появился лес. Совершенно неожиданно впереди возникла широкая зеленая стена, которую пронизывала прямая, как стрела, дорога. Но солдат, поставленный на опушке, у въезда в лес, махнув рукой, остановил наш автомобиль.

Несколько удивленные, мы вылезли из машины и с любопытством посмотрели на другие автомобили, стоявшие справа от дороги. Отделившись от группы стоявших в ожидании солдат, к нам приблизился офицер. «Нам надо создать конвой, — заметил он. — Есть предположение, что лес кишит партизанами, так будет безопаснее». Услышав это, мы поставили свою машину в хвост колонны. Через полчаса собралось одиннадцать машин и конвой двинулся в путь через лес, стоявший стеной по обе стороны дороги.

Вдруг нам пришлось затормозить. В одно мгновение мы вскочили со своих мест, невольно схватившись за оружие. Нашему движению помешал разрушенный мост. «И это все», — подумали мы. Но очень скоро мы поняли, что этого было более чем достаточно. Стоило взглянуть на карту, чтобы убедиться, что впереди дорога через короткие промежутки пересекает болота и дренажные канавы. Если все мосты через них сожжены партизанами, как тот, который был перед нами, то, вероятно, нам понадобится двое суток, чтобы достигнуть места назначения, так как болота и лес не позволяли объезжать непроходимые участки дороги.

Мы сразу же решительно взялись за исправление дороги в том месте, где был прежде мост, и стали забрасывать канаву камнями, обломками моста, ветвями деревьев и целыми молодыми деревьями.

Когда через два часа наш конвой преодолел это первое препятствие и двинулся в сумерках дальше, иллюзии, [59] которые питали мы в начале пути, рассеялись. Лес стоял по обе стороны дороги — темный, безмолвный и угрожающий. Ночные тени и поднимавшийся с болот туман скрывали стволы деревьев. Нами все сильнее и сильнее стало овладевать гнетущее, тревожное чувство.

Затем наступила ночь, а с нею долгие часы бездеятельности и ожидания, так как продолжать путь в окутавшей нас кромешной тьме было совершенно невыносимо. Мы лежали и стояли дрожа у огня, который развели в песчаной яме у обочины дороги. Мы делали тщетные попытки уснуть, внимательно прислушиваясь к шорохам в непроницаемой черноте лесной крепости. В отдалении была слышна артиллерийская стрельба. Вдруг где-то очень близко раздался конский храп. Затем послышались приглушенные ругательства, произнесенные вполголоса слова пароля. Мимо нас по песчаной тропинке, протоптанной рядом с дорогой, на восток проехал немецкий патруль...

Вскоре после того, как скрылся патруль, так же внезапно послышался треск ружейной пальбы слева от нас, в том направлении, куда уехали всадники. Через несколько секунд из темноты вырвалась скачущая галопом лошадь, едва не налетев на наши скрытые темнотой машины. Мы услышали взволнованные отрывистые слова в голове колонны. Затем послышался резкий напряженный голос офицера, который собрал солдат и ставил перед ними задачу.

В темноте, почти не позволявшей различить стоящего рядом человека, всеми нами овладело предчувствие неминуемого боя. Оставив достаточно сильную охрану у машин, мы в колонне по два двинулись вслед за указывавшим путь всадником.

Потом мы увидели над дорогой следы трассирующих пуль. Послышались крики и стоны. С проклятиями мы залегли в болотную грязь по обе стороны от дороги. Пулеметным огнем стали прочесывать край леса справа от дороги, откуда было довершено нападение. Некоторое время в темноте раздавались отдельные выстрелы, звуки которых много раз повторяло эхо. Наконец наступила неподвижная обманчивая тишина. Остаток ночи прошел спокойно. Одного раненого мы отнесли к машинам. [60]

В лесу наступило холодное и неприветливое утро. Места назначения мы достигли только к вечеру. Нам пришлось преодолеть еще два разрушенных моста и три завала. Один из автомобилей наскочил на мину. В результате мы потеряли машину и был ранен еще один солдат. Но наконец мы въехали в деревню...»{42}

Это была всего-навсего лишь небольшая стычка, но ее было достаточно, чтобы всеми участниками перехода овладел страх. Даже самые незначительные действия советских партизан представляли успешную с их стороны войну нервов. Позже мы увидим, во что она превратилась, когда партизаны по-настоящему развернули свои действия.

Первый свой доклад о действиях советских партизан главное командование немецкой армии подготовило 25 июля 1941 года. Уже тогда немецкое командование считало, что действия партизан представляют серьезную опасность для немецких коммуникаций. В этом докладе говорилось о нападениях партизан на отдельных солдат, об их действиях с целью вывода из строя различных объектов в тылу. Со всем этим немецкой армии вскоре предстояло хорошо познакомиться.

Однако в начале партизанской войны партизаны, по-видимому, часто действовали не позади, а впереди немецких линий и их подвиги не внушали такого ужаса. В донесении немецкой зондеркоманды 11 а{43}, входившей в состав получившей печальную известность эйнзатцгруппы Д{44}, от 12 декабря 1941 года описаны действия двух немецких разведывательных патрулей против нескольких партизан на «ничейной» земле. А 5 ноября 1941 года начальник (немецкой) полиции безопасности и СД в своем докладе указывает на другой партизанский отряд, действия которого прекратились с отходом Красной Армии. [61] До этого времени несколько таких отрядов, известных под названием истребительных батальонов, действовали в качестве команд подрывников и демонтажников, приданных Красной Армии. В их задачи входило уничтожение посевов, продовольственных запасов, машин и промышленных предприятий, борьба с неприятельскими парашютистами и т. д. Однако в докладе уже содержатся указания на признаки расширения деятельности партизан в немецком тылу. К этому времени Советы уже оставляли в тылу у противника первые партизанские диверсионные отряды. В их задачу входило минирование различных объектов.

Тем не менее партизанская война еще не производила большого впечатления на немецких солдат. «К борьбе за линией фронта относятся еще недостаточно серьезно», — указывали в своих приказах от 10 октября и 20 ноября 1941 года командующие 6-й и 11-й немецкими армиями. В приказе от 20 ноября говорилось: «Позади фронта борьба также продолжается. Партизанские снайперы, переодетые в штатское, стреляют по отдельным солдатам и мелким подразделениям. Используя методы диверсии, закладывая мины и адские машины, партизаны пытаются нарушить наше снабжение... Они уничтожают посевы и предприятия, безжалостно обрекая на голод городское население».

Вскоре партизанские действия развернулись всерьез. «Согласно полученным нами донесениям, — говорится в памятной записке от 14 ноября 1941 года, составленной офицером контрразведки 11-й армии, — в южной части Крыма действует хорошо организованная, руководимая из центра партизанская организация. В ее распоряжении в горах Яйла находятся крупные и мелкие базы, в которых имеется много оружия, продовольствия, целые стада скота и другие запасы... В задачи партизан входят уничтожение средств связи и транспортных сооружений и нападение на тыловые службы и транспортные колонны». Приблизительно к этому времени относятся первые донесения о шпионаже партизан в пользу Красной Армии. Месяцем позже комендант одного из городов указывает, что в его секторе «опасность со стороны партизан по-прежнему велика». [62]

«Теперь, как и раньше, — сообщает в своем донесении от 2 января 1942 года один из начальников СД в Крыму, — партизаны обстреливают или даже захватывают одиночные машины. Недавно партизаны ночью совершили налет на несколько деревень и захватили продовольствие, овец, крупный рогатый скот и различное имущество. При этом они схватили и увели с собой лиц, симпатизировавших немцам. На некоторых дорогах были устроены завалы».

Партизаны стали причинять немцам столько беспокойства, что в ноябре и декабре 1941 года в одной из немецких армий был создан специальный штаб по борьбе с партизанами, а в других для этой же цели выделялись специальные части. Во время карательных операций у партизан нашли пулеметы, ручные гранаты, карабины, автоматы, пистолеты, значительное количество боеприпасов, много продовольствия и вина. Было убито несколько тысяч партизан.

В ночь на 5 января 1942 года партизаны в свою очередь вместе с частями Красной Армии провели крупную операцию на побережье Черного моря. В донесении штаба 11-й армии она охарактеризована как «сражение». В нем говорится:

«5 января в 2 часа в гавани был услышан шум двигателей. Одновременно из Саки (в 20 километрах к юго-востоку от Евпатории) по телефону сообщили, что ими также услышан шум двигателей. В Евпатории немедленно была объявлена тревога. В штаб армии было послано донесение сначала по телефону, а затем по радио. Связь работала хорошо».

«Темной ночью, — говорится далее в донесении, — противнику удалось высадиться в нескольких местах обширной гавани. Один взвод местной охраны (сражавшийся на немецкой стороне) понес потери и превосходящими силами противника был отброшен в город. С целью создания заградительного огня было выпущено четыреста снарядов.

В результате два больших советских транспорта, как показывали потом пленные, вынуждены были уйти.

Одновременно с высадкой десанта с моря партизаны при поддержке парашютистов предприняли атаку из [64] города и смяли полицейскую охрану у моста... Два немецких орудия успешно вели огонь по этой цели, пока им не пришлось сменить позицию вследствие тяжелых потерь, понесенных в бою, в котором они проявили большое мужество».

Действия партизан в этой операции более подробно описаны немецким офицером-связистом, начальником местного телефонного узла. В его донесении говорится:

«Сегодня, приблизительно в 2 часа ночи, были обнаружены вражеские сторожевые корабли. Береговая артиллерия тотчас же открыла заградительный огонь. Под прикрытием пулеметного огня противник предпринял попытку высадить десант, пустив при этом в ход ручные гранаты. Примерно к 2 час. 30 мин. ночи город был полон партизан.

Партизаны со всех сторон атаковали мой телефонный узел. Они были вооружены пулеметами и ручными гранатами. Вскоре оба моих пулемета были выведены из строя. Телефонный узел был разрушен ручными гранатами, которыми его забросали партизаны.

После того как телефонный узел, который мы защищали до последнего выстрела, был разрушен, я прорвался из города на север и, обогнув большое озеро, достиг города Саки. Думаю, что весь личный состав телефонного узла погиб при его обороне».

Согласно первому донесению, в гавани высадилось 650-700 солдат Красной Армии. Число партизан и парашютистов, участвовавших в операции, достигало 1000. Через восемь дней немецкие войска взяли город обратно, но больше они уже не игнорировали угрозы со стороны партизан.

Здесь следует сделать два замечания. Первое состоит в том, что приведенное выше число партизан, участвовавших в этой операции, кажется нам сомнительным. По данным немецких властей, десантные части Красной Армии потеряли более 800 человек убитыми и ранеными. Поскольку общее количество участвовавших в операции солдат Красной Армии, партизан и

парашютистов, равнялось 1700 человек, партизан могло быть не более 900 человек. Однако в донесении под рубрикой «потери противника» было указано: «1308 граждан (партизан) [65] расстреляно». В донесении же армейских начальников указывалось, что партизан в бою было убито 1200 человек. Как впоследствии выяснилось из доклада штаба 11-й армии, эти 1200 партизан были «...мирными жителями, враждебно настроенными по отношению к немцам. Они были расстреляны впоследствии. Однако среди них имелись и доброжелательные элементы».

Таким образом, оказывается, что значительное число ни в чем не повинных граждан, не принимавших участия в описанных боевых действиях, было позже расстреляно, и немцы пытались скрыть этот факт, преувеличив число партизан, фактически участвовавших в этой операции. Ясно одно: силы партизан были значительными и, возможно, достигали половины численности всех сил противника на берегу.

Мы подходим здесь ко второму важному моменту. В этой операции партизаны должны были навязать немцам бой, то есть они выполняли в данном случае задачу регулярных войск. Немцы потеряли всего 75 человек убитыми и 120 ранеными и пропавшими без вести; это значительно меньше, чем потеряли партизаны. Однако в партизанской войне должно быть обратное соотношение потерь. Красные партизаны извлекли из этого урок и в будущем свои усилия сосредоточивали против объектов, захват или уничтожение которых более всего отвечало требованиям их мрачной профессии.

В течение некоторого времени партизаны действовали очень осторожно по вполне понятным причинам. «Сокращение числа нападений партизан, — говорилось в донесении штаба 11-й армии от 15 декабря 1941 года, — объясняется погодой (партизаны не хотят выдавать себя следами на снегу)». Но через месяц положение резко изменилось. «Предположение, что активность партизан не уменьшится с наступлением холодов, подтвердилось полностью; более того, следует отметить, что положение в этом отношении значительно ухудшилось», — говорится в одном из последующих донесений СД. В своих действиях партизаны преследовали две цели, поясняет дальше донесение, — они стремились обеспечить себя продовольствием и зимней одеждой и выполнить те задачи, которые, [66] по мнению составителей этого донесения, являются «их настоящими задачами».

Положение значительно осложнялось по ряду причин. В начале декабря 1941 года немецкое наступление в России окончилось, и 7 декабря германский генеральный штаб объявил о прекращении на зимний период наступательных действий. Но Советы, начав на севере, немедленно перешли в контрнаступление фактически по всему фронту. Таким образом, движение партизан получило новый стимул и поддержку. Но еще более решающее влияние на расширение масштабов партизанской войны оказывала жестокость, проявляемая немцами по отношению к русскому населению. Кровавые злодеяния, совершавшиеся СД; массовые убийства, производившиеся военно-полевой полицией; политика безжалостного уничтожения ни в чем не повинных заложников, проводившаяся немецкой армией; оттяжка решения об уничтожении колхозной системы; реквизиция лошадей, повозок, продовольствия и фуража и даже последней коровы; голод, на который обрекалось население, принудительные мобилизации местного населения на вспомогательные работы для немецкой армии и, наконец — последнее по счету, но не по важности, — отправка населения на работы в Германию — все это побуждало крестьян и рабочих, в особенности молодых, вступать в ряды партизан. Искусно оценив обстановку, партизаны начали проводить среди недовольного населения усиленную пропаганду, распространяя листовки и непосредственно выступая перед людьми. «Вспомните, — говорили они, — как в 1812 году партизаны и все население в районе Смоленска воевало с наполеоновскими войсками, пуская в ход колья, вилы и топоры. Вспомните образ славной национальной героини первой Отечественной войны, образ Василисы Кожинной, крестьянки из деревни Сычевки. Давайте на благо своей родины то, что делала она!» Многочисленные добровольцы заполнили ряды

партизан, состоявшие раньше отчасти из людей, посланных в партизанские отряды против их воли и иногда старавшихся при первой возможности дезертировать.

Советы быстро воспользовались благоприятной обстановкой. Теперь им нужно было только энергичное [67] руководство. «С этой целью, — говорится в одном из докладов главного командования немецкой армии, — в течение зимы 1941/42 года через линию фронта были переправлены или сброшены с парашютами в немецкий тыл фанатично настроенные и надежные члены партии, прошедшие военную подготовку, или кадровые офицеры. Они должны были... сплотить (партизан) и превратить их в надежное орудие в руках русского партизанского командования. Нельзя отрицать, что теперь эта цель достигнута».

С тех пор отовсюду стали поступать донесения немцев о действиях партизан. «Партизанский отряд численностью в 24 человека занял Димитровку, находящуюся в четырех километрах от Саки, и, таким образом, блокировал дорогу на Симферополь». «Сообщают из Гомеля. Дороге между Гомелем и Черниговом по ночам все еще угрожают партизаны». «В окрестностях Брянска партизаны взорвали мост и убили несколько бургомистров, назначенных оккупационными властями». «Деятельность партизан в Крыму достигла огромных масштабов. Есть основания предполагать, что высадка советских войск явилась результатом разведывательных действий отдельных партизан». «Военнопленные, находившиеся в военном госпитале в Минске, готовили бунт. 4 января 1942 года вооруженные мятежи должны были произойти одновременно в военном госпитале № 1, во втором и третьем госпиталях для военнопленных, в лагере для военнопленных, а также в лагере для военнопленных на фабрике им. Ворошилова. Военнопленные, выполнявшие при (немецких) офицерах обязанности денщиков, должны были во время уборки комнат захватить оружие офицеров... Вечером того же дня был назначен сбор партизан около Минска».

«Район Кикинеиза в последние ночи систематически подвергался налетам партизан. Партизаны захватили продовольствие и людей (вероятно, как заложников)». «В восьми километрах от Алушты (на Ялтинском шоссе) десять партизан напали на военный автобус и румынский грузовик». «В восточном секторе, в частности в районе Карасубазара, на немецкие грузовики было совершено четыре внезапных нападения. В одном из этих нападений участвовало двести партизан, одетых в белые маскировочные [68] халаты». «Засады и нападения на шоссе на дорогах Западного Крыма...» «Диверсия на железнодорожной линии Джанкой — Армянск...» «На 8-9 февраля 1942 года было запланировано нападение на деревню Чо-рак с целью освобождения сорока военнопленных...»

Необходимо отметить, что все эти донесения выбраны наугад. Они касаются только одного или двух участков огромного фронта и относятся лишь к первым неделям 1942 года. Партизаны активно действовали на юге, и особенно в Крыму. «Исключительно много вреда партизаны причиняли на Центральном фронте, а также в некоторых районах Северного фронта, где огромные пространства покрыты лесами и болотами. Здесь они превратились в настоящее бедствие»{45}.

Все газеты в Германии стали помещать подробные сообщения о боях с партизанами. «В глубоком тылу бои против партизан и групп, которые прорвались к нам в тыл, стали обычным явлением»{46}. «Поддержка, оказываемая противнику гражданским населением, часто в форме партизанских действий, которые особенно культивируют большевики, делает борьбу немецких солдат крайне утомительной. Бои на фронте и в нашем тылу носят чрезвычайно ожесточенный характер и связаны со всякого рода трудностями и лишениями»{47}. «В течение всей зимы 1941/42 года партизаны действовали непрерывно. В настоящее время партизанская война представляет реальную опасность; партизаны не только дезорганизуют движение на наших тыловых коммуникациях, но наносят также удары по тылам и флангам наших войск»{48}.

И все же в то время деятельность партизан далеко еще не достигла кульминационного пункта. Большинство своих налетов партизаны проводили ради захвата продовольствия. Полиция безопасности и СД в своем докладе от 8 апреля 1942 года, в котором рассматривается данный [69]

период, отмечают, что «партизаны, деятельность которых по-прежнему остается активной, стали отказываться от нападения на отдельных немецких солдат или одиночные машины и переходить в основном к массированным налетам на деревни и к другим действиям с целью захвата продовольствия». Это совпадает с данными других немецких источников. «В ночь с 7 на 8 февраля на Кош было совершено нападение 300 партизан». «9 февраля 150 партизан... ворвались в село Шлия и полностью его разграбили». Несколькими днями раньше партизанами было занято село Казанлы. Через некоторое время 500 партизан атаковали Баксан и 200 партизан совершили налет на деревню Бешуй.

К этому времени характер действий партизан стал совершенно ясен. Налеты с целью захвата продовольствия носили случайный характер. В настоящие задачи партизан входило блокирование дорог, закладывание мин, нападение на вражеские машины, подрыв мостов, разрушение средств связи и транспорта, уничтожение отдельных руководителей и солдат противника, налеты на тыловые службы, освобождение из плена, разведка во вражеском тылу. Во всем этом партизаны вскоре достигли блестящих успехов^{49}.

Но перечень их успехов был значительно увеличен. Партизаны совершали налеты на огневые позиции немецкой артиллерии, на казармы татар, топили канонерки, уничтожали нефтеперегонные заводы, пускали под откос воинские эшелоны, громили предприятия пищевой промышленности. Все это совершалось в таких масштабах, что народный комиссар обороны Сталин мог указать в [70] своем приказе от 1 мая 1942 года, что во всех оккупированных странах «обычным явлением стали саботаж на военных заводах, взрывы немецких складов, крушения немецких воинских эшелонов, убийства немецких солдат и офицеров. Вся Югославия и занятые немцами советские районы охвачены пожаром партизанской войны»^{50}.

И затем Сталин приказал: «под непобедимым знаменем великого Ленина» «Партизанам и партизанкам — усилить партизанскую войну в тылу немецких захватчиков, разрушать средства связи и транспорта врага, уничтожать штабы и технику врага...»^{51}

Чтобы выполнить эти задачи, красные партизаны начали между собой нечто вроде соревнования. Согласно донесению штаба 11-й немецкой армии от 2 мая 1942 года, в руки немцев попал текст социалистических обязательств партизан:

«Мы, партизаны и партизанки, входящие в состав Ялтинского партизанского отряда, полны энтузиазма в связи с обращением Государственного Комитета Обороны к населению временно оккупированных районов страны по случаю 24-й годовщины Красной Армии (23 февраля 1942 года). Мы единодушно решили принять участие в социалистическом соревновании. Мы ставим себе целью наилучшим образом выполнять все приказы, добиваться успешного завершения всех операций против врага и истреблять как можно больше захватчиков.

Поэтому Ялтинский отряд призывает всех партизан принять участие в соревновании по следующим пунктам:

1. Каждый партизан должен уничтожить не менее пяти (5) фашистов или предателей.
2. Он должен принимать участие не менее чем в трех (3) боях в месяц.
3. Если во время боя будет убит или ранен боевой товарищ или коммунист, он должен быть вынесен с поля боя».

Еще до того как Сталин призвал усилить партизанскую войну, СД в своем донесении № 11 отметило: [71] «Партизанское движение *неуклонно растет*^{52} на всех участках фронта, активность партизан усиливается с наступлением теплых дней. Если до последнего времени партизаны вынуждены были постоянно заботиться о сооружении прочных и защищенных зимних квартир, а также об обеспечении себя достаточными запасами продовольствия, то теперь нужда в

этом стала менее настоящей, так что партизаны могут снова отдаться своему настоящему делу — террору и диверсиям».

С этих пор действия партизан стали не только более интенсивными, но они приняли и более сложные формы. С наступлением весны и особенно лета партизаны больше не были привязаны к своим базам в болотах и лесах, шахтах и горах. Они могли теперь в любом месте выбрасываться с парашютами и жить тем, что дает земля. Так они и поступали. «На северном участке Восточного фронта, — говорилось дальше в донесении СД, — за последнее время все шире начинают использовать партизан-парашютистов. Партизан сбрасывают с самолетов небольшими группами в немецком тылу...» По другим немецким источникам, в одном месте было сброшено 450 парашютистов. В полосе группы армий «Центр» парашютисты выбрасывались на центральном и южном участках. Положение на юге было такое же. В донесении немецкой полевой полиции за март 1942 года говорилось, что «в отчетном месяце главная задача группы состояла прежде всего в борьбе со шпионажем, со сброшенными с самолетов парашютистами и с партизанами, поскольку в этих областях противник был особенно активен». К этому времени все большее и большее число донесений указывало на случаи шпионажа со стороны партизан. Они настолько специализировались в перехвате телефонных разговоров немцев, что в немецкой армии стали ограничивать пользование телефоном и ввели особые меры предосторожности при разговорах по телефону. Кроме того, у партизан было много разведчиков, работавших в их пользу. Вот некоторые донесения немцев по этому поводу:

«Арестован двадцатитрехлетний русский, по профессии сапожник, прошедший восьмидневное обучение в [72] разведшколе. В районе Емельяновка — хутор Коляй он должен был собрать сведения по следующим вопросам:

- а) национальная принадлежность расположенных там частей;
- б) их численность;
- в) их укрепления;
- г) настроение населения.

Он был захвачен при попытке переправиться через Сиваш в рыбацкой лодке, чтобы перейти через линию фронта...»

«Трое красных — шестидесятилетний инженер, бывший красноармеец и татарин — были посланы на Кавказ после того, как красные отошли от Феодосии, а затем покинули и Керченский полуостров. Эти люди должны были находиться в полной готовности в определенных пунктах побережья в немецком тылу и при помощи световых сигналов показывать русским лодкам, где удобнее пристать к берегу. Затем им надлежало разойтись по домам в (оккупированном немцами) Крыму и быть готовыми к выполнению дальнейших заданий».

«После стычки с партизанами в лесу было найдено письменное обязательство завербованного. В нем русский, сорока лет... брал на себя обязательство бороться с немцами после ухода красных... Лицо, давшее это обязательство, должно было собирать сведения о численности, вооружении, фортификационных укреплениях, количестве боеприпасов и горючего, о моральном состоянии войск противника и т. п. Сведения должны были передаваться НКВД, Красной Армии или партизанам».

«Владимир Морозов, по национальности русский, тридцати четырех лет, обучался в Краснодаре (Кавказ) на двадцатидневных курсах, организованных русской разведкой. С ним вместе обучались еще 28 человек. 18 февраля 1942 года Морозов вместе с тремя другими курсантами был направлен в Керчь, а оттуда через Сиваш за линию немецкого фронта. В их задачу входило получение сведений относительно:

- а) численности войск в районах Ислам — Терека, Ички и Джанкоя;
- б) направления передвижения войск; [73]

- в) места нахождения складов боеприпасов и горючего;
- г) расположения аэродромов и количества базирующихся на них самолетов».

Другим поручалось выяснить фамилии лиц, являвшихся осведомителями немецких оккупационных властей, или, например, фамилию какого-нибудь бургомистра, которым были особенно довольны немцы, а также фамилии всех других пособников, чтобы в будущем партизаны знали, кого они должны захватить.

Из многих донесений явствует, что в разведывательной работе активно участвовали советские женщины.

«Была арестована двадцатидвухлетняя русская женщина, работавшая медицинской сестрой в партизанском отряде. Она показала, что командир отряда приказал ей выяснить, сколько в селе М. немецких солдат и служащих вспомогательной полиции»^{53}.

«Были арестованы три русские женщины, в том числе мать с дочерью, — бойцы партизанского отряда. Их задание состояло в том, чтобы поддерживать контакт с группой связи партизанского отряда, находившейся в Симферополе, доставлять в отряд сведения, собранные агентами, выплачивать им вознаграждения и провожать отдельных партизан в леса. При обыске у них были обнаружены 4377 рублей и списки агентов связи».

Две русские девушки в возрасте восемнадцати и девятнадцати лет «признались, что они были переброшены на самолете в Крым на оккупированную немцами территорию по заданию русской разведки. Их снабдили радиопередатчиком, картами, немецкими деньгами (320 марок) и достаточным запасом продовольствия. Перед ними поставили задачу — установить расположение аэродромов и складов боеприпасов и продовольствия, а также определить интенсивность движения поездов и характер перевозок на линии Джанкой — Воинка...»

Шпионские задания выполняли даже дети школьного возраста. 17 февраля офицер контрразведки из штаба 11-й армии получил донесение СД, в котором говорилось, [74] что «14 февраля 1942 года после допроса была расстреляна четырнадцатилетняя девочка, передававшая сведения партизанам, действовавшим в районе Кош».

Ниже приводятся донесения 626-й группы немецкой полевой полиции, действовавшей на юге. Донесения соответственно датированы 25 сентября и 25 октября 1943 года. В первом из них говорится:

«В окрестностях Лиховки, около Днепра, был арестован двенадцатилетний школьник Дереченко. Он давал противоречивые показания и поэтому был направлен в секретариат полевой полиции 57-го танкового корпуса. На допросе выяснилось, что, несмотря на свой юный возраст, Дереченко уже дважды с успехом выступал в роли советского разведчика. Он получил задания от лейтенанта Ивана Брусенко, который жил в доме его родителей в Полтаве. Дереченко должен был вести обычную военную разведку, и в первую очередь наблюдать за движением на дорогах.

Ему настойчиво внушали не делать никаких письменных заметок, а стараться все держать в памяти. Через два-четыре дня ему следовало вернуться к месту явки на Днепре, где его должен был встретить кто-нибудь из военнослужащих Красной Армии и перевезти в лодке на другой берег. До своего ареста, происшедшего в тот момент, когда он в третий раз переходил линию фронта, Д. свободно действовал за главной линией нашей обороны. Он предпочитал подходить к немецким солдатам, выпрашивая у них хлеб, и при этом занимался шпионажем.

В награду за труды мальчик получал хлеб, папиросы и сладости. За выполнение третьего задания ему пообещали костюм. Д. был расстрелян».

Второе донесение:

«Специальные дела. Установлено, что двенадцатилетний мальчик занимался шпионажем. Он был завербован командиром кавалерийской части и проходил обучение около Белгорода вместе с тридцатью мальчиками и девочками. Вместе с десятью другими мальчиками он уже выполнил одно разведывательное задание в Харьковской области, Теперь ему и еще двум мальчикам, которых [75] он потерял по дороге, вышеупомянутым командиром Иваном Верошиком было поручено установить местонахождение аэродромов, танковых частей и систему охраны мостов на участке Полтава — Лозовая. Каждый из них имел для опознавания красную звезду. На случай ареста им приказано было сказать, что они бездомные и живут милостыней.

Четырнадцатилетний мальчик уже выполнил четыре шпионских задания. Он отступил в феврале 1943 года вместе с русскими и был обучен лейтенантом Николаем Белоусовым, которому он первое время чистил сапоги. Первые его четыре задания были связаны со сбором общих сведений военного характера в Харцисске, неподалеку от Сталино. Свое пятое задание он должен был выполнить в районе Лозовой. В районе Харцисска он был переправлен через линию фронта, а затем ехал железной дорогой, ухитряясь не наткнуться на контролеров. Его всегда посылали одного и снабжали деньгами и едой. За выполнение десяти заданий ему были обещаны орден Красной Звезды и обеспеченная жизнь. Будучи арестован, он, как обычно, стал рассказывать небылицы».

Сомневаться в истинности этих донесений у нас нет оснований. В одном официальном советском издании говорится, что в партизанском движении «женщины и дети играют важную роль либо в качестве активных бойцов и разведчиков, либо в качестве тайных помощников в деревнях»{54}.

Приведем еще одну цитату из того же русского источника.

«Что касается детей, то даже самые суровые критики советского строя всегда вынуждены были признавать, что в отношении участия в войне детей СССР является самой передовой страной в мире. И в том, что советские дети с энтузиазмом присоединяются к борьбе за сохранение существующего строя, который дал им так много, нет ничего удивительного». [76]

«Недавно группа ребят во главе с двумя двенадцатилетними мальчиками заложила на мосту заряд динамита, воспользовавшись темнотой ночи и тем, что часовой дремал. Затем дети зажгли шнур и убежали в лес. Мост разнесло в щепы»{55}.

Партизанские действия характеризовала необузданная жестокость. Партизаны не могут быть снисходительны к противнику — они убивают раненых и пленных, ибо не могут брать их с собой. Партизаны не рассчитывают также и на милосердие врага по отношению к себе. В партизанской войне всегда будут страдать ни в чем не повинные люди: противник, который не в состоянии устранить угрозу нападения партизан, берет заложников и расстреливает их вместо партизан. Когда советские партизаны могли нанести немцам ущерб, они не считались с тем, в какой степени это могло отразиться на их соотечественниках. Выше уже упоминалось о том, как в Минске партизаны хотели убрать немецкого генерал-губернатора. Согласно тому же донесению, некоторые из них имели при себе культуры бактерий, которыми они хотели заразить колодцы и водопровод в Минске, стремясь уничтожить немецких оккупантов, а заодно и своих соотечественников. Они без колебания приносили в жертву даже своих детей.

Но все же это была лишь незначительная часть той цены, которую советский народ заплатил за победы своих партизан. Многие тысячи партизан были убиты в бою или расстреляны немцами, тысячи людей были расстреляны «по подозрению в связи с партизанами», тысячи людей погибли в качестве заложников. Однако успехи партизан были огромны. К середине 1942 года они контролировали в немецком тылу обширные районы. Начальник управления полевой полиции при главном командовании сухопутных войск в своем докладе от 31 июля 1942 года считал, что «на конец июня 1942 года партизаны особенно угрожают следующим районам»{56}: [77]

На севере. Район болот к юго-востоку от ст. Дно.

Восточная часть Кудовского района.

Район южнее ст. Опочка.

Районы, прилегающие к дороге Красногородское — Себеж и к дороге Опочка — Новоржев.

Районы к югу и к западу от Пушкинских Гор.

Лесной район к востоку от Гдова, особенно к востоку от реки Плюсса.

Лесной район к востоку от Пскова.

Лесной район к югу от лесной дороги между Мараморка и Окунево.

В центре. Район к западу от Вязьмы.

Район к северу от Глуша и особенно к югу от Новых Тарасовичей.

Район к северо-западу от Старых Дорог.

Район южнее Глусска.

Район к востоку от Почена.

Район севернее Бобруйска.

Район к северу от железной дороги Клинцы — Унеча.

Сектор Клинцы.

Район к северу и юго-западу от Смоленска.

Район вокруг населенных пунктов Червень и Березино.

Район к северо-востоку от Полоцка, включая железную дорогу Полоцк — Невель, и районы к северо-западу и юго-востоку от Полоцка.

Район вокруг Логи к северо-западу от Орши. Они доминируют над всем районом между шоссе Москва — Минск и дорогой Орша — Витебск до Сенно.

Район к востоку от Витебска.

Все дороги в районе Горки — Дрибин.

Район вокруг Журавичи к югу от Могилева.

Район вокруг Лепеля.

Район к юго-востоку от Любани.

На юге. Здесь опасность не так велика, как на севере и в центре, но партизанские отряды обнаружены в следующих районах:

Район к югу от Харькова.

Район близ Полтавы. [79]

Район вокруг Новгорода-Северского полностью находится под господством партизан.

Южная часть Крыма».

Пономаренко говорит: «Такие операции, как операция украинских партизан, разгромивших Сарнский железнодорожный узел, как славные дела белорусских партизан: взрыв крупных мостов на реках Птичь и Дрисса; разгром станции Славное; разгром гарнизона и военных объектов города Слуцка, взрывы крупных — Навлинского и Выгоничского — мостов с уничтожением их гарнизонов, совершенные орловскими партизанами; разгром гарнизона и станции Пригорье и находившихся там эшелонов, совершенный смоленскими партизанами; (операции ленинградских партизан, приведшие к убийству генерала фон Виртца и его личной охраны); полный разгром четырех гарнизонов на острове Большой Кременецкий, совершенный карело-финскими партизанами; взрыв Савкинского моста и разгром Сутокского гарнизона, совершенные калининскими партизанами; разгром штаба корпуса в Угодском Заводе московскими партизанами; (операции крымских партизан у Сдатска, в результате которых было уничтожено 1200 солдат и офицеров 3-й немецкой пехотной дивизии) и многие другие операции войдут блестящими страницами в историю Отечественной войны»{57}.

Нет надобности перечислять дальше подвиги партизан. Достаточно привести слова из приказа Гитлера от 6 сентября 1942 года: «Действия партизанских отрядов на Востоке за последние несколько месяцев стали крайне опасными и ныне представляют серьезную угрозу нашим коммуникациям, идущим к фронту»{58}.

Чем более критическим становилось военное положение немцев, тем большее количество партизан вело бои у них в тылу. Как сообщалось в одном из донесений, [80] партизаны появлялись как грибы после дождя, когда немцы в ходе кампании Заукеля — генерального уполномоченного по использованию рабочей силы — тысячами угоняли на принудительные работы в Германию физически крепкое русское население.

Попробуем оценить размеры материального ущерба, нанесенного в этот период советскими партизанами немецкой армии.

Генерал-лейтенант Пономаренко приходит к выводу: «За 2 года партизанской войны в тылу немецких захватчиков по далеко не полным данным (то есть по тем сведениям, которые могли быть доставлены из тыла), советские партизаны истребили более 300 тысяч оккупантов, из них 30 генералов, 6336 офицеров и 1520 летчиков... За это же время произведено не менее 3 тысяч крушений вражеских эшелонов, уничтожено 3263 железнодорожных и шоссежных моста. Уничтожены 1191 танк и бронемашина, 476 самолетов, 378 орудий... [618 штабных автомобилей, 4027 грузовиков], 895 баз и складов с вооружением и боеприпасами»{59}.

В Ленинградской области до марта 1944 года партизаны, по их словам, «уничтожили 104242 гитлеровца, вывели из строя 1050 паровозов и 18643 железнодорожные платформы, вагоны и цистерны»{60}. На Украине до окончания войны партизаны якобы уничтожили 310000 немцев, вывели из строя 4060 паровозов, 39700 товарных вагонов, взорвали 810 танков и броневиков, 324 орудия и 108 самолетов»{61}.

За 26 месяцев партизанской войны в Крыму, по заявлениям партизан, ими было убито 18910 вражеских офицеров и солдат{62}. [81]

У немцев нет таких же подробных отчетов об их потерях в партизанской войне, и вышеуказанные цифры приходится принимать на веру. Однако мы все же располагаем менее точным свидетельством одного из высших немецких офицеров. Вот к каким выводам пришел фельдмаршал фон Манштейн, изучив донесения, представленные ему в то время его штабом:

«Партизаны стали реальной угрозой с того момента, когда мы захватили Крым (в октябре — ноябре 1941 года). Не может быть сомнения, что в Крыму существовала весьма разветвленная партизанская организация, которая создавалась долгое время. Тридцать истребительных батальонов... представляли собою лишь часть этой организации. Основная масса партизан находилась в горах Яйла. Там, вероятно, с самого начала было много тысяч партизан... Но партизанская организация отнюдь не была ограничена теми отрядами, которые находились в горах Яйла. Она имела крупные базы и своих помощников главным образом в городах...

Партизаны пытались контролировать наши главные коммуникации. Они нападали на мелкие подразделения или одиночные машины, и ночью одиночная машина не смела показаться на дороге. Даже днем партизаны нападали на мелкие подразделения и одиночные машины. В конце концов нам пришлось создать систему своеобразных конвоев.

Все время, что я был в Крыму (до августа 1942 года), мы не могли справиться с опасностью со стороны партизан. Когда я покинул Крым, борьба с ними еще не закончилась».

Когда фельдмаршалу был задан вопрос, сколько нападений партизан отмечалось ежедневно, он ответил:

«Относительно Крыма я не могу указать точной цифры, но могу привести такой пример: я помню, что в 1944 году в полосе группы армий «Центр» в течение семи часов партизаны совершили около тысячи налетов на шоссейные и железные дороги в нашем тылу, а в Крыму такие налеты совершались каждый день»{63}. [82]

Около тысячи налетов за семь часов! Цифры генерал-лейтенанта Пономаренко, по-видимому, недалеки от истины.

Однако ущерб, нанесенный немецкой армии партизанской войной, нельзя определять только числом убитых и раненых и количеством уничтоженных орудий и складов. К этому еще следует прибавить потерю немецкой армией боеспособности и ударной мощи, значение которых трудно оценить в цифрах. Главное состоит в том, что ухудшилось моральное состояние солдат, которые воевали в стране, где каждый гражданин мог оказаться партизаном, а каждый необычный шум — сигналом начала партизанской атаки. Для армии, воюющей на большом удалении от своих баз, находящихся на родине, потеря транспорта и снаряжения может вызвать необходимость отложить предусмотренное по плану наступление; она может также лишиться возможности удержаться на оборонительных позициях или же своевременно отойти; в результате же, если войска лишены возможности передвигаться, а резервы не в состоянии прибыть своевременно, могут произойти любые неожиданности. «За каких-нибудь восемь дней, — говорит Гришук в сборнике, изданном под редакцией Пономаренко, — несколько групп украинских партизан минировали и взорвали восемнадцать неприятельских поездов, шедших на фронт с боеприпасами, оружием и людьми... Ни один из них не достиг линии фронта». Потеря армией продовольственных запасов может сократить военный паек до голодного минимума. И последнее, но важное обстоятельство: численность боевых соединений немецкой армии на фронте сократилась вследствие того, что приходилось выделять войска для борьбы против партизан. (Ниже будут приведены некоторые цифры.) Если бы они этого не делали — то есть если бы немецкие армии не могли выделить войска для борьбы с партизанами, — их положение на фронте также осложнилось бы. Здесь уместно привести следующую выдержку из письменных показаний бывшего немецкого штабного офицера полковника Людендорфа:

«Партизанские части численностью 15000 человек, действовавшие в районе Ушачи, к юго-востоку от Полоцка, с зимы 1943 года до начала лета 1944 года лишили [83] (3-ю) танковую армию возможности пользоваться шоссейной дорогой Лепель — Березино — Парафьянов, пересекающей железную дорогу Мслодечно — Полоцк. Это была единственная «дорога», которая вела из района дислокации армии на запад через огромные, лишенные дорог лесные и болотистые районы у прежней русско-польской границы. Она приобрела для армии жизненно важное значение, после того как противник прервал движение на единственной другой линии снабжения — железной и шоссейной дорогах Орша — Витебск. Партизаны нам угрожали практически ежедневно в течение всего периода боев зимой 1943/44 года, а также тогда, когда танковая армия была вынуждена отодвинуть свою линию фронта на несколько километров к западу и вышеуказанные шоссейную и железную дороги уже нельзя было использовать для снабжения армии. Для того же, чтобы поддерживать движение на этой жизненно важной дороге, у нас вплоть до начала лета 1944

года не было необходимых сил. Таким образом, мы не могли решить эту задачу, хотя для нас было чрезвычайно важно открыть и поддерживать движение на этой дороге».

Гитлер часто не понимал, почему его войска в России отступают, и он приказывал им «зарываться в землю». Но тогда он не мог понять значения партизанской войны в СССР. «Партизаны будут безжалостно уничтожаться», — заявил он в приказе о проведении в жизнь «плана Барбаросса». «Смерть нам не страшна», — был их знаменитый ответ. И красные партизаны доказали это на деле. [84]

ГЛАВА III. ОРГАНИЗАЦИЯ И СНАБЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН

Советом Народных Комиссаров и Центральным Комитетом Коммунистической партии Белоруссии в первый или второй месяц войны была дана следующая директива^[64]:

«Всем областным, городским и районным комитетам Коммунистической партии, сельским, городским и районным исполнительным комитетам Советов депутатов трудящихся.

Об организации народной обороны (партизан).

Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии в соответствии с приказом товарища Сталина предлагают немедленно создать для поддержки Красной Армии части народной обороны (партизан).

I. ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАН

1. Партизанские части формируются на каждом предприятии, на транспорте, в каждом совхозе или колхозе из мужчин, женщин, а также подростков, способных выполнять задачи народной обороны (партизан). Вступающие в партизанские части являются добровольцами, патриотами нашей социалистической Родины. Части могут быть пехотные или кавалерийские. [85]

2. Организация партизанских частей строится по территориальному признаку — по селам, районам, городам. Возглавляют их командиры и штабы.

3. Командиры частей подбираются компетентными органами из числа командиров запаса Красной Армии или из числа товарищей, имеющих военную подготовку, а также из числа политических руководителей и членов политических организаций, доказавших свою храбрость, знания и преданность делу социализма.

4. Партизанские части делятся на взводы, роты и группы.

5. Партизанские части имеют следующую организацию: а) взводы, вооруженные винтовками, для уничтожения живой силы противника; б) роты, вооруженные гранатами и бутылками с зажигательной смесью, для уничтожения танков и авиации противника; в) особые группы во вражеском тылу для разрушения железнодорожных линий, нападения на железные дороги, подрыва мостов, уничтожения складов боеприпасов, горючего, продовольствия и пр.; г) разведывательные группы для разведки в глубоком тылу противника; д) пехотные, кавалерийские подразделения и связисты для обеспечения связи между группами, их командирами и частями Красной Армии.

II. ЗАДАЧИ ПАРТИЗАН

1. Партизанские части формируются из городских и сельских жителей, объединяющихся для борьбы против немецких фашистов и для поддержки Красной Армии путем продолжения ее операций, обеспечения линий снабжения, связи с городом, промышленными предприятиями, колхозами и т. п.

2. Партизанские части проводят боевые операции совместно с парашютистами и штурмовыми подразделениями, создаваемыми для форсирования рек.

3. Партизанские части строят фортификационные укрепления для обороны против врага.

4. Партизаны должны хорошо знать местность. В случае наступления противника они должны уничтожить все свои склады, горючее, систему связи, чтобы ничего не оставить врагу. [86]

III. СНАБЖЕНИЕ

1. Базами для мобилизации партизан служат заводы или колхозы. Они должны снабжать партизан продовольствием и одеждой. Партизаны вооружаются за счет населения в зависимости от стоящих перед ними задач — винтовками, гранатами, пистолетами, кинжалами, топорами, вилами и бутылками с зажигательной смесью.

2. Партизаны должны обеспечить себя автомобилями и средствами связи.

IV. ПОДГОТОВКА К ПАРТИЗАНСКИМ ДЕЙСТВИЯМ

Когда партизанские части созданы, командиры и комиссары знакомят их со стоящими перед ними задачами, и после этого начинается их ускоренное обучение (обращению с винтовками, пулеметами и гранатами), а также ознакомление их с элементарными принципами тактики, которую они должны применять в борьбе с врагом.

V. КОМАНДОВАНИЕ

Для руководства партизанами из членов исполкомов Советов депутатов трудящихся (областных, районных, сельских) создаются штабы».

Такова была директива. На нее не следует смотреть как на устав для партизан. Партизанская организация развивалась другими путями, которые более соответствовали задачам партизан, чем негибкая полковая организация, предусмотренная директивой. Мы воспроизвели ее здесь не только вследствие ее исторического значения, но и для того, чтобы показать, что партизанская организация может быть построена на основе двух различных принципов: на основе жестких установок этой директивы или на основе учета конкретных условий, как фактически и развивалось советское партизанское движение.

Для понимания существа организации советского партизанского движения необходимо иметь в виду три обстоятельства.

1. Различные партизанские отряды создавались почти исключительно из местных жителей и обычно сражались в одном районе в продолжение всей войны. [87]

2. В принципе вступление в ряды партизан было добровольным.

3. Движение развернулось лишь после начала войны и притом очень быстро.

Структура регулярной армии совершенно иная. Хотя часть людей приходит в полки часто из местного населения, для доведения их состава до требуемой численности они могут быть пополнены за счет «чужих». Округа комплектования обычно не являются для них районом боевых действий. Армии, по крайней мере в военное время, в весьма незначительной степени комплектуются из добровольцев. Большая часть их личного состава находится в кадрах или служит по призыву. И, наконец, личный состав армии готовится в мирное время, и степень и темпы развертывания армии на время войны решаются высшими инстанциями.

Именно по этим причинам советское партизанское движение не было и не могло быть организовано на основе шаблонных схем. Количество, численность и задачи различных отрядов менялись в зависимости от местных условий. Субординация и дисциплина были основаны скорее всего на добровольном признании и почти не регулировались какими-то законоположениями, а организационная структура должна была приспособливаться к бурному развитию движения масс, а не подчиняться планированию сверху.

Следует также иметь в виду следующие важные моменты. Действующая армия часто не может выбирать поле сражения, партизаны же всегда сами выбирают объект и время атаки. Отдельные отряды обычно ставят перед собою задачу, с которой они в состоянии справиться самостоятельно. Поэтому взаимодействие и объединение усилий с соседними отрядами носят ограниченный характер. Затем, солдаты регулярной армии должны, как правило, удерживать непрерывную линию фронта, тогда как партизаны сплошной линии фронта не создают. Поэтому нужда партизан в координирующем органе не столь значительна. Это верно еще и по другой причине: в случае если какой-то партизанский отряд терпит неудачу, страдает только он один и его неудача не отражается на его соседи, как это бывает с обычными [88] регулярными войсками. Вследствие этого в партизанской войне не требуется выпрямлять линию фронта, и необходимость в высшем командовании и в тщательно разработанной цепи подчинения ощущается здесь не в такой степени.

И, наконец, партизанские отряды в основном сами обеспечивают себя всем необходимым. Они, как правило, сами обеспечивают себя продовольствием, им не нужны обмундирование, тяжелое оружие и средства транспорта; личным оружием и боеприпасами они часто обеспечивают себя за счет того, что захватывают у противника; подкрепления они получают на месте, резервов не имеют, проблемы расквартирования для них не существует, пленных они расстреливают. Поэтому взаимодействие с органами, которым в армии соответствуют различные службы тыла, сведено здесь до минимума, исключаящего необходимость создания особой организации.

По всем этим причинам партизаны в своих действиях стараются избегать строгих организационных правил; советские партизаны, например, обходились минимумом таких правил. Описание организационной структуры советских партизанских сил мы начнем снизу.

Самой маленькой организационной единицей партизан был отряд. Трудно сказать, сколько их было всего. Генерал-лейтенант Пономаренко говорит о сотнях тысяч отрядов. В состав отрядов входили мужчины, женщины и иногда дети. В одном из донесений штаба по борьбе с партизанами имеются следующие подробности:

«Партизанские отряды в Крыму лишь в незначительной степени состоят из бывших красноармейцев. В состав отрядов в основном входят фанатичные коммунисты, подобранные и обученные заранее и объединенные в большие или мелкие группы в соответствии с предварительными указаниями... Командуют партизанами обычно коммунисты-интеллигенты, занимавшие ранее различные руководящие гражданские посты. В том, что в Крыму партизанские командиры должны назначаться из среды русской интеллигенции (заведующие больницами, директора промышленных предприятий, ученые и т. п.), нет ничего удивительного, так как при советской системе руководящие посты могут занимать только стопроцентные [89] коммунисты. А это означает, что партизаны имеют чрезвычайно хороших командиров, идущих на последнюю крайность, вплоть до самоубийства, когда они не хотят попасть в плен».

К концу ноября 1941 года немецкая разведка считала, что партизан в Крыму насчитывалось приблизительно 8 тыс. Быстрому превращению партизан в эффективную боевую силу способствовали два чрезвычайно важных обстоятельства: их обучали старые партизаны, и, кроме того, ядро партизанских сил составили созданные заранее отряды советской внутренней охраны, или, как их называли, истребительные батальоны.

К партизанским действиям Советы готовились еще до начала войны. Подготовка эта проводилась не везде одинаково. Все зависело от местных условий. На Украине и в Крыму партизанская война имела свои традиции, и во время революции 1917 года во многих боях там участвовали партизаны. Старые партизанские командиры создали в горах настоящую школу партизанской войны.

В 1941 году немецкая армия в Крыму столкнулась с партизанами почти в тех же местах, что и двадцать с лишним лет назад. В других районах страны партизаны проходили специальное обучение. В письменных показаниях бывшего офицера немецкого радиоразведывательного отряда разведывательного управления группы армий Б говорится: «В январе и феврале 1941 года, то есть

приблизительно за полгода до начала войны, мне было официально поручено заниматься изучением официального органа советской армии «Красная звезда» и перехватывать радиопередачи Красной Армии. Из газеты и радиопередач я узнал, что в то время в нескольких военных округах Советского Союза, особенно под Москвой и в западной части России, проводились большие маневры, в которых отрабатывались методы ведения партизанской войны; в маневрах принимало участие также гражданское население».

Кроме того, новые партизанские отряды могли быть быстро сформированы на основе существовавших батальонов внутренней охраны. Эти батальоны были созданы в начале войны. Мы уже о них упоминали. Они были известны как истребительные батальоны и набирались из [90]

трудящегося населения. Пока территория была еще занята Красной Армией, истребительные батальоны были приданы ей. Когда армия готовилась к отходу, они должны были полностью уничтожить все важные промышленные предприятия, средства связи и транспорта, посевы и т. п. После ухода Красной Армии часть этих батальонов оставалась на оккупированной территории для ведения партизанской войны.

Диверсия была для них делом нетрудным, а поскольку они еще в то время, когда были приданы армии, выполняли задания по разведке и борьбе с вражескими воздушными десантами и парашютистами, то они имели также ценный опыт борьбы с отдельными подразделениями противника. Оружие у них тоже было. Поэтому для партизанских отрядов они были бесценными кадрами.

Истребительными батальонами командовали офицеры. Каждый батальон состоял из двух рот. В нем насчитывалось приблизительно 200-220 человек. Вооружены они были автоматами, винтовками и полуавтоматами, ручными и станковыми пулеметами, легкими минометами, ручными гранатами, минами и просто взрывчаткой. Такое вооружение было стандартным для всех батальонов. Советские партизаны прибавили к этому вооружению еще «партизанский пистолет» — обрез (укороченная винтовка военного образца, которую удобно носить под верхней одеждой). К концу ноября 1941 года, по данным немцев, в Крыму действовало 33 истребительных батальона. И там, и в других местах их действиями руководил штаб бригады, известный как штаб партизанского командования. Этот штаб первоначально состоял из начальника штаба, комиссара, 40-60 офицеров, связистов и охраны.

С началом партизанской войны эта организационная структура изменилась. Часть истребительных батальонов, по-видимому, сохраняла в течение некоторого времени свои особенности, поскольку в ряде немецких документов упоминается о стычках с истребительными батальонами. Но большая часть батальонов слилась с партизанскими отрядами. Однако значительное число партизанских групп возникло самостоятельно, не на базе истребительных батальонов. [91]

В то же время в общей организационной структуре появились новые промежуточные командные звенья. Они возникали спорадически там и тогда, где и когда их существование оправдывалось практической необходимостью. Такое развитие партизанской организации, часто совершенно непредвиденное, происходило везде по-разному. Например, в Севастополе и Минске были созданы свои собственные партизанские штабы и «районные группы отрядов», или, как они также назывались, «объединенные партизанские штабы» или «штабы партизанских районов». В Крыму было не менее четырех, а временами и больше штабов партизанских районов. И, наконец, некоторые отряды создавали подотряды и группы снабжения.

Более мелкие формирования, то есть сельские отряды, истребительные батальоны и городские партизанские отряды, представляли собою партизанские части. Руководили ими партизанские штабы. Штабы партизанских районов являлись органами, руководившими совместными

действиями нескольких отрядов. Они отдавали также боевые приказы отдельным отрядам. Кроме того, каждый отряд доносил в штаб о своих действиях, представлял ему свои общие планы и испрашивал его согласие на проведение мероприятий, затрагивающих соседние отряды.

Штаб партизанского района состоял приблизительно из двадцати человек.

Партизанским подразделениям и частям боевые приказы отдавали не только районные штабы, но и Центральный Комитет партии и, как мы увидим ниже, непосредственно командование Красной Армии. Такое чрезвычайное сокращение числа командных инстанций свидетельствует о гибкости организационной структуры партизанских сил. Хотя профессиональный военный может смотреть на это с недоверием, он должен признать, что такая простая организация нисколько не снижала боеспособности советских партизан. Партизаны всегда были готовы выполнить любое задание армии, партии или штаба, и, судя по результатам, они умели хорошо служить всем своим хозяевам.

Высшие штабы выполняли функции оперативных органов. Главный штаб партизан, носивший название [92] Центрального штаба партизанского движения, начальником которого был генерал-лейтенант Пономаренко, находился в Москве{65}.

Однако ряд отрядов сохранял свою независимость. Такие отряды либо были слишком малы, чтобы для них нашлось место на рабочей карте Центрального штаба, либо возникали в последний момент с целью поддержки Красной Армии, после того как ее войска вновь закреплялись в каком-либо районе. Были также партизаны, не входившие в состав отрядов, а действовавшие в одиночку, подобно одинокому волку. Были еще мелкие партизанские группы, бойцы которых занимались мирным трудом и участвовали в партизанских налетах только тогда, когда создавались благоприятные условия для их действий. Все они действовали по собственной инициативе, сохраняли независимость и не были обозначены ни на одной рабочей карте.

Имея в виду эти особенности красного партизанского движения, мы можем теперь начертить схему организации советских партизанских сил (см. стр. 93).

Военные звания офицеров, командовавших партизанами, ни в коей мере не определяли их положения в партизанской иерархии. Так, начальником 4-го партизанского района в Крыму первоначально был генерал-майор, тогда как его старший начальник — руководитель партизанского движения Крыма — был только подполковником, в то же время командир одного из крымских партизанских отрядов имел звание полковника; его отряд состоял из остатков красноармейских частей, высадившихся в Судаче. Всякий, кому известна важность принципа старшинства, согласится с тем, что пренебрежение этим принципом в партизанском движении могло быть возможным только в условиях исключительной самостоятельности партизанских подразделений и штабов. В красном партизанском движении правила субординации были заменены неписаными законами сотрудничества.

Решающим фактором, под влиянием которого складывались эти законы, была коммунистическая партия, которая [93] фактически и руководила партизанским движением. Происходило это следующим образом:

1. Партия призвала население создавать партизанские отряды, когда таковые впервые возникли, как одно из средств борьбы с врагом.

Партия назначала высших и средних партизанских начальников и командиров отрядов.

3. В партизанских отрядах партия была представлена политическими комиссарами, политруками и членами местных партийных организаций. [94]

4. Партия руководила действиями партизан. Рассмотрим этот вопрос более подробно. М. А. Гришук в сборнике, изданном под редакцией Пономаренко, заявляет, что «(партизанские) отряды имели тесную связь с подпольной партийной организацией». Это явное преуменьшение. Мы уже видели, что командиров партизанских отрядов поставляла коммунистическая интеллигенция. Руководители партизан фактически назначались районными партийными комитетами. На первой стадии райкомы вызывали на беседу тех жителей, которые по их мнению, могли пожелать присоединиться к партизанскому движению, назначали командира отряда и создавали сам отряд. Приведем выдержку из официального источника: «В большинстве случаев руководство партизанами брали на себя секретарь комитета местной партийной организации, председатель исполкома или председатель или член правления колхоза...»{66}

Поскольку местные партийные организации были вначале единственными органами, которым было известно о существовании и местонахождении различных отрядов, созданных таким образом, естественно, что один из партийных работников становился связным между партизанскими отрядами данного района, а начальник объединенного партизанского штаба был членом районного комитета партии.

Создав отряды, местные районные комитеты партии, насколько это было возможно и необходимо, помогали им материально: комитеты посылали в отряды новых людей, снабжали их оружием, медикаментами, радиоприемниками и, вероятно, также деньгами. Помощь в этом деле оказывали даже комсомольцы; из их рядов выходили юные партизанские разведчики{67}.

Таково было влияние всех низовых и средних партийных организаций. Что касается высших партийных комитетов, то они осуществляли свое влияние двумя путями: [95]

1. В Главном штабе партизан в Москве всеми операциями руководили секретари партии{68}.
2. Республиканские Центральные Комитеты партии отдавали отрядам боевые приказы.

Так, генерал-майор Ковпак рассказывает, что Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины поставил перед его соединением задачу достичь Карпат и нанести удар по Дрогобычским нефтяным промыслам{69}.

Но «тесные связи» с партией были даже еще сильнее. Члены многих партизанских отрядов должны были дать присягу в верности партии. В одном из текстов присяги имелась фраза: «Я до конца жизни останусь верен Родине, Партии и нашему вождю товарищу Сталину». Партизаны были связаны воедино самыми крепкими политическими узами благодаря усилиям комиссаров и политруков. Политические комиссары вначале имелись только в армии. Комиссары были политическими наставниками и представителями партии в Красной Армии. Они были прикомандированы к каждой части и подразделению выше роты и имели офицерское звание. Находясь в армии, они носили форму с особым знаком различия на рукаве — красная звезда с вышитыми золотом серпом и молотом.

Если они имели сержантское звание, то назывались зам-политруками. Комиссары и политруки не были подчинены военному командованию, у них было свое собственное руководство. Они считали себя строевыми офицерами и были в Красной Армии самым и фанатичными людьми.

Даже тогда, когда истребительные батальоны были приданы Красной Армии, многими из них командовали комиссары, которые остались в батальонах политическими руководителями и с началом партизанских действий. Некоторые комиссары попали к партизанам позже. Судя по числу комиссаров, которых удалось захватить [96] и выявить немецким частям по борьбе с партизанами, их должно было быть очень много.

По-видимому, каждый отряд, даже самый маленький, имел своего комиссара. Только благодаря влиянию комиссаров генерал-лейтенант Пономаренко мог считать партизанское движение политически зрелым.

Таким образом, партия осуществляла контроль над партизанским движением сверху донизу. Партия им руководила, политически воспитывала его членов и оказывала ему материальную поддержку. Но не менее важным было духовное влияние коммунистической партии.

Революционная страстность, смелость и бесстрашие в бою, хитрость и отвага, отличавшие советских партизан, прививались им партией, которая на примере множества политических комиссаров, воспитывала их в духе самопожертвования во имя торжества ленинско-сталинской идеологии.

Таким образом, партизанское движение в СССР, судя по всему, было движением, организованным и руководимым коммунистической партией. Это надо твердо помнить. Если Советский Союз или Китай будут когда-либо воевать с другой страной, коммунистическая партия этой страны в соответствии с задачей, поставленной перед ней Сталиным и Коминтерном, организует партизан для борьбы против собственной армии.

Это настолько важный вопрос, что нам следует отвлечься и особо на нем остановиться. Нельзя считать простой случайностью, совпадением, что коммунисты пытались монополизировать руководство партизанской борьбой почти во всех странах, где она была организована во время последней войны. Примеры этого настолько многочисленны, что их нет нужды здесь приводить. Однако следует сказать несколько слов о Китае. Будучи главнокомандующим 1-й полевой армией Пын Дэ-хуай в беседе с Эдгаром Сноу сказал, что «партизанская война в Китае может быть успешной только под революционным руководством коммунистической партии, так как только коммунистическая партия хочет и может удовлетворить требования крестьян, понимает необходимость в широкой, непрерывной политической и организационной работе среди крестьян и может выполнить данные [97] ею обещания»^[70]. Мао Цзэ-дун в свою очередь сказал: «Отсюда следует, что длительная революционная борьба... в основном представляет собой крестьянскую партизанскую войну, руководимую Коммунистической партией Китая»^[71]. Замените крестьян пролетариатом, и вы получите коммунистическую формулу, применимую к промышленным странам Запада. Позволять коммунистам повсюду монополизировать руководство партизанским движением — значит совершать серьезную ошибку.

Возвращаясь к рассказу о советском партизанском движении, следует в нескольких словах упомянуть о влиянии на него НКВД, то есть политической полиции. Политическая полиция имела многочисленных своих представителей в партизанских штабах различных ступеней, и вместе с партизанами сражалось немало людей из НКВД. Однако у нас нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что НКВД был связан с партизанскими формированиями теснее, чем с каким-либо другим движением, проводившимся под его надзором. Численность советских партизанских отрядов была весьма различной. Некоторые из них объединяли до 500 человек, в одном отряде в Бакране было якобы до 2000 человек; в отдельных группах насчитывалось не более 10-20 человек. Это зависело скорее от местных условий и никакими планами не предусматривалось. Иногда мелкие отряды сливались в один, а крупные делились на небольшие группы. Один из таких крупных отрядов был разделен на четыре роты. Кроме того, он имел взвод конных разведчиков, взвод лыжников и пропагандистское подразделение. Иногда в состав партизанских отрядов входили даже артиллерия и танки. Такое непостоянство численного состава отрядов партизан служило для них удобным средством введения противника в заблуждение: немцы, истребив сорок или пятьдесят партизан, никогда не знали, уничтожили ли они весь отряд или он продолжает существовать. И многие отряды, об уничтожении которых сообщалось в немецких [98] донесениях, вскоре начинали снова наносить удары по врагу.

Некоторые группы состояли из людей одной и той же профессии, из милиционеров, железнодорожников, инженеров. Такой профессиональный подбор личного состава отрядов помогал им специализироваться на выполнении заданий, близких по характеру к той работе, которую выполняли их люди до войны. Инженеры, например, были специалистами по изготовлению бомб замедленного действия, железнодорожники — специалистами по выводу из строя паровозов и т. п.

«Работа» в партизанском отряде была постоянной, и тот, кто вступил однажды в ряды партизан, должен был оставаться там продолжительное время. В этом отношении в партизанских отрядах существовала суровая дисциплина. Дезертирство каралось смертью. Клятва, приносимая при вступлении в ряды партизан, обычно заканчивалась словами: «Если из слабости, трусости или злого умысла я нарушу эту клятву и совершу предательство во вред интересам народа, то я умру позорной смертью от руки своих товарищей. В чем и подписываюсь». В составе партизанских отрядов были и такие группы, которые партизанской деятельности отдавали не все свое время. Это были группы снабжения и разведчики.

Так называемые группы снабжения представляли собой своего рода снабженческие органы. Они возникли уже на более позднем этапе войны, вероятно в 1943 году. В их задачу входило оказание партизанским отрядам всяческой поддержки и максимально возможное освобождение их от всякой другой деятельности, непосредственно не связанной с проведением боевых действий. По-видимому, они получали указания от Совета добровольного общества по борьбе с фашизмом. Перед ними ставились следующие задачи:

1. Агитация в народе против немцев.
2. Вербовка новых членов в основной костяк партизанского отряда из числа недовольных элементов. Минимальный возраст для вступления в отряд — пятнадцать лет.
3. Доставка новых членов в основной отряд. [99]
4. Обеспечение средств транспорта — обычно путем хищения — для доставки вновь завербованных партизан.
5. Обеспечение партизан фиктивными документами.
6. Срыв попыток немцев вывозить хлеб и угонять скот при приближении Красной Армии.

Группы снабжения имелись, видимо, только при некоторых крупных партизанских отрядах. Но нельзя недооценивать той пользы, которую они приносили. Партизанские отряды обосновывались, как правило, в недоступных местах и с крайней осторожностью допускали в свои укрытия посторонних, так как даже русский мог оказаться немецким агентом. Поэтому такие внешние органы, какими являлись группы снабжения — промежуточное звено для связи с внешним миром, — давали партизанам очевидные преимущества. Кроме того, пассивное сопротивление, проводившееся группами снабжения, служило полезным дополнением к активным диверсиям, осуществлявшимся партизанскими отрядами.

Однако еще большее значение имела деятельность разведчиков. Члены этой группы работали на партизан также не все время. Каждый партизанский отряд имел своих разведчиков, которые действовали вне лагеря и часто имели какое-то обычное гражданское занятие. В задачу разведчиков входило снабжение партизанских отрядов разведывательными данными. Женщины и девушки, работавшие у немцев прачками и служанками, получали задание знакомиться с немецкими офицерами и унтер-офицерами с целью получения от них различных сведений. Русские врачи и медицинские сестры, взятые немцами на работу в госпитали, переводчики,

железнодорожники, добровольцы, вступавшие в рабочие роты, служащие полиции, промышленные рабочие и другие — все они также были разведчиками партизан. Для этой цели вербовались даже нищие, которые обычно бродили около армейских казарм и учреждений. В роли разведчиков часто выступали дети⁽⁷²⁾. Партизаны обычно собирали сведения через связных, которым поручалось [100] также выплачивать вознаграждение успешно действующим разведчикам.

Связные и разведчики для опознавания друг друга часто пользовались паролями. Один связной должен был спросить разведчика, продолжает ли он еще работать в лаборатории. На что тот должен был ответить: «Да, я работаю без перерыва семь лет». К несчастью для него, немцам стал известен пароль, и его работе в лаборатории внезапно был положен конец. В другом случае разведчик должен был сказать: «Я приходил к вам вчера, меня интересовали ваши пчелы». Немцы, проведавшие об этом, послали своего осведомителя, который спросил ничего неподозревавшего разведчика: «Хорошо ли сохранились ваши пчелы? Поговорим о них». Партизан рассказывал так много, что осведомитель приходил к нему несколько раз.

Иногда разведчики создавали постоянные центры. В Лозовой такой центр находился в больнице, в Харькове — на квартире у «тети Лизы». Особенно ловким разведчиком был главный хирург в Лозовой. «Он сумел установить тесные дружеские отношения с немецкой полицией и офицерами штаба, которые относились к нему чрезвычайно хорошо», — говорится о нем в немецком досье. Даже после разоблачения этого врага «немецкие офицеры пытались ручаться за его благонадежность».

Вербовку производили сами партизанские отряды, а также подпольные партийные организации и группы снабжения. В самом начале партизанской войны новых людей в партизанские отряды иногда зачисляли против их воли, но позже ряды партизан состояли исключительно из добровольцев. В некоторых отрядах для добровольцев составлялось специальное письменное обязательство, подписав которое, последний становился партизаном. Партизанская клятва, вероятно, давалась во всех отрядах. Русские партизаны не носили военной формы или нарукавных повязок, как французские. Кое-кто из них был задержан в немецкой и румынской форме. Свое личное оружие они всегда прятали.

В одном из документов немецкой контрразведки имеется следующее описание организации комплектования партизанских отрядов: [101]

«В Запорожье наши осведомители обнаружили пункт комплектования в одном из кварталов города, где уклонившиеся от отправки на работы граждане и сбежавшие оттуда добровольные пособники коммунистов принимались в отряд. Совместными действиями отдела контрразведки зоз и военной полиции квартал был оцеплен и обыскан. Среди арестованных были выявлены три офицера, производившие вербовку, и двадцать два вновь завербованных партизана, включая пятерых добровольных пособников коммунистов, сбежавших с работ. Они должны были примкнуть к банде, действующей близ Запорожья, и опять-таки с помощью посредников. Чтобы добыть оружие и боеприпасы, вновь завербованные бандиты должны были их где-то украсть либо же это должны были сделать для них их добровольные пособники.

Подготовка вновь завербованных партизан, особенно обучение их обращению с оружием, проводилась главным образом в партизанских отрядах. Но областные комитеты партии иногда организовывали курсы для обучения партизан военным специальностям. Так, некоторые из людей Ковпака прошли организованные обкомом партии курсы минеров, где их обучали минноподрывному делу⁽⁷³⁾.

Помимо того, целый ряд постоянных школ был основан в Москве, Ленинграде и других городах. Обучение длилось от трех дней до шести недель. Одна из школ имела следующую программу:

1. Обучение подрыву железнодорожного полотна, мостов, самолетов и сооружений на аэродромах при помощи толовых шашек и т. п.
2. Обучение прыжкам с парашютом.
3. Обучение поведению в немецком тылу (как добыть немецкое удостоверение личности, как связаться с коммунистами, как придумать правдоподобную историю в случае ареста и т. п.). [102]
4. Обучение пользованию картами.
5. Обучение выполнению разведывательных заданий для Красной Армии.

В других школах имелись отделения по обучению разведчиков и курсы, на которых будущих партизан учили организации диверсий на железных дорогах, способам нарушения других вражеских коммуникаций, подаче сигналов самолетам и организации поджогов. Существовали также специальные школы, работавшие под руководством НКВД, в которых готовились разведчики, радисты и подрывники. Их обучали также краже документов и дневников у немецких офицеров и солдат».

Общие правила ведения партизанских действий были сведены в «Партизанский устав». В нем содержались подробные указания по полевой службе, сооружению блиндажей, разведке, тактическим вопросам и описание немецкого и русского оружия.

Инструкции партизанам распространялись также с помощью листовок и партизанских газет. Одна из таких газет под названием «Красная звезда» содержала следующие директивы:

«Немецкая армия, боеспособность которой зависит от ее техники, нуждается в надежных коммуникациях в тылу для снабжения войск горючим, боеприпасами, продовольствием и запасными частями... Поэтому совершенно необходимо разрушать пути подвоза и отхода. Для разрушения пролетного строения моста нужно, чтобы обе продольные разрезные стальные балки были уничтожены взрывом. Когда дело касается деревянных мостов, главное состоит в том, чтобы уничтожить опоры моста и, если возможно, сжечь его остальные части.

Разрушение железнодорожных путей дает наилучшие результаты в тех пунктах, где особенно трудно производить ремонт, а именно на поворотах и в выемках или на высоких насыпях. Взрывчатка должна быть заложена таким образом, чтобы путь был взорван в трех местах. Чтобы пустить поезд под откос, лучше всего ослабить болты на стыках рельс и вытащить костыли из шпал, так как диверсия такого рода в отличие от взрыва полотна не может быть замечена с поезда... [103]

Чтобы затруднить для противника обнаружение настоящих мин, необходимо закладывать ложные мины. Разрушение шоссе удобнее всего производить в пунктах, которые трудно обойти, а именно: на участках, окруженных лесом, в глубоких выемках, на высоких насыпях, на участках с крутыми откосами и спусками, на пересечениях дорог...

В городах и деревнях движение немецкого транспорта может быть приостановлено с помощью разрушения домов.

Для уничтожения танков и автомобилей лучше всего использовать передвижные мины. Если несколько мин прикрепить к веревке, переброшенной из засады... через дорогу... и подтягивать их под колеса машин, то есть все основания надеяться, что машина наскочит хотя бы на одну из мин...»

Можно привести еще также следующий эпизод, описанный в инструктивной советской брошюре:

«Разрушив линию связи, партизаны дождались прибытия немецкой ремонтной команды и уничтожили ее из засады.

Подрывные заряды заложили на обоих концах деревянного магистрального моста длиной 60 метров (грузоподъемностью 24 тонны). Затем их обложили соломой, облили керосином и подожгли».

Кроме того, советское радио передавало дважды в день, утром и вечером, программу под названием «Передача для партизан». Каждая передача продолжилась около десяти минут и, кроме инструктивной части, содержала также сообщения об успешных действиях партизан или об уничтожении русских предателей. Одна из таких передач в описании сотрудника немецкой службы радиоперехвата имела довольно забавный характер. Например, на вопрос о том, как убрать немецкого часового, давался следующий краткий совет:

«Охота на немца напоминает охоту на тетеревов. К тетереву надо подкрасться, пока он поет, и сидеть притаившись, когда он замолкает. Тот же метод пригоден и для охоты на немецкого часового. Вооружившись топором, подкрадись к нему в темноте. Если он прогуливается взад и вперед или оглядывается вокруг, стой и не шевелись. Если он [104] стоит задумавшись, постарайся как можно ближе к нему подкрасться. Когда подкрался достаточно близко, внезапно изо всей силы нанеси топором удар по голове. Сделать это надо так быстро, чтобы он не успел вскрикнуть».

Это говорит о том, что англичанам еще многое нужно узнать о войне против тетеревов!

Для своих баз партизаны выбирали самые недоступные места — шахты, болота, горы. Трудно себе представить, как партизаны ухитрялись жить в болотах и действовать оттуда.

В 1943 году немецкое Министерство внутренних дел передало по радио для немецкой армии следующее сообщение о действиях партизан:

«Слушатели, вероятно, думают, что большинство этих болот непроходимо. Нам, однако, стало известно, что это не так. Наши гренадеры стояли перед глубоким болотом, тщетно пытаясь перейти через него, когда один из них вдруг обнаружил, что стоит в грязи только по пояс. При более тщательном обследовании выяснилось, что под водой из досок сделан настил, ведущий к незаметному острову посреди болота».

К своим укрытиям партизаны старались по возможности устраивать только один подход, чтобы их было легче оборонять. Иногда они покидали свои укрытия и переходили в другие районы в поисках лучших убежищ или условий для своих действий или же с целью избежать обнаружения. Но, как правило, партизаны редко меняли район своих действий. Яркое описание горного укрытия партизан дает П. К. Игнатов:

«Наш «вопросительный знак» (лагерь. — *Ред.*) был неприступен. Сверху к нему нельзя было подобраться: по крутизне едва ли спустился бы даже горный козел. Лагерь был недоступен и снизу: ущелье закрывала застава с завалами. Единственная тропка, ведущая к нам, поднималась так круто, что взбираться по ней можно было, лишь ставя ногу на ребро. Два сторожевых укрепления простреливали тропу с фронта и флангов. Она же находилась под огнем наших казарм. Из помещения дальней разведки можно было бить по ней из пулемета. Наконец, в любой момент в нашем [105] распоряжении оставался запасной выход из лагеря. Пройдя через него, мы могли быстро оказаться в тылу у наступающих.

Словом, несколько метких, выдержанных снайперов могли бы долго оборонять наш лагерь даже от крупной вражеской части»{74}.

Лесной партизанский лагерь обычно состоял из землянок. Землянки часто располагали треугольником, так, чтобы из каждой можно было поддержать огнем две другие в случае нападения на них противника.

Более крупные лагеря имели землянки, оборудованные под кухни, госпитали, конюшни и склады.

Тропы, ведущие в лагеря, часто минировались. Они были хорошо замаскированы и начинались в чаще, в стороне от проселочной дороги. В чащу партизаны могли попасть, свернув с проселочной дороги. «Проселочные дороги, берущие начало у основной магистрали или даже у грейдера, ни в коем случае не должны подходить к укрытиям партизан, — говорится в одной из советских директив о порядке размещения партизан. — В тех случаях, когда в силу необходимости партизаны устраивают свои укрытия поблизости от дороги, уходить из землянок всегда нужно в направлении, противоположном дороге, по тщательно скрытым тропам».

Все передвижения партизаны производили обычно ночью и всегда пользовались тропами, известными только местным жителям. Они тщательно охраняли свои колонны, высылая разведку и охранения, и поддерживали в походе строгую дисциплину. В деревнях они часто меняли лошадей. За ночь партизанам удавалось покрывать до сорока миль.

Рассматривая структуру партизанских сил, нам следует коснуться также вопросов, относящихся к организации их связи, снабжения и координации действий с Красной Армией. Вначале мы остановимся на вопросе об организации связи. Как мы уже видели, разведывательные данные, собираемые разведчиками, в отряды поступали обычно через связных. Но эта система была [106] пригодна для сбора только местной разведывательной информации. Для получения же указаний из руководящих центров небольшие группы время от времени проходили пешком значительные расстояния. В Крыму различные партизанские отряды первоначально поддерживали связь друг с другом по телефону. Они пользовались линиями связи, созданными для истребительных батальонов еще в то время, когда они были приданы Красной Армии. В основном же они пользовались радио, которое было для них практически единственным средством связи с органами за линией фронта. Приведем следующую выдержку из донесения СД:

«Перед одной из групп по борьбе с партизанами была поставлена задача обследовать данный район с целью выявить и вывести из строя радиостанцию и всю сеть связи.

С помощью гражданских агентов было установлено, что вероятным местонахождением радиостанции является один из домов в селе Ротелеттен близ Шары. Приняв необходимые меры предосторожности, группа атаковала дом. В доме находились пожилая женщина и девушка. Во время допроса, который был проведен тут же, они все отрицали. При обыске у девушки обнаружили карманные часы и нож, которые, оказывается, входят в снаряжение большевистских радистов. Во дворе на сеновале при обыске была найдена искусно замаскированная радиоустановка с приемником» [75].

Кроме радиостанций, партизаны часто пользовались также портативными радиопередатчиками. Партизаны, которых перебрасывали на оккупированную немцами территорию для выполнения специальных заданий, всегда имели такие передатчики. Иногда партизан и партизанок сбрасывали на парашютах с самолетов, некоторые переправлялись в лодках или просто переходили линию фронта пешком. В каждой такой партии было не менее одного опытного радиста, который обычно поддерживал связь [107] непосредственно с тем органом, который их послал; если же это не удавалось, он старался наладить связь с ближайшим партизанским отрядом. Вначале большинство партизанских отрядов не имело радиооборудования. Но в течение 1942 года многим партизанским отрядам были сброшены на парашютах полевые радиостанции, а также обученные радисты. Некоторые партизанские отряды радиооборудование получали от партийных комитетов.

При передаче своих донесений партизаны, как правило, пользовались цифровым кодом. Часть донесений была перехвачена немцами, которые после этого стали посылать фальшивые донесения. И хотя, таким образом, немцам удавалось вступать в контакт с русскими, последние, видимо, были всегда очень осторожны и никогда не раскрывали никаких секретов в своих ответах. Возможно, немцы не поняли всего, что скрывал за собой шифр.

Если бы партизаны не имели радиосвязи, их действия, вне всякого сомнения, были бы менее эффективными. Почти с непреодолимыми трудностями они столкнулись бы также и при решении проблемы снабжения, если бы их не обслуживала авиация. И хотя иногда партизаны успешно могут пополнять свои запасы, совершая налеты на вражеские склады, тем не менее в борьбе против высокоорганизованной и превосходно оснащенной армии они до известной степени зависят от снабжения с баз, находящихся в неоккупированной части страны.

С самого начала у советских партизан было то неоценимое преимущество, что им не приходилось начинать все на голом месте. Партизанская армия вряд ли может вести борьбу голыми руками или пополнять свои запасы из скудных трофеев, добываемых в результате нападений на одиночных

часовых, отставших солдат или дезертиров{76}. Многие партизанские отряды к началу боевых действий имели огромные запасы продовольствия, вооружения и снаряжения. Они собирали большое количество необходимого им снаряжения в [108] местах, где проходили бои. Затем, и это значительно существеннее, Красная Армия, отступая, передавала большое количество вооружения истребительным батальонам, и, когда последние начинали партизанские действия, они могли полностью удовлетворить свои первоначальные потребности за счет запасов, переданных им армией. Страна, которая собирается вести партизанскую войну, должна непременно извлечь для себя из этого урок: партизанские отряды должны быть сформированы тогда, когда армия еще занимает данную территорию, хотя бы с той целью, чтобы армия могла передать партизанам оружие и снаряжение, необходимые им на первых порах{77}. В противном случае партизаны оказываются в затруднительном положении, ибо даже прекрасно оснащенная авиация не в состоянии обеспечить снабжение разбросанных партизанских отрядов на первом этапе борьбы, не выдав противнику расположения партизанских отрядов в момент, когда они слишком плохо вооружены, чтобы защитить себя.

Выше уже упоминалось, что на вооружении советских партизан, за исключением «партизанского пистолета», находилось оружие армейского образца. Однако для диверсионных целей партизаны прибегали к оружию собственной конструкции. Русские обычно покрывали сильно действующее взрывчатое вещество каким-нибудь клейким составом, затем — угольной пылью и бросали вместе с углем в железнодорожный бункер.

А вот пример других изобретений, приписываемых китайцу Чан По-ли. Первое. В бензиновый бак надо бросить кусок сахара. Сахар растворяется в бензине, и в цилиндрах мотора при сгорании смеси начинает выделяться углерод, останавливая мотор на полном ходу. Наличие сахара в бензине не может быть обнаружено противником, [109] пока самолет или танк не пришли в движение, а тогда уже слишком поздно что-либо предпринять.

Второе. Для диверсий на промышленных предприятиях может быть использован уголь. Опытные диверсанты выдалбливают в большом куске угля отверстие и наполняют его взрывчатым веществом. Когда такой кусок угля попадает в заводскую или корабельную топку, катастрофа неизбежна...

Другим эффективным средством, которым пользовались неуловимые партизаны, являются зажигательные пули и химические вещества, используемые для поджогов и порчи продовольствия. Однако основным средством для совершения диверсий по-прежнему являются сильно действующие взрывчатые вещества{78}.

Во время процесса над военными преступниками председатель Международного трибунала генерал сэр Фрэнк Симпсон в ходе допроса фельдмаршала фон Манштейна получил от него следующие сведения по вопросу о снабжении партизан:

Председатель: «Итак, следующий вопрос, который я хочу вам задать, касается некоторых показаний, которые вы дали сегодня утром в связи с партизанской организацией. Вы утверждали, что большие запасы продовольствия, вооружения и снаряжения для партизан были созданы заранее, то есть, как я полагаю, раньше, чем начались бои; вы также сказали, хотя об этом я вас не спрашивал, что, по вашему мнению, эти запасы время от времени пополнялись в результате партизанских рейдов. Теперь расскажите, пожалуйста, какие вы имели сведения о размерах и характере этих больших запасов и складов, созданных для партизан».

Фельдмаршал фон Манштейн: «Мне кажется, я сказал не «большие», а «многочисленные склады»{79}. В нескольких складах, которые мы захватили, мы нашли боеприпасы, взрывчатку, продовольствие и оружие. [110] По-видимому, эти склады пополнялись за счет добытого в результате налетов, которые партизаны совершали по всей стране».

Председатель: «Чтобы создать большие склады требуется много времени, не так ли?»

Фельдмаршал фон Манштейн: «Да, для этого, конечно, нужно некоторое время, и я полагаю, что эти приготовления к боевым действиям были сделаны до нашего прихода в Крым. Я бы сказал, что в распоряжении Советов было по меньшей мере два месяца для подготовки к партизанской войне, потому что двумя месяцами раньше мы находились в районах к северу от Крыма и они должны были знать, что мы пойдем в Крым».

Председатель: «Благодарю вас, свидетель. Вы ответили на мой вопрос. Я пытался получить представление о приблизительных размерах складов и о сроке, необходимом для их создания, и теперь это для меня ясно».

Получить точные сведения о размерах этих складов, конечно, трудно. Фельдмаршалу фон Манштейну тогда казалось, что запасов на каждом из таких складов было достаточно для снабжения группы в 20-30 или 40 человек, но отдельные склады в течение некоторого времени могли снабжать отряды в сто или даже несколько сот человек. Невозможно также получить более точное представление и о размерах первоначальных запасов, оставленных Красной Армией. Но важно извлечь следующий общий урок: необходимо заранее создавать запасы; чем шире сеть складов, тем лучше, и чем больше имеется запасов, тем скорее партизаны могут добиться успеха. В этих условиях партизаны могут лучше использовать наиболее ценный элемент нападения — внезапность.

Склады партизан немцы находили в заводских подвалах, в отдельных домах, в подземных ходах, в лесах, в заброшенных могилах, на кладбищах и на колокольнях церквей.

Мы уже говорили о рейдах, которые партизаны предпринимали с целью пополнения своих запасов. Они совершали ряд таких рейдов на склады противника, но с целью захвата продовольствия партизаны часто нападали и на деревенские склады, принадлежавшие их же соотечественникам. [111]

«Из своих тайных убежищ или занятых ими районов они часто нападают на деревни, расположенные вне зоны их господства, убивают (пронемецки настроенного) старосту, добровольных помощников немцев, внутреннюю охрану и жителей, поддерживающих связь с немцами, и распределяют конфискованный скот и пшеницу среди той части населения, которая добровольно или принудительно оказывает им поддержку»^{80}. Во многих случаях местное население во главе со старостой снабжало партизан добровольно; кроме того, их обеспечивали подпольные партийные организации и группы снабжения.

Всевозможное снаряжение, продовольствие, оружие сбрасывались и на парашютах самолетами Красной Армии. Иногда это была партия новеньких пулеметов и минометов, радиоприемников, передатчиков и батарей. Временами на самолетах доставляли взрывчатку, продовольствие, а вместе с ними и разведывательные данные. Нередко на самолете из Москвы прилетал какой-нибудь важный партизанский начальник. Роль авиации в снабжении партизан стала особенно заметной с апреля 1942 года, и с тех пор она неуклонно возрастала. Часть самолетов совершала даже посадки, поскольку некоторые партизанские отряды сооружали небольшие аэродромы.

Порядок использования для этой цели авиации всем известен и не требует подробного описания. Во время последней войны в Англии был создан отдел специальных операций; позже американцы создали отдел специальных операций в составе Управления стратегической разведки. Между нами говоря, мы сбрасывали тысячи тонн оружия и взрывчатки для «маки» во Франции и в других местах. Но этот способ снабжения совсем не прост. Для эффективного использования авиации в этих целях, помимо радио, шифров и опознавательных сигналов, требуется много других сложных средств^{81}. Советские [112] партизанские отряды, по-видимому, пользовались односторонней радиосвязью, световыми сигналами и даже кострами.

Теперь мы подходим к наиболее важному вопросу, относящемуся к организации красных партизанских сил, а именно к вопросу о координации их действий с Красной Армией. Мао Цзэ-дун

правильно сказал, что армия и партизаны похожи на две руки человека. Если их движения не согласованы, то нельзя выполнить какую-либо трудную работу.

Как мы видели, советскими партизанами руководила коммунистическая партия, тогда как боевыми действиями солдат руководило командование Красной Армии. Действия партизан и армии на самом высоком уровне объединял Государственный Комитет Обороны, в руках которого была сосредоточена вся государственная власть, народным комиссаром обороны был генералиссимус Сталин. Сверху вниз шли две различные «цепи подчинения»: одна — по линии партизанского движения в немецком тылу и другая — по линии Красной Армии. Таким образом, координация действий Красной Армии и партизан осуществлялась на высоком уровне, где и разрабатывались общие оперативные планы.

Однако, если командование Красной Армии хотело, чтобы какой-то партизанский отряд выполнил то или иное задание, оно не обращалось для этого по инстанции. Каждый более или менее значительный партизанский отряд поддерживал регулярную радиосвязь с генеральным штабом Красной Армии, от которого он получал указания^{82}. Кроме того, действующие части Красной Армии устанавливали непосредственную связь с соответствующими партизанскими отрядами и отдавали им прямые приказы. Такие отношения часто устанавливались между армейскими и партизанскими частями, действовавшими перед линией немецкого фронта и за ней. Партизанские отряды, в особенности действовавшие недалеко от линии фронта, фактически находились в таком же тесном контакте с частями Красной Армии, как и со [113] своими собственными штабами. Приказы, отдававшиеся армейскими штабами, были очень точными. Они указывали отрядам районы будущих действий и намечали планы диверсий^{83}.

Армейское командование могло также дать партизанскому отряду указание вывести из строя какую-либо определенную дорогу или организовать нападение на тюрьму. Но иногда инициатива исходила от самих партизан.

Можно сказать, что, как правило, Красная Армия не оказывала партизанам непосредственной поддержки боевыми действиями. Отдельные солдаты, бежавшие от немцев, военнопленные, армейские парашютисты часто присоединялись к партизанам, но нигде нет данных, свидетельствующих о том, что части Красной Армии когда-либо оказывали партизанам организованную поддержку в бою, непосредственно помогая им выполнять стоящие перед ними задачи. При проведении совместных с войсками действий партизаны всегда играли подчиненную роль. Кроме того, войсковые части никогда не вели партизанских действий в тылу немецкой армии, за исключением тех случаев, когда в данном районе не было партизанских отрядов^{84}.

Причина этого совершенно очевидна. Красное партизанское движение было достаточно сильным, чтобы самостоятельно выполнять стоящие перед ним задачи, в особенности после Сталинграда, когда русское наступление превратилось в почти безостановочное движение вперед.

В предыдущих главах были уже приведены различные примеры согласованных действий Красной Армии и партизан. Прежде всего упомянем истребительные батальоны, ставшие ядром партизанских отрядов. Красная [114] Армия обеспечивала их людьми, вооружением и снаряжением. Ниже мы остановимся также на вопросе о взаимодействии партизан и армии при выполнении разведывательных заданий. В ряде случаев, например на Крымском побережье, партизанам поручалось световыми сигналами указывать русским судам наиболее безопасные места подхода к берегу. Красная Армия также пользовалась ракетами для подачи партизанам сигналов к действиям. Если перед запланированной атакой подавался сигнал синей ракетой, то это означало, что партизаны должны принять участие в бою, совершить акты диверсии и вызвать замешательство в тылу врага.

И, наконец, выше упоминалось о проведении крупной совместной операции по высадке десанта в Евпатории, в которой партизаны сражались бок о бок с солдатами Красной Армии. Перед наступлением под Москвой зимой 1941/42 года партизаны систематически разрушали коммуникации в немецком тылу, пока Красная Армия готовилась к прорыву.

Одним из наиболее ярких примеров тактического взаимодействия партизан с частями Красной Армии, вероятно, была та решающая битва войны, в ходе которой русские в конце июня 1944 года прорвали немецкий фронт в районе Бобруйска и Витебска. Еще до того как Красная Армия начала наступление, боеспособность немцев на фронте была значительно ослаблена действиями партизан в тылу. В огромных районах за линией фронта господствовали партизаны, и фактически власть немцев была там ликвидирована. Между этими районами и иногда и через них проходили коммуникации немецкой армии... В недели, предшествовавшие советскому генеральному наступлению, партизаны стали особенно активны. Они совершали нападения на немецкие опорные пункты, нарушали проводную связь, пускали под откос поезда, минировали дороги и уничтожали транспортные колонны.

«Около 20 июня 1944 года была перехвачена радиограмма из Москвы. Она содержала приказ всем партизанским соединениям всемерно активизировать их действия, не считаясь даже с тем, что это может представлять угрозу безопасности гражданского населения.

В ночь перед началом наступления русской армии [115] партизаны совершили более 10 тыс. рейдов, перерезав все линии связи и снабжения немецкой армии и парализовав тем самым деятельность немецкого командования. Затем красные танковые соединения, прорвавшись через ослабленный немецкий фронт, быстро вышли в районы севернее и южнее автострады Минск — Могилев и стали продвигаться из одного партизанского района в другой... Отступающие немецкие войска понесли тяжелые потери, так как постоянно попадали в западни, умело расставленные партизанами»{85}.

Можно привести много и других примеров согласованных действий. Однако в этом нет нужды, так как все они были сходны по своему характеру. Партизаны всегда привлекались для того, чтобы способствовать своими действиями достижению армией ее стратегических целей. Вопрос о взаимодействии, несомненно, следует рассматривать именно в таком плане.

Стратегическая цель Красной Армии, как и всякой действующей армии, состояла в уничтожении войск противника. Перед партизанским же движением ставилась тактическая задача содействовать достижению этой цели своими диверсиями в немецком тылу. Если рассматривать данный вопрос под этим углом зрения, то во взаимодействии партизан с Красной Армией явственно можно будет различить два этапа, в течение которых как степень, так и характер взаимодействия были неодинаковы. Эти этапы характеризуются, во-первых, советским отступлением и, во-вторых, стабилизацией фронта и советским наступлением.

И отступление и наступление никогда, разумеется, не были бесконечными; всегда с обеих сторон имели место контратаки и контрудары. Но в данном случае это не меняет общего положения. Во время отступления согласованность действий между армией и партизанами была слабой. Было бы ошибкой объяснить это просто тем, что в то время приходилось только еще организовывать партизанское движение и что взаимодействие налаживалось [116] медленно, причем совершались ошибки. Эти факторы, конечно, играли некоторую роль, но особенно во вторую половину 1942 года их влияние было весьма незначительным. Главное заключается в следующем: во время длительного отступления специфические действия партизан мало помогают своей отступающей армии. По необходимости их задачи носят общий характер. Они должны всеми средствами замедлить движение противника вперед, действуя повсеместно за линией огромного фронта. Далее, армия отступает, а партизаны остаются на месте. Партизаны, сегодня находившиеся почти в соприкосновении со своей армией, завтра окажутся на расстоянии многих миль от района ее боевых действий. В этих условиях взаимодействие, если не считать разведки, неизбежно приобретает общий характер и ослабевает.

Но когда Красной Армии удалось стабилизировать фронт и она перешла в наступление, положение изменилось. Инициатива перешла к Красной Армии. Теперь партизанские отряды могли готовиться к наступательным действиям в неприятельском тылу точно так же, как Красная Армия готовилась к наступлению по фронту. Во время наступления Красная Армия могла ставить перед партизанами конкретные задачи на определенных участках в заранее установленное время. Если армия намечала совершить где-либо прорыв, она могла широко использовать партизан. Партизаны могли разведать указанные ею позиции противника, нарушить движение на некоторых важных стратегических дорогах, занять речные переправы, к которым должна была отойти отступающая армия, и очистить от противника те из них, за которые собственная армия может зацепиться во время наступления, организовать диверсии в прифронтовой зоне и т. п. Во время этой второй фазы взаимодействие становилось тесным и приобретало специфический характер.

Наука о партизанской войне не стоит на месте. Но основные принципы организации советской партизанской войны, несмотря на многочисленные возможные усовершенствования, нам представляются вполне установившимися; именно поэтому мы постарались рассказать о действиях советских партизан настолько подробно, насколько нам позволили это сделать имеющиеся в нашем [117] распоряжении материалы. На основании изложенного мы можем сказать:

Советская организация партизанской войны существует.

Советская организация была испытана на деле.

Советская организация готова к бою.

От определенной организационной структуры партизанского движения зависит не только эффективность этого движения. От нее также зависит правовое положение партизан. На первый взгляд этот вопрос может показаться неинтересным. Но он имеет огромное значение: от типа организации зависит, должны ли захваченные партизаны рассматриваться как военнопленные и пользоваться соответствующими привилегиями или они могут быть расстреляны как франтиреры. Поэтому нам нельзя поставить в вину вторжение в сферу компетенции юриста.

Можно сказать заранее, что правовое положение партизан не является совершенно ясным и бесспорным, но недавние решения английских, американских и голландских трибуналов по делам военных преступников свидетельствуют о том, что юристы имеют общую точку зрения по большинству основных вопросов.

I. Общие вопросы. Ведение партизанской войны не считается нарушением правил Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Но, если партизанское движение не подчиняется этим законам, партизаны лишаются защиты, предусмотренной этой конвенцией. Таким образом, партизаны либо являются законными участниками войны, либо незаконными. В последнем случае на юридическом языке они именуется *франтирерами*. Соответствующие правила установлены статьей I Положения о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны).

«Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям:

- 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; [118]
- 3) открыто носят оружие и

4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны»{86}.

Пока партизаны выполняют эти четыре условия, они являются законными участниками войны. В этом случае они рассматриваются как личный состав воюющей армии страны и при захвате в плен пользуются статусом и правами военнопленных.

Перед нами не возникает вопрос, выполняли ли советские партизаны условия, изложенные в пунктах 1-4 статьи I, так как хорошо известно, что они пренебрегли требованием иметь отличительный знак и открыто носить оружие. Советские партизаны сознательно отказывались от предусмотренной конвенцией защиты. Отказавшись от права на безопасность после захвата в плен, они тем самым повысили эффективность своих действий.

В качестве иллюстрации приведем высказывание фельдмаршала Кюхлера, выразившего немецкую точку зрения на этот счет. Он сказал:

«Это был крайне односторонний тип войны, так как в ней легко было распознать немецкого солдата и очень трудно — партизанского бойца, поскольку он носил гражданскую одежду»{87}.

А вот точка зрения русских по этому вопросу:

«Немецкие войска... никогда не могут быть уверены в том, что в безобидной группе кустов не скрыт пулемет и что простая деревенская девушка не спрятала ручную гранату в корзинку, с которой она идет на рынок»{88}.

То, что было сказано в решении военного трибунала Соединенных Штатов по так называемому Юго-Восточному делу, можно отнести также и к советским партизанам:

«У них не было общей формы. Обычно они носили гражданскую одежду и отчасти пользовались предметами немецкого, итальянского и сербского обмундирования, поскольку они могли их достать. В качестве отличительного [119] знака они обычно носили советскую звезду. Очевидные факты доказывают несостоятельность утверждения, что эта звезда может быть видна издали. Они не носили открыто своего оружия, за исключением тех случаев, когда это было им выгодно. В отношении групп, с которыми мы имели здесь дело, не было представлено нужных доказательств того, что они удовлетворяли требованиям (законного участия в войне). Это, конечно, означает, что пойманные члены этих незаконных групп не имели права на то, чтобы к ним относились, как в военнопленным. Мы не можем поэтому выдвинуть обоснованное обвинение в преступлении против подсудимых за убийство пойманных членов таких сил сопротивления, ибо последние являются *франтирерами*»{89}.

Иными словами, как говорится в другом решении суда, «они могут даже караться смертной казнью, если будет доказана их виновность в преступлении»{90}.

Однако весьма неясно, какого рода доказательства требуются для установления виновности, то есть того, что задержанный является *франтирером*, и на этот счет мнения англичан и американцев расходятся.

По мнению американцев, «может возникнуть некоторое сомнение, действительно ли международное право требует судебного разбирательства»{91}. По мнению же англичан, какая-то форма судебного разбирательства в этом случае необходима.

Эта точка зрения была высказана судьей Коллингвудом в заключительном слове по делу Манштейна:

«Что русские позволяли себе в широких масштабах использовать партизанские приемы ведения войны, — очевидно. Что это представляло постоянную угрозу немецким войскам, также ясно. Никто, относительно кого могло быть доказано, что он действовал в качестве *франтирера*, не мог претендовать на статус военнопленного. Но должна существовать какая-то форма суда, [120] точно так же, как она существует, когда имеют дело со шпионом; и мы не можем считать убедительным ответ, когда командующий заявляет, что у

него не было времени для судов. Нельзя пренебрегать законами войны только потому, что их неудобно соблюдать»^{92}.

Следует еще добавить, что английскую точку зрения разделяют сами немцы. У каждого немецкого солдата имелась памятка «Десять заповедей солдата действующей армии». Заповедь 3-я этой памятки гласит: «Врагов, которые сдаются, убивать нельзя, даже если это партизаны или шпионы. Они понесут справедливую кару по суду»^{93}.

Тем не менее немцы расстреливали в России без суда каждого, кого они считали партизаном, и эта практика должна быть признана незаконной.

В России немцы точно так же поступали с тремя другими категориями партизан, а именно с заподозренными в принадлежности к партизанам, с теми, кто оказывал партизанам поддержку, и с партизанами по определению самих немцев. Остановимся на юридических нормах, применимых к этим категориям лиц.

1. «Заподозренные» в принадлежности к партизанам. Незаконно расстреливать человека только потому, что его заподозрили в принадлежности к партизанам. «Подозрение отражает умонастроения обвинителя, но не умонастроения или действия обвиняемого. Это чудовищное предположение, допускающее возможность чистейшего произвола, когда состояние ума обвинителя при отсутствии доказательств виновности может стать определяющим фактором при решении, будет ли обвиняемый немедленно казнен или нет»^{94}.

2. Лица, оказывавшие «поддержку» партизанам. Если из действий этих лиц явствует, что они не являются *франтирерами*, как, например, 19-летняя девушка, написавшая оскорбительную для немцев песню, их расстрел незаконен. Если, однако, может быть доказано, что их деятельность состояла в оказании партизанам помощи, [121] в подстрекательстве или в прямых действиях, то их смертная казнь будет законной^{95}. Но в этих случаях опять-таки необходима какая-то форма суда.

3. Партизаны «по определению». «Политика вермахта состояла в том, чтобы изобрести в своих приказах и директивах различные категории партизан по его собственному определению, и в результате в число тех, кого вермахт объявлял партизанами и расстреливал или вешал, он включал не только подлинных *франтиреров*, но также много других категорий лиц, несмотря на то, что не было никаких видимых причин включать их в число партизан, кроме намерения, как это декларировал Гитлер, «истреблять всех тех, кто нам противится»^{96}.

На состоявшемся 11 июня 1941 года в Варшаве совещании генерал для особых поручений Мюллер следующим образом инструктировал по этому вопросу военных прокуроров и начальников разведки армий:

«Каждый гражданин, который затрудняет сам или подстрекает других затруднять действия немецких вооруженных сил, тоже должен считаться партизаном (то есть подстрекатели, лица, распространяющие листовки, нарушающие немецкие приказы, поджигатели, лица, уничтожающие дорожные знаки, запасы, и т. д.). Немецкая 11-я армия распространила термин «партизан» даже на солдат Красной Армии. Ее командование установило: «Те русские солдаты и группы солдат, которые после окончания законных боевых действий появляются вновь из укрытий, вновь объединяются, берутся за оружие и по собственной инициативе самостоятельно ведут борьбу на наших коммуникациях, будут рассматриваться как *франтиреры*.

Термин «партизан» в настоящее время распространяется на всех солдат, войсковые части и группы граждан, ведущих «подпольные» действия в нашем тылу, взрывающих мосты, нападающих на одиночные машины, квартиры и т. д.».

По мнению высшего военно-судебного органа, которое, как мы полагаем, выражает общее мнение по данному [122] вопросу, противоправно предавать смертной казни следующих лиц, объявленных в приказах партизанами:

- а) отдельных солдат и группы солдат Красной Армии, продолжающих сражаться;
- б) солдат Красной Армии в форме, присоединившихся к партизанам;
- в) граждан, которые затрудняют или подстрекают других затруднять действия немецких вооруженных сил.

«Законы войны или международное право не дают основания считать таких лиц *франтирерами*, партизанами или бандитами»{97}.

II. Народное ополчение. Гагская конвенция предоставляет защиту не только партизанам, соблюдающим законы и обычаи войны, но и тем гражданам, которые принимают участие в народном ополчении. В статье второй Положения о законах и обычаях сухопутной войны (Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны) говорится:

«Население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться согласно статье I, будет признаваться в качестве воюющего, если будет открыто носить оружие и соблюдать законы и обычаи войны»{98}.

Поскольку советские граждане никогда не носили оружия открыто, нет надобности вдаваться в подробности, но надо сказать, что эти граждане также имеют право на то, чтобы быть судимыми какой-то формой суда.

Ясно, что советские партизаны, сами отказавшиеся от защиты Гагской конвенции, едва ли проявляли милосердие к противнику. [123]

ГЛАВА IV. ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН

Начальник Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенант Пономаренко следующим образом сформулировал тактические задачи советских партизан:

«С самого начала Великой Отечественной войны советские патриоты по призыву Иосифа Виссарионовича Сталина стали создавать партизанские отряды... диверсионные группы... Их целью было бороться с частями вражеской армии, взрывать дороги, портить телефонную и телеграфную связь, уничтожать склады, базы, создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»{99}.

Нам остается только сделать ряд пояснений и уточнений, чтобы правильно оценить тактические задачи партизан. Самое важное — это правильно разграничить сферы деятельности между армией и партизанами. Мы видели, что до тех пор, пока советские партизаны сражались на ничейной земле, их действия были неэффективны. У них не было другого объекта для нападения, кроме противника, который ведет боевые действия непосредственно на фронте. Такого рода задача стоит перед армией; партизаны же для этого не оснащены, и перед ними таких задач не ставится. Как правильно указывается в приказе Сталина от 1 мая 1942 года, самая подходящая сфера деятельности партизан — вражеский тыл.

Отсюда следует, что в задачу партизан, как правило, не входит захват или удержание территории, и поэтому [124] советские партизаны, за исключением тех случаев, когда им нужно было подготовить плацдарм для Красной Армии, не вели боев за овладение территорией. Их действительная задача состояла в том, чтобы изматывать силы противника, нанося ему сокрушительные удары по наиболее уязвимым местам. Точно такой же точки зрения, как мы видели, придерживался и Мао Цзэ-дун, и он был прав.

Партизаны, по словам Карла Маркса, должны применять такую тактику, при которой «более слабая армия может противостоять и более сильной, и лучше организованной»^{100}. Поэтому они должны избегать действий против превосходящих сил противника. Мао Цзэ-дун в своей борьбе придерживался именно этого правила.

Снова возвращаясь к Мао Цзэ-дуну, отметим, что он сделал следующий вывод: партизанский налет должен быть прежде всего неожиданным. Он должен достигать цели молниеносно, до того как противник сможет собрать превосходящие силы, а это значит, что партизаны всегда должны уметь быстро исчезать. Правило партизанской борьбы состоит в том, чтобы как можно меньше времени находиться в соприкосновении с противником. То, что полковник Лоуренс сделал правилом для своей Арабской армии, является правилом и для любого партизанского отряда. А его армия действовала «наименьшими силами в кратчайшее время в самом отдаленном месте». Противник должен быть лишен возможности нанести ответный удар.

Командир партизанского отряда должен умело выбирать объекты для нападения. Каждый возможный для атаки объект должен быть важным; среди важных командир выбирает наиболее уязвимые.

Поэтому командиру партизанского отряда нужна отличная разведка. Успех его действий практически зависит от качества разведывательной службы. Партизанская разведка имеет две функции. Во-первых, командир должен знать планы противника: «Командование отряда знало... все, что немцы намеревались предпринять против нас, и [125] благодаря этому всегда могло своевременно изменить маршрут или принять другие контрмеры»^{101}. Во-вторых, командир должен знать все необходимое для того, чтобы обеспечить успех собственного нападения. Бессмысленно совершать налет на склад противника, если он пуст, или подрывать железнодорожное полотно, если по нему должен пройти пассажирский поезд.

Но не всякий важный и уязвимый объект может быть объектом для нападения партизан. Допустим, партизанская разведка установила, что противник плохо охраняет железнодорожный мост, что каждую ночь по нему проходят три эшелона с войсками и столько же с продовольствием и боеприпасами и что нападение можно легко совершить в 20 часов, когда сменяется караул. Но может случиться, что командование Красной Армии наметило захватить этот мост силами воздушного десанта в ту же ночь. Несогласованное с командованием армии разрушение моста могло бы повредить своей собственной армии больше, чем армии противника, а поэтому преднамеренное воздержание от активных действий в известных случаях может стать важным вкладом партизан в победу своей стороны.

Классическим примером могут служить действия партизан весной 1944 года. До тех пор партизаны были чрезвычайно активны в полосе действий группы армий «Центр» и часто серьезно нарушали железнодорожные коммуникации немцев. С июля по октябрь 1943 года партизаны совершили около 4800 налетов на железные дороги и вывели из строя 1200 паровозов; только в октябре они взорвали 47 мостов и пустили под откос 285 поездов. Партизаны активно действовали и в последующие месяцы, но вдруг весной следующего года их операции неожиданно прекратились. Вот что произошло. Линия фронта группы армий «Центр» была очень неровной: она в общих чертах напоминала вопросительный знак с несоразмерно увеличенной верхней частью. Красная Армия искусными отвлекающими маневрами создала впечатление скорого наступления на участке нижней вогнутой [126] половины немецкого фронта. Тогда группа армий «Центр» направила все свои оперативные резервы и другие соединения с севера на юг, используя для этого единственную в ее распоряжении железную дорогу, идущую от Орши через Минск на Брест. Партизаны, которые до этого часто нападали на эту линию, не проявляли активности и не препятствовали немцам. Командование Красной Армии хотело, чтобы переброска немецких войск проходила без помех, и приказало партизанам не предпринимать там каких-либо действий. Едва только германские подкрепления прибыли на юг, как Красная Армия неожиданно начала мощное

наступление на севере, и, когда немцы захотели перебросить крайне нужные им резервы по этой железной дороге обратно на север для поддержки войск разваливавшегося северного фронта, партизаны снова по приказу командования Красной Армии произвели огромные разрушения на этой дороге и почти полностью остановили движение. В результате группа армий «Центр», лишенная необходимых подкреплений, потерпела поражение^{102}.

При выборе своих объектов командир партизанского отряда должен отдавать предпочтение наиболее важным из них; приоритет обычно отдается захвату оружия, снаряжения и продовольствия для своего отряда, без чего он не может вести борьбу. Характер объектов, которым следует отдать предпочтение, также ясен, когда перед партизанами Красной Армии ставятся специальные задачи. Иногда партизанам за одну ночь приходится производить тысячи диверсий на шоссейных и железных дорогах. Дезорганизация транспортной системы противника требует умелой организации действий отрядов.

Возможны и такие случаи, когда отряды могут принять решение ничем не выдавать своего присутствия. Немецкие армии познакомились с такой тактикой, когда они оккупировали первые советские районы. Партизаны хотели, чтобы на первых порах у немецких солдат появлялось чувство полной безопасности, с тем чтобы потом, используя момент внезапности, наносить особенно тяжелые удары. [127]

В партизанской войне внезапность достигается различными средствами, и советские партизаны в совершенстве ими овладели. Во-первых, как мы уже знаем, они не носили форму, за исключением отдельных случаев, когда они переодевались в немецкое или румынское обмундирование. Кроме того, они не носили открыто оружие. Советские партизаны по внешнему виду ничем не отличались от мирных жителей. Во-вторых, вражеские коммуникации были чрезвычайно растянуты и партизаны могли выбирать объекты для нападения там, где противник меньше всего этого ожидал. Кроме того, партизаны совершают вылазки налегке и главным образом ночью; они подвижны; действуют бесшумно, как ночные воры-взломщики. И, наконец, партизаны прекрасно знают местность и умеют пользоваться этим преимуществом. Поэтому среди возможных и доступных объектов партизаны избирают такие, при нападении на которые они могут полностью использовать свои специфические преимущества и таким образом свести на нет превосходство противника в технике. Незащищенными объектами, преимущества нападения на которые очевидны, являются, например, неохраняемые участки шоссейных и железных дорог, нефтеперегонные заводы и электрические станции, телефонные линии и колодцы. Далее следуют обычно плохо охраняемые объекты: мосты и склады боеприпасов, автомоторные парки и склады снабжения. Затем идут люди: какой-нибудь зазевавшийся часовой, небольшой конвой, расчет отдельного орудия на огневой позиции, отряд штабной охраны и т. д. И, наконец, следует указать на объекты, способные к отражению нападения: гарнизоны или воинские части на марше. Но советские партизанские отряды после первых поражений по возможности избегали открытого боя. Совершая нападения на войска, они всегда прибегали к внезапному налету и избирали для этого самые чувствительные объекты — обычно командира или тыловые подразделения. Чтобы завершить налет в кратчайшее время, следует предварительно провести тщательную разведку. Мао Цзэ-дун также придерживается этого мнения.

В задачу партизанской разведки входит не только обеспечение информацией собственных отрядов о положении [128] в районе их действий. Партизанская разведка часто помогает разведывательной службе армии. Партизанские отряды идеально приспособлены для такого рода деятельности: с ними легко устанавливать связь, ибо их местоположение известно их главному штабу, они снабжены радиоприемниками и шифрами, прекрасно знают местность, разведывательное дело и легко могут доносить о результатах выполнения заданий по радио.

Как мы уже видели, советские партизаны насаждали множество своих разведчиков в нужных местах: их люди работали в квартирмейстерских органах, армейских госпиталях и службах

снабжения и находились в постоянном контакте с немецкими солдатами и офицерами. А так как многие русские отлично знают немецкий язык, им не приходилось полагаться в своей работе на простые догадки, ибо из разговоров, подслушанных в армейских столовых — а разговоры эти обычно ведутся на военные темы, — они узнавали о положении дел на фронте. Часть разведывательных сведений нередко собирали сами члены отрядов, и эта работа требовала огромного терпения. Прежде чем взорвать железнодорожное полотно, нужно было установить расписание движения поездов. С этой целью какой-нибудь партизан забирался на высокое дерево поблизости от железной дороги и сидел там несколько дней подряд, изучая проходящие поезда и их грузы, выясняя систему охранения и засекая время, чтобы потом пустить под откос нужный поезд.

Советская Армия часто использовала своих собственных разведчиков, которых она специально забрасывала в немецкий тыл. Это делалось в тех случаях, когда необходимо было добыть настоящие документы, штампы, печати или, например, бланки пропусков, выдаваемых местным жителям для передвижения из одного района в другой, или точные сведения о фортификационных сооружениях противника. В таких случаях разведчик должен был лично доставлять информацию, и нельзя было воспользоваться услугами партизан, передающих донесения по радио. Однако при современном развитии телевидения мы не видим причин, почему в будущем партизаны не смогут взять на себя также и эти задачи. Было, видимо, много и других случаев, когда Красная [129] Армия не прибегала к услугам партизанской разведки, особенно тогда, когда дело касалось информации узкоспециальной или слишком важной, чтобы ее можно было доверить посторонним лицам или передать по радио. Когда Красная Армия посылала в немецкий тыл своих разведчиков, они не встречались лично с разведчиками партизан, даже если и работали с ними вместе. Чтобы избежать личного контакта, разведчики пользовались «почтовыми ящиками», хорошо замаскированными в условленных местах, и там оставляли свои донесения.

Однако в остальном у партизанских отрядов было все необходимое для выполнения разведывательных заданий Красной Армии за линией фронта. Не следует забывать, что ни в какой другой войне никто не мог создать такую огромную разведывательную сеть в столь обширном районе оккупации, как это было во время германской кампании. В условиях, когда существует широко разветвленная сеть боеспособных партизанских отрядов, оккупационная армия ни на минуту не может рассчитывать на то, что ей удастся скрыть от разведки противника основные передвижения своих войск; именно в таком положении оказались немецкие армии в России, когда во всю развивалось партизанское движение. «Установлено, что противник удивительно хорошо информирован о передвижении войск», — сообщалось довольно наивно в донесении штаба немецкого корпуса от 5 мая 1942 года. Партизанское движение своей чрезвычайно ценной разведывательной деятельностью с лихвой оправдывает средства, затрачиваемые на его организацию. Поэтому генерал Пономаренко был совершенно прав, когда сказал, что советское партизанское движение «превратилось в одно из важнейших условий разгрома врага»^{103}.

Если мы перейдем от объекта партизанской войны к ее общим целям, то увидим, что перед партизанским движением стоят две цели:

1. Изматывать противника, чтобы ослабить его фронт.
2. Лишать противника оружия, снаряжения и провианта. [130]

Первой цели партизаны достигают уже только своим существованием. Они вынуждают противника отвлекать часть своих войск для обеспечения тыла. Чем мощнее и многочисленнее были наносимые партизанами удары, чем шире были районы их действий, тем больше приходилось немцам отвлекать сил. Ниже мы покажем, какое примерно количество войск немцы использовали для этой цели в различных районах.

Самым верным средством изматывания противника является уничтожение его живой силы, и читатель, видимо, помнит, что, по подсчетам генерал-лейтенанта Пономаренко, за первые два года партизанской войны было уничтожено не менее 300 тыс. немецких солдат и офицеров, или 15-20 дивизий. Если сделать скидку на преувеличения русских и сопоставить даже значительно меньшую цифру с численностью войск, которые немцы держали в сентябре 1943 года в оккупированных странах — 17 дивизий на Западе, 14 дивизий в Италии (после ее капитуляции), 17 на Балканах, — то станет ясно, сколь заметных результатов добились красные партизаны только в деле непосредственного изматывания сил противника.

Чем неуловимее партизаны, тем легче им изматывать силы противника. Неуловимость партизан важна также и в другом отношении. Если партизанский отряд сохраняет свои силы, он продолжает изматывать противника, если же отряд уничтожен, это развязывает противнику руки для выполнения своих задач. Поэтому самая главная задача партизанского отряда обычно заключается в том, чтобы сохранить свои силы, уцелеть. Как теперь говорят, лучше в порядке отойти, чем совершить самоубийственный налет. Этой точки зрения придерживались как Мао Цзэ-дун, так и советские партизаны. Солдат должен удерживать свою позицию, партизан — нет. Поэтому, когда обстановка слишком накаляется, партизану лучше всего вовремя скрыться.

Это положение генерал-майор Ковпак подкрепляет в своей книге конкретным примером. В бою с немцами его отряд был почти полностью окружен в лесном лагере, боеприпасы кончались. Поэтому он решил оставить лагерь. Приказ, отданный им, можно считать почти [131] классическим: «Дабы сохранить людской состав для дальнейшей борьбы, считать целесообразным 1/XII-41 г. в 24.00 оставить Спадщанский лес и выйти в рейд в направлении Брянских лесов»{104}.

В свою очередь, лучший способ лишить противника оружия, снаряжения и провианта — это их уничтожить. Кроме того, все это можно вывести из строя или испортить либо же помешать противнику доставить на место. На этом вопросе едва ли нужно останавливаться подробно.

Партизанское движение может успешно решать стоящие перед ним тактические задачи, только соблюдая следующие два условия: партизанские отряды должны быть вездесущими, то есть по возможности децентрализованными, и, кроме того, самообеспечивающимися. В основе организации советского партизанского движения лежали как раз эти принципы.

Сколько всего было советских партизан, никто точно не знает. Цифра полтора миллиона, которую сообщают русские, возможно, преувеличена. Однако совершенно несомненно то, что в конце войны партизаны были всюду. Советские партизаны доказали, что тысяча отрядов по пятьдесят человек каждый лучше, чем пятьдесят отрядов по тысяче человек.

Кроме того, чем лучше обеспечены отдельные отряды, тем выше их боеспособность. У каждого отряда должна быть своя собственная рация, свое собственное оружие, боеприпасы и продовольственные запасы. В этом отношении советское партизанское движение было организовано прекрасно. Партизанские отряды были независимыми во всех отношениях за исключением тех случаев, когда они участвовали вместе с другими отрядами в проведении общих операций.

Вскоре после того, как советские партизаны начали боевые действия, им стало ясно, в чем заключаются их тактические задачи. Они на практике показали военным теоретикам, какие вообще стоят задачи перед партизанами и как их надо решать. [132]

Генерал-майор Ковпак, опытный в таких делах человек, приходит к следующим выводам:

«Труднее всего нам приходилось в оборонительных боях, которые навязывал нам противник. Только в этих боях он мог использовать свое превосходство в численности и технике. Наибольших успехов мы достигали, когда пользовались свободой маневра. Все наши расчеты и планы с момента выхода из Спадщанского леса

всегда строились на стремительности марша, скрытности подхода, внезапности нападения. Находясь в движении, маневрируя, имея возможность в любой момент изменить маршрут, мы были неуловимы для врага. Не успев еще сосредоточить силы для удара, он уже терял наш след. Даже когда ему удавалось окружить нас превосходящими силами, благодаря своей подвижности мы выскальзывали из кольца»{105}.

У самого Мао Цзэ-дуна не нашлось бы ничего добавить к этому. Советские партизаны показали, что они хорошо поняли Мао.

Часть вторая. Действия немцев против партизан

ГЛАВА V. ИСПЫТАНИЯ И ОШИБКИ

Тигр, Тигр!
Удачно ль охота, о смелый, прошла?
Брат, ночь длинна и сурова была.
Что стало с тем, кому гибель ты нес?
Брат, невредим он пасется меж лоз.
Где твоя сила, где гордость твоя?
Брат мой, как воск, тает сила моя.
Где быстрота, с какой мог ты лететь?
Брат, я в берлогу ползу умереть.

Р. Киплинг, Книга джунглей.

Когда Гитлер начинал русскую кампанию, он был уверен, что она закончится в течение шести недель или нескольких месяцев, но, во всяком случае, задолго до наступления зимы. Поэтому не удивительно, что он и германское верховное командование до начала кампании мало уделяли внимания партизанской войне.

Странно, что немецкие стратеги совершенно не поняли ни тактики, ни смысла партизанского движения красных. События показали, что в основе всех подготовительных мероприятий, которые немцы предприняли для ликвидации этой угрозы, лежали неправильные расчеты: там, где ожидали нападений, их не было; там, где нападения были, немцы были плохо подготовлены к их отражению. Когда немцы попытались предпринять превентивные меры, партизанские отряды были уже созданы; когда немцы приступили к искоренению отрядов террористическими методами, они только подлили масла в огонь, и количество отрядов возросло. Позже немцы попытались исправить свои стратегические ошибки, создав более эффективную организацию для борьбы [136] с партизанами. Но они никогда не пытались исправить свои грубые психологические просчеты. Более того, они совершили впоследствии новые грубые ошибки, обращаясь с русскими рабочими в Германии, как с рабами.

С партизанами должны были бороться, с одной стороны, армия и, с другой — полиция безопасности и СД. Они должны были действовать независимо друг от друга, в разных районах, выполнять различные задачи; каждая имела свое командование.

Решение о том, что армия и СД (так мы для краткости будем называть службу безопасности, эйнзатцгруппы и зондеркоманды) будут действовать против красных партизан независимо друг от друга, было принято за три месяца до начала русской кампании. Такое разделение задач не вызывалось военной необходимостью; оно было продиктовано исключительно политическими соображениями. Популярность, которую завоевала немецкая армия после польской и французской кампаний, угрожала нарушить столь старательно созданное Гитлером выгодное ему равновесие

сил в государстве. Победоносная действующая армия стала политическим фактором. Стремление подрывать возросшее влияние армии везде, где это было возможно, стало политикой партии, а это привело к тому, что управление оккупированными территориями, которое во всех предшествовавших войнах оставалось в руках армии, должно было почти полностью перейти от армии к партийным чиновникам. Таким образом, СД должна была заполучить свою долю славы, которую предстояло завоевать в СССР.

В связи с этим 26 марта 1941 года было заключено известное соглашение Вагнера — Гейдриха (между генералом Вагнером, представлявшим армию, и Гейдрихом, представлявшим СД). Это соглашение регулировало распределение функций и взаимоотношения между армией, с одной стороны, и гестапо, СД и войсками СС — с другой.

Соглашение начиналось ссылкой на то, что «выполнение специальных полицейских задач по поддержанию безопасности, не входящих в обязанности войск, вызывает необходимость использования в оперативном районе [137] специальных отрядов (зондеркоманды) службы безопасности (СД)».

На первый взгляд кажется странным, что, по мнению Вагнера и Гейдриха, борьба с партизанами «не входит в задачу войск». Но из дальнейшего содержания этого документа становится ясным, что СД, проявив «скромность», избрала сферой своей деятельности армейский тыл, то есть армейские тыловые районы, и еще более глубокий тыл — тыловые районы групп армий. Считалось, что в конце концов долг армии сражаться на фронте.

В соответствии с соглашением органы и войска СД прикомандировывались к группам армий и армиям. Однако армии они подчинялись только в вопросах передвижения, расквартирования и довольствия, а указания они должны были получать от рейхсфюрера СС Гиммлера и информировать об этом воинских начальников, к которым были прикомандированы; последние, в свою очередь, должны были предоставлять войскам СД средства, необходимые для выполнения стоявших перед ними задач, и сохраняли за собой право давать им специальные указания с целью предотвращения их вмешательства в военные действия.

Таким образом, была заложена основа для массового уничтожения тех представителей местного населения, которые, по мнению нацистов, могли враждебно относиться к нацистской идеологии.

Существовало четыре вида эйнзатцгрупп — А, В, С, D. Каждая ударная группа численностью 800-1200 человек разделялась на роты (эйнзатцкоманды) и полуроты (зондеркоманды); последние в свою очередь разделялись на более мелкие подразделения.

По соглашению Вагнера — Гейдриха перед СД стояли следующие задачи:

1. В армейских тыловых районах: «Подготовка перед началом операций определенных документов (материалов, архивов, досье, относящихся к организациям, ассоциациям, группам и т. п., враждебно относящимся к рейху или государству), а также подготовка сведений об особо важных лицах (видных эмигрантах, саботажниках, террористах и т. п.)». [138]
2. В тыловых районах групп армий: «Своевременное пресечение действий, направленных против государства и рейха и предпринимаемых не вооруженными силами противника, а также общее информирование начальников тыловых районов групп армий по вопросам политического положения».

Таким образом, становится ясным, что считала организация СД своей задачей в антипартизанской кампании. Предполагалось, что вооруженная специальными картотеками^{106}, досье, материалами и архивами, она будет знать все о каждом Иване, Владимире и Дмитрии, а остальное будет уже

обычным делом, вроде того, чем занято гестапо: арестовывать руководителей и таким образом подавлять партизанские отряды до того, как они смогут развернуть действия. В конечном счете «очень немногие из руководителей СД были солдатами, а короткая трех-или четырехнедельная подготовка в Прецше, которую они проходили до отправки в Россию, заключалась только в строевой подготовке и обучении стрельбе из винтовки. Совершенно очевидно, что в Россию таких людей посылали не как боевой состав, а как представителей идеологического фронта. В действующей армии они были не чем иным, как кочующим Главным имперским управлением безопасности, они были гестапо на колесах»^{107}.

Такую концепцию борьбы против партизан, довольно странную, особенно теперь, когда известны результаты этой борьбы, фактически изобрела СД. Эта концепция вполне соответствовала гейдриховскому пониманию обстановки. За несколько дней до начала русской кампании руководители СД собрались в штаб-квартире бесславного Главного имперского управления безопасности в Берлине^{108}. Перед собравшимися должен был выступить [139] «палач» Гейдрих, высокий голубоглазый блондин. Он был правой рукой Гимmlера с тех пор, как в 1936 году стал начальником полиции безопасности (то есть гестапо и уголовной полиции) и руководителем СД. К тому времени он уже терроризировал население Польши и теперь на этом совещании должен был обрисовать миссию СД в СССР.

Все присутствовавшие на совещании впоследствии понесли наказание как преступники: Гейдрих вскоре был убит на одной из улиц Праги, куда он был назначен «протектором»; его преемнику Кальтенбруннеру суждено было выслушать смертный приговор Международного военного трибунала, а многие присутствовавшие на совещании руководители эйнзатцгрупп СД дожили до того дня, когда военные трибуналы союзников приговорили их к смертной казни.

Миссия СД была ясна: она должна была иметь дело с мирным населением Советской России. Пять лет спустя Международный трибунал в Нюрнберге дал этой миссии юридическое определение: «Гестапо и СД использовались для целей, которые являлись, согласно Уставу, преступными и включали... эксцессы на оккупированной территории»^{109}.

Следует отметить, что СД выполняла две функции: «С одной стороны, ей была поручена расправа над определенными элементами, с другой стороны, она осуществляла законную полицейскую функцию, связанную с обеспечением безопасности тыловых коммуникаций армий и в этой связи действовала главным образом против партизан» (см. High Command Judgement, p. 121). Нас интересует только их полицейская функция, то есть борьба с партизанами.

В своем выступлении Гейдрих подчеркнул, что СД должна «обеспечивать безопасность» войск вермахта в тех районах, через которые они будут проходить, и с этой целью безжалостно уничтожать всех, кто отрицательно относится к национал-социализму. Точно так же предписывалось поступать в случае возникновения угрозы со [140] стороны партизан в этих обширных районах. Руководители СД, конечно, считали, что они знают, как предупредить предполагаемую угрозу. Для Гейдриха не стоял вопрос о восстановлении порядка; он никогда не должен был нарушаться; при его гестаповских методах его можно было только «поддерживать».

Итак, СД под руководством Гимmlера должна была подавить в тылу партизанское движение, прежде чем партизаны успели бы развернуть активные действия.

Войскам пришлось, как мы сейчас увидим, начать борьбу против уже развернувших свои действия партизан. Поскольку основная масса войск находилась на передовой, то последняя рассматривалась как главный район действий партизан.

Сам фюрер говорил об этом в своей директиве «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», о которой уже упоминалось. Она была издана 13 мая 1941 года. Вот часть ее текста:

Директива об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск

Юрисдикция вооруженных сил заключается прежде всего в *поддержании дисциплины и порядка*.

Огромные размеры театра военных действий на Востоке, диктуемые этим методы действий военного командования и особенности противника ставят перед судами вооруженных сил задачи, которые они, будучи недостаточно укомплектованными, смогут решить в ходе боевых действий до умиротворения захваченных районов только при том условии, если область их юрисдикции будет ограничена рамками ее главной задачи.

Это возможно только в том случае, если *войска будут сами защищать себя* от любой угрозы со стороны гражданского населения противника, проявляя в отношении его полную безжалостность.

В связи с этим для района «Барбаросса» (оперативные районы, армейские тыловые районы и районы политического управления) устанавливается следующее положение: [141]

I. Об отношении к преступлениям, совершенным гражданским населением противника

1. *Рассмотрение дел о преступлениях, совершаемых гражданским населением противника*, в данное время изымается из компетенции обычных военно-полевых судов и ускоренных военно-полевых судов.

2. *Партизаны* будут безжалостно уничтожаться войсками в бою или при попытке к бегству.

3. *Всякие другие нападения со стороны гражданского населения противника на вооруженные силы, их служащих и приданный им персонал* также будут отражаться войсками на месте при помощи крайних мер до полного уничтожения нападающих.

4. Там, где подобные меры не были предприняты или их принять вначале было невозможно, *подозреваемые элементы должны быть немедленно отправлены к любому офицеру, который решит, подлежат ли они расстрелу*.

Если обстоятельства не позволяют быстро задержать отдельных преступников, то по приказу любого офицера, занимающего пост не ниже командира батальона, немедленно должны быть предприняты массовые *карательные меры* против населения *районов*, где на вооруженные силы были совершены вероломные нападения.

5. Категорически запрещается содержать подозреваемых преступников под стражей с целью передачи их в суды после восстановления юрисдикции судов над гражданским населением данного района.

6. Главнокомандующие группами армий могут, по соглашению с компетентными начальниками военно-воздушных сил и флота, *восстанавливать юрисдикцию вооруженных сил над гражданским населением районов*, которые были уже в основном умиротворены.

Для *района политического управления* эти указания делаются начальником главного штаба вооруженных сил. [142]

II. Отношение к преступлениям, совершенным военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к местному населению

1. Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок.

2. ...

А в общем слишком много для директивы фюрера. Незаконность этой директивы недвусмысленно была признана германским верховным командованием. Это видно из того, что 27 августа 1941 года штаб Гитлера приказал уничтожить все экземпляры директивы, с тем чтобы она не попала в руки противника.

Каких-либо новых предписаний для войск относительно борьбы с партизанами на этом этапе не было. К несчастью для немцев, партизаны не нападали на их войска на передовой, исключая начальный период партизанской войны, а в тылу партизанские руководители не сидели дома сложа руки, дожидаясь, пока СД разберется в своих досье и будет готово арестовать их. Но прошло много времени, прежде чем немцы поняли, сколь ошибочными были их представления о партизанской войне. К тому же, как мы видели, партизаны в начале войны были не очень активны.

Но когда разгорелась партизанская война, партизаны стали наносить удары по самому больному месту немцев — их тылу, немецкий же тыл был невероятно слаб: личный состав эйнзатцгрупп СД в СССР насчитывал не более 4 тыс. человек, а силы нескольких дивизий, которые армия оставила в тылу и которые можно было бы использовать для борьбы против партизан, были чрезвычайно разбросаны по тыловым районам групп армий^{110}. [143] Но не следует думать, что партизаны наносили удары исключительно или преимущественно по тыловым районам, которые были закреплены за СД. Они действовали прежде всего в оперативных районах, то есть в районах, находившихся между районом деятельности СД и передним краем или фронтовой полосой, а за действия против партизан в этой части оперативных районов не отвечали ни СД, ни армия. Правда, находившаяся в этом районе армия обычно высылала карательные экспедиции против партизан, если они совершали на нее нападения, но специальных воинских частей для постоянной борьбы с партизанами она не выделяла. Немцы пытались ликвидировать угрозу со стороны партизан тремя путями: во-первых, они направляли в оперативный район часть отрядов СД, во-вторых, для борьбы с партизанами они выделяли воинские части и, в-третьих, как армия, так и СД прибегали к особенно жестоким методам борьбы с партизанами.

Третий пункт мы рассмотрим первым и по возможности обстоятельно, так как он касается и армии и СД. Чтобы оправдать более детальное фактическое рассмотрение этого вопроса, довольно важно обеспечить психологический подход к проблеме антипартизанских действий, тем более что здесь нам придется иметь дело с новыми фактами.

Ведение цивилизованной войны в последние годы связано с необходимостью соблюдения двух важных международных соглашений — Гаагской конвенции от 18 октября 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны и Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях^{111}. Что касается Женевской конвенции, то СССР декретом от 16 июня 1925 года присоединился к ней. Но, несмотря на то, что царская [144] Россия была участницей Гаагской конвенции, СССР не заявлял о своем присоединении к ней, а крупный русский специалист по международному праву Коровин сделал вывод, что вышеупомянутый декрет (от 16 июня 1925 г.) косвенно отвергает действительность других соглашений, подписанных дореволюционной Россией, включая и Гаагскую конвенцию.

Однако по причинам, лучше всего известным СССР, в августе 1941 года им было заявлено о присоединении к Гаагской и Женевской конвенциям с оговоркой, что советское правительство будет соблюдать эти конвенции только в случае, если они будут соблюдаться Германией^{112}. Странно, что его предложение не распространялось на третье важное международное соглашение — Женевскую конвенцию 1929 года об обращении с военнопленными.

Добавим, что правила Гаагской конвенции и Женевской конвенции об обращении с военнопленными признаются как общий международный закон и применяются независимо от того, является ли или нет одна из воюющих сторон участником конвенции. Международный военный трибунал также разделял эту точку зрения, и все международные судьи, включая и советского судью, были единодушны в их решениях^{113}. Почему же тогда Советская Россия не признала обе конвенции до войны? Почему она даже в 1941 году не стала участницей Гаагской конвенции? [145] Почему она в том же году заявила о своем желании придерживаться правил этой конвенции только с условием, что немцы сделают то же самое? Почему она исключает другую

конвенцию? Почему она практически никогда не придерживалась правил цивилизованной войны в борьбе с Германией?^{114} Ниже мы попытаемся ответить на эти вопросы.

В ходе войны Советская Россия никогда не выполняла на практике обещаний соблюдать Гаагскую и Женевскую конвенции. Вот еще одно ее обещание — постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 1 июля 1941 года, в котором, в частности, говорилось:

«Запрещается:

а) оскорблять военнопленных и жестоко обращаться с ними;

б) применять насилие и угрозы по отношению к военнопленным с целью получения от них информации о положении их страны в военном и других отношениях;

в) отбирать у военнопленных обмундирование, белье, сапоги, ботинки и другие предметы личного обихода, равно как личные документы, ордена или медали. Личные вещи и деньги могут с целью сохранения отбираться у военнопленных ответственными официальными лицами, которые обязаны выдавать им в том официальную расписку»^{115}.

А как же все обстояло на самом деле? Несмотря на все официальные и неофициальные попытки, родственники [146] свыше 1 млн. бывших военнослужащих германских вооруженных сил, сражавшихся на Восточном фронте, не могут получить каких-либо сведений об их судьбе. У военнопленных запрещается отбирать носовой платок, но вы можете лишить их свободы.

Нам хотелось бы привести здесь выдержки из русских документов, захваченных немцами, чтобы показать, с каким неуважением Советский Союз относился к признанным правилам ведения войны^{116}.

Нижеследующее донесение от 8 декабря 1941 года было составлено штабом 33-й советской армии. В нем говорится:

«100 пленных, захваченных 1-й «Г. М.» стрелковой дивизией, ввиду сложной обстановки были расстреляны по приказу комиссаров дивизии...

Начальник разведотдела

штаба 33-й армии капитан *Потапов*».

В захваченной немцами оперативной сводке №11, составленной 13 июля 1941 года штабом 26-й советской дивизии, говорится:

«Противник оставил на поле боя около 400 убитых; около 80 человек сдались в плен и были расстреляны».

В приводимой ниже выдержке из боевого приказа № 0086, отданного 2 декабря 1941 года начальником штаба приморской армии в Севастополе, говорится:

«Как правило, войсковые подразделения уничтожают пленных без допроса, не отправляя их в штаб дивизии.

Пленных можно расстреливать только в случае сопротивления или попытки к бегству.

Кроме того, широко практикуемый в настоящее время [147] расстрел пленных на месте захвата или в районе переднего края отбивает у солдат противника желание перейти на нашу сторону и вызывает страх и ужас перед перспективой попасть к нам в плен»^{117}.

Сборник германского Министерства иностранных дел содержит множество письменных показаний рядовых и генералов о зверствах, совершавшихся русскими против немецких

военнопленных. Слухи и рассказы об этих зверствах, по-видимому, распространились со сверхъестественной быстротой по всей немецкой армии и взывали к мщению, которое, во всяком случае, было уже более или менее санкционировано в директиве Гитлера^{118}.

И этот факт нам, вероятно, объяснит суть той юридической увертки, к которой прибегла Советская Россия в своем заявлении об отношении к Гаагской конвенции: своим обещанием она хотела создать впечатление, что справедливость на ее стороне. Но своими действиями она хотела побудить немецкого солдата к самой крайней жестокости, которая одна только могла разжечь и действительно разожгла пламя партизанской борьбы на всей оккупированной территории Советской России. Если ответ, который мы попытались дать на поставленные вопросы, правилен, тогда можно сказать, что Советам [148] удалось осуществить самое ловкое мероприятие, которое когда-либо знала психологическая война. Во всяком случае, на немецкого солдата это оказало сильное воздействие: во время первых четырех или пяти месяцев войны он, как мы видели, едва ли обращал внимание на партизан, несмотря на указания директивы «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и последовавших за ней других подобных приказов, с которыми мы сейчас познакомимся. Но начиная с зимы 1941/42 г. он проявлял полную безжалостность в борьбе с ними.

Первый из этих приказов был отдан 25 июля 1941 года главным командованием германских сухопутных войск и был посвящен вопросу об обращении с гражданскими лицами противника. «Стало известно, — говорится в нем, — что необходимая твердость не всегда применяется». «Всякая снисходительность и мягкость есть проявление слабости и чревато опасностью». «Нападения на объекты и людей и всякое насилие или попытки к насилию должны безжалостно подавляться силой оружия до полного уничтожения противника».

Вслед за этим приказом последовал приказ Рейхенау. Генерал-полковник Гальдер, являвшийся до 1942 года начальником германского генерального штаба, однажды сказал, что всякий уважающий себя генерал выбросил бы этот приказ в мусорную корзину. Этот приказ был отдан 10 октября 1941 года командующим 6-й армией фельдмаршалом фон Рейхенау. В той части приказа, которая посвящена партизанам, говорится следующее:

«Борьба против противника в прифронтовом тылу ведется еще недостаточно серьезно. Вероломных и жестоких партизан и дегенеративных женщин все еще продолжают брать в плен. С *франтирерами* и бродягами, одетыми в полувоенную форму или полностью в гражданское платье, возятся, как с порядочными солдатами... Если в тылу армии будут обнаружены отдельные партизаны, взявшиеся за оружие, против них будут применены жестокие меры. Они будут применяться также по отношению к той части мужского населения, которая могла бы предотвратить предполагавшиеся налеты или вовремя сообщить о них. Безразличие огромного большинства якобы антисоветски настроенных элементов, являющееся [149] результатом того, что они придерживаются принципа «поживем — увидим», должно смениться твердой решимостью активно сотрудничать в борьбе против большевизма. Если этого не произойдет, никто не сможет жаловаться, если его сочтут за сторонника советской системы и будут обращаться с ним соответствующим образом. Немецких репрессий они должны бояться больше, чем угроз со стороны все еще гуляющих на свободе уцелевших большевиков».

То, что этот приказ Рейхенау считали в то время образцовым, видно хотя бы из того, что фельдмаршал фон Рундштедт, старший начальник Рейхенау, разослал его всем командующим армиями, входившим в его группу армий, предлагая им «издать такие же инструкции. С беззаботным и мягким обращением с пойманными, — указывал он, — которое столь часто наблюдается после завершения боя, должно быть покончено».

Приказ Рейхенау был не последним приказом подобного рода, но уже ссылки на него вполне достаточно, чтобы показать, какой политики придерживалось немецкое командование. Действия немцев не расходились с приказами генералов. Партизаны, лица, подозревавшиеся в связях с партизанами, и невинные заложники расстреливались тысячами либо непосредственно СД и армией, либо СД, после того как они передавались ей армией. Ряд документов об этих зверствах, преимущественно официальных донесений немецких офицеров и чиновников, мы приведем ниже, когда будем говорить о действиях против партизан и причинах провала этих действий.

Выше мы уже говорили о том, к каким результатам привели применявшиеся немцами методы террора: партизанские отряды «росли, как грибы».

В связи с этим возникла особенно настоятельная потребность направить в оперативный район отряды СД и использовать там пополнения. В то же время назрела необходимость в изменении методов работы СД. Вместо «прочесывания» досье, или, говоря мягче, обеспечения безопасности методами контрразведки, она должна была организовывать прочесывание целых районов с целью вылавливания партизан и предотвращения партизанских налетов. Пополнения поступали из двух источников: [150] армии и полиции. Вполне понятно, что немецкое командование не желало отвлекать для этого первоклассные войска. Например, группа армий «Юг» использовала для этой цели румынские дивизии.

Кроме того, как говорится в приказе одной из дивизий, «в различных районах полиция безопасности создала полицию из местных жителей. Ее личный состав отбирается с величайшей осторожностью. Она выполняет обычные полицейские функции, неся патрульную и караульную службу... Вооружение — винтовка без патронов». Мимоходом мы можем заметить, что трудно представить себе, какую выгоду можно было извлечь из использования полиции, вооруженной винтовками без патронов. Во всяком случае, армия не могла выделить больше войск для борьбы против партизан, ибо все ее силы вели тяжелые бои с армиями противника. 11-я немецкая армия, например, в конце сентября 1941 года начала наступление на Крым, и к середине ноября он был почти полностью в руках немцев. 11-й армии все время приходилось сражаться с превосходящими силами противника; кроме того, 11-я армия должна была охранять все побережье протяженностью во много сот километров, на котором русские могли в любое время высадить десант, поскольку они полностью господствовали на Черном море, и они действительно предпринимали такие попытки. И в этот критический момент для борьбы против партизан в этом районе 11-й армии пришлось выделить не менее двух румынских горно-стрелковых бригад, кавалерийскую бригаду, один мотомеханизированный полк и несколько немецких подразделений. В то время армия и СД должны были действовать в одних и тех же районах, выполняя одни и те же задачи по борьбе с партизанами. Стало ясно, что необходимо было создать какой-то объединенный орган армии и СД, чтобы обеспечить необходимую координацию действий. И действительно, немцы вскоре создали такой объединенный орган. Поскольку борьба против партизан лучше всего была организована 11-й армией, мы опишем именно ее действия, которые представляют в этом отношении прекрасный образец.

Вначале между этой армией и СД был установлен некоторый контакт. Более того, было решено, что все [151] разведывательные донесения должны поступать в один центральный пункт. Совершенно очевидно, что самым подходящим органом для оценки этих донесений был аппарат начальника армейской контрразведки.

Поэтому было приказано, чтобы вся поступающая информация о партизанах немедленно направлялась к нему. Кроме того, было решено, что армия и СД будут действовать «в тесном контакте» друг с другом. Действия против мелких партизанских групп должны были проводиться под руководством СД, а широкие мероприятия — предприниматься по приказу командования армии. Предполагалось, что в соответствии с обстановкой выделяемые для этой цели войска будут достаточно оснащены тяжелым пехотным оружием и несколькими орудиями.

Эта форма организации явно была еще малоэффективной. «Тесный контакт» различных антипартизанских подразделений был недостаточен: их действия необходимо было подчинить централизованному руководству. Этот шаг был сделан 19 ноября 1941 года, когда начальник штаба 11-й армии назначил своего начальника контрразведки руководителем борьбы против партизан в полосе армии. Для разведки и проведения ограниченных действий в его распоряжение были переданы зондеркоманды тайной полевой полиции и СД. Все донесения и информация об обнаружении партизан должны были немедленно передаваться ему, к нему также надлежало

отсылать местных жителей, изъявивших желание вести разведку или служить в качестве проводников. Если точно устанавливалось, что в каком-то районе имеются большие партизанские отряды и центры сопротивления, он мог обратиться к командованию армии с просьбой выделить для их ликвидации необходимые войска.

Однако сведения о местонахождении, вооружении и численности партизан поступали с известным опозданием и потому теряли свою ценность для армии. Поэтому начальник штаба ввел систему вознаграждения для советских граждан, пожелавших сообщить какие-либо ценные сведения. В это время стало известно о существовании складов вооружения и продовольствия, но никто не знал об их точном местонахождении.

Беспокойство вызывал также тот факт, что после [152] окончания боевых действий в районах бывших боев осталось много различного оружия. Было очень важно принять меры к тому, чтобы оно не было подобрано и спрятано или использовано гражданскими лицами и особенно партизанами.

Поэтому начальник штаба установил следующие награды за собранное и сданное немцам оружие:

за 1 винтовку — 50 рублей;

за 1 ручной пулемет — 100 рублей;

за 1 станковый пулемет — 150 рублей.

Мы не можем сказать, где 11-я армия брала советские деньги и удалось ли ей овладеть рынком требовавшегося ей товара. Мы знаем только, что партизаны оказались более преуспевающими дельцами: они получали оружие бесплатно.

В разработке упомянутого выше приказа начальника штаба армии участвовали нижестоящие армейские штабы. Приказ предусматривал: во-первых, координацию через комендантов действий частей и подразделений армии и СД и, во-вторых, подчинение отрядов СД командованию армии во всех его инстанциях. В то же время давалась общая установка о том, что «все воинские части должны бороться с партизанами».

Для того чтобы понять необходимость создания какой-то организации для борьбы с партизанами, немцам понадобилось целых пять месяцев. За эти пять месяцев армия сумела полностью подчинить себе СД во всех оперативных вопросах, связанных с борьбой против партизан. За это время армия также научилась смотреть на борьбу с партизанами, как на свою повседневную обязанность. Если бы немцы проявили большую дальновидность, они с самого начала смогли бы добиться решающих успехов в устранении угрозы со стороны партизан. А если бы их действиями руководили здравый смысл и снисходительность, а не ненависть и страх, они могли бы добиться в борьбе с партизанами более значительных успехов.

Если мы не подготовим себя в психологическом и организационном отношении к борьбе против партизан, мы можем в будущем совершить те же ошибки, за которые так дорого заплатили немцы.

[153]

ГЛАВА VI. НЕМЕЦКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ С ПАРТИЗАНАМИ

Мы подошли к тому моменту, когда немцы поняли, что действия партизан начинают представлять серьезную угрозу и что для ее устранения, кроме предварительных мер, необходимо предпринять какие-то новые шаги. Нужно отдать должное в этом отношении командующему 11-й армией

Манштейну: он был первым немецким военачальником, принявшим практические и действенные меры.

Однако еще до его активного вмешательства главнокомандующий сухопутными силами фельдмаршал фон Браухич направил всем соединениям и частям вплоть до батальона «Директиву по борьбе с партизанами» от 25 октября 1941 года.

Эта директива была в какой-то степени предзнаменованием надвигающихся неприятных событий. Поэтому она не содержит никаких инструкций, основанных на действительном боевом опыте. Фактически в ней говорится лишь об обычных мерах безопасности, в особенности о выявлении всех беженцев и в первую очередь советских солдат, оставших от своих частей. В директиве также особенно подчеркивалась необходимость привлечения органов контрразведки к участию в предстоящих операциях против партизан.

Но в общем все же создавалось впечатление, что высшее командование тогда твердо придерживалось своих первоначальных взглядов на борьбу с советскими диверсантами и партизанами.

Однако Манштейн, очевидно, не был удовлетворен уже предпринятыми его войсками мерами по ликвидации угрозы со стороны партизан. [154]

С целью развертывания борьбы с партизанами он принял решение реорганизовать свой штаб и поставить во главе этой работы вместо начальника разведки офицера оперативного отдела. На заседании военного трибунала защитник Манштейна доктор Лятернсер задал ему вопрос, с какой целью он создал штаб по борьбе с партизанами. Он ответил: «Для руководства борьбой против партизан необходимо было иметь какой-то центр, чтобы наиболее полно использовать получаемую нами информацию и координировать наши действия, как, несомненно, имели свой секретный руководящий центр и партизаны». Этот ответ весьма многозначителен, ибо заявление Манштейна о том, что он следовал примеру партизан, явилось высокой похвалой в их адрес.

29 ноября 1941 года Манштейн отдал «Приказ по армии об организации и методах борьбы с партизанами». Майор Стефанус, офицер генерального штаба из оперативного отдела, заменил начальника контрразведки на посту руководителя борьбы против партизан и, как мы увидим ниже, получил весьма широкие полномочия. Приказ гласит:

«1. Ликвидировать уже обнаруженные многочисленные партизанские отряды, не допустить образования новых вооруженных отрядов и таким образом обеспечить безопасность тыловых коммуникаций. Решение этих задач является важным предварительным условием окончательной оккупации Крыма и очистки его от противника. Выполнение этих задач возложить на части и соединения 11-й армии, особенно на ее тыловые и резервные части.

2. Ответственность за выполнение этой боевой задачи на уже выделенных участках будут и впредь нести штабы корпусов и управление тыла армии.

3. С той целью, чтобы обеспечить в армейском районе (весь Крым) единообразие методов получения сведений о действиях партизан и содействовать частям и соединениям армии в выполнении возложенных на них задач, при штабе армии создан штаб по борьбе с партизанами во главе с майором генерального штаба Стефанусом. Место расположения штаба — город Симферополь. Штаб [155] по борьбе с партизанами непосредственно подчинен штабу армии.

4. Задачи штаба:

а) в тесном сотрудничестве с начальником контрразведки (майор Ризен) собирать сведения о действиях партизан в армейском районе. Свои донесения о действиях партизан все штабы будут немедленно направлять непосредственно в штаб по борьбе с партизанами; в каждом случае эти донесения должны содержать сведения о месте и времени действий партизан, их численности, принятых контрмерах и их результатах, при этом в них следует указывать, какие другие органы были поставлены об этом в известность;

б) проводить действия против партизан в пределах указанных участков, если только проведение этих действий не входит в рамки общих задач по обеспечению безопасности, которые решают командования корпусов или армии; для проведения таких действий, если они окажутся необходимыми, может быть использовано подразделение подполковника Эверта. Наряду с этим борьба с партизанами остается одной из основных задач оперативного отдела;

в) создавать надлежущую организацию по борьбе с партизанами из надежных местных жителей и тайных агентов;

г) организовывать непосредственное взаимодействие штабов, корпусов и дивизий в тех случаях, когда возникает необходимость проведения действий на стыках их участков;

д) готовить и проводить в армии пропагандистские мероприятия против партизан.

5. В случае крайней необходимости, когда не предусматривается проведения мероприятий крупного масштаба, майор Стефанус может отдавать приказы от моего имени. По всем вопросам, касающимся борьбы с партизанами, он будет поддерживать непосредственную связь с разведотделами штабов корпусов и дивизий.

6. Всем штабам оказывать всемерную поддержку штабу по борьбе с партизанами, а также используемым им зондеркомандам и армейским подразделениям, предоставляя в их распоряжение необходимые резервы и [156] вооружение. Заместителю начальника тыла армии в связи с этим даны специальные указания.

7. Все части и подразделения армии по-прежнему должны принимать меры защиты от налетов партизан, немедленно атаковать и уничтожать мелкие партизанские отряды, обнаруженные вблизи расположения войсковых частей. В горах отряды и автоколонны (езда на одиночных машинах не разрешается!) должны всегда находиться в состоянии полной боевой готовности (пулеметы, установленные на грузовиках, должны быть готовы в любой момент открыть огонь). На особо опасных дорогах контрольно-пропускные пункты должны задерживать одиночные машины или же вовсе закрывать движение. На контрольно-пропускных пунктах необходимо создавать моторизованные эскорты и под их охраной обеспечивать прохождение машин в опасных зонах. О всех закрытых дорогах и о дорогах, передвижение по которым возможно только в составе конвоев, немедленно доносить.

Мы часто несем ничем не оправдываемые потери уже после захвата партизанских укрытий или оставленных ими складов боеприпасов и продовольствия в силу того, что прикрывающие отряды отводятся слишком рано, либо в силу того, что слишком быстро отменяются другие меры предосторожности.

8. Следует иметь в виду, что уже были случаи, когда партизаны появлялись переодетыми в немецкую форму или же в женское платье.

9. Штабы корпусов должны сообщить, какое количество солдат со знанием русского языка может быть выделено ими в распоряжение штаба по борьбе с партизанами. Порядок выполнения этого указания будет сообщен дополнительно. От каждой дивизии необходимо выделить по крайней мере двух солдат.

Манштейн».

Майор Стефанус был непосредственно подчинен Манштейну через начальника штаба, к которому он ежедневно являлся на доклад. Поскольку штаб Стефануса выполнял чисто оперативные функции, он состоял только из трех офицеров: самого Стефануса, его заместителя лейтенанта и офицера-связиста, который отвечал за все телефонные [157] переговоры и переписку. Штаб Стефануса, как мы уже видели, находился в Симферополе. Как ни странно, но все его телефонные разговоры велись через городскую центральную телефонную станцию. Пользоваться такой связью при выполнении столь ответственного задания было далеко не безопасно, и, несомненно, партизаны использовали возможность подслушивания.

Главная задача штаба состояла в том, чтобы выполнять функции планирующего и координирующего органа по борьбе с партизанами. Что касается организации взаимодействия, то штаб по борьбе с партизанами должен был:

- 1) собирать и обрабатывать все сведения и донесения, касающиеся деятельности партизан и борьбы с ними;
- 2) передавать в оперативный отдел штаба армии все сведения, представляющие определенный интерес;
- 3) рекомендовать мероприятия, которые должен предпринимать штаб армии;
- 4) постоянно информировать о деятельности партизан все штабы и войска, находящиеся в Крыму, предупреждая их в своих сводках о повреждениях дорог и т. п., а также о районах сосредоточения партизан;
- 5) обеспечение действий против партизан боеприпасами и горючим осуществлять непосредственно через службу тыла.

Донесения частей и различных органов о действиях партизан непрерывно поступали из всех районов Крыма. В каждом таком донесении содержалось описание какого-либо эпизода — иногда волнующего, иногда же ничем не примечательного: все зависело от автора донесения. Для Гергарта Шнайдера — военного корреспондента эсэсовской газеты — охота за партизанами была рискованным и увлекательным предприятием. Это и понятно: он ведь был газетчиком. Вот что он рассказывает в одной из своих корреспонденции:

«Мы (полиция безопасности и СД) расположились в пункте С. Командир боевой группы сообщил нам по телефону, что у него находится староста населенного пункта Л, который рассказал ему, что в деревню днем и ночью врываются партизаны, уводят скот и принуждают подростков уходить с ними. Партизаны угрожали [158] старосте, что они его повесят... Обсудив положение с командиром боевой группы, решили, что необходимы немедленные действия, и тут же в наше распоряжение из группы было выделено пятьдесят человек».

По пути этот отряд захватил двух партизан, которые сообщили, что в лесу скрывается несколько сот хорошо вооруженных партизан. Эсэсовский корреспондент далее продолжает:

«Итак, в лесу, всего лишь в трех километрах от опушки, в покинутом домике лесника, находился партизанский штаб, который занимался вербовкой в партизанский отряд местных жителей. Этот штаб хорошо охранялся часовыми. Было ясно, что нам не удастся пробиться сквозь двадцатикилометровую чащу леса, и командир принял решение ограничиться разведкой, чтобы получить сведения, необходимые для последующей операции по уничтожению партизан...

Поскольку нам предстояло углубиться в лес на три километра, мы выделили небольшой авангард. Основная часть отряда, следуя на некотором удалении от нас, должна была обеспечить наш тыл вплоть до опушки и тем предотвратить возможность нашего окружения... Мы продвигались около получаса, ведя круговое наблюдение. Подлесок был почти непроходим, так что видимость была ограничена всего лишь несколькими метрами. Затем вдруг появился небольшой просвет, и впереди в 20 метрах мы увидели деревянный дом. И тут же на нас обрушился настоящий шквал огня, вынудив нас немедленно залечь. Партизаны вели по отряду огонь из пулеметов и автоматов. Вероятно, большевистские дозорные уже давно нас обнаружили, отошли и подняли тревогу. И хотя над нами свистели пули, мы отстреливались из автоматов и винтовок. Теперь мы могли установить, что из окон дома вели огонь три пулемета. Около дома и на противоположной стороне поляны залегли их снайперы. Было совершенно очевидно, что противник численно превосходил нас, и тем не менее был отдан приказ обойти партизан с флангов и окружить дом.

Вслед за тем мы швырнули в окна дома несколько ручных гранат и заставили пулеметы замолчать. Когда партизаны догадались о нашем намерении окружить дом, [159] они оставили его и около 20 человек под прикрытием огня с опушки леса отошли от дома и, прежде чем мы успели открыть по ним огонь, скрылись в густом лесу.

Врываемся в дом. Здесь мы обнаруживаем одного убитого партизана, поспешно брошенные пулеметы и целую груду ручных гранат, патронов, керосин и т. д. Задача выполнена.

Затем наступает день проведения основной операции. Используя данные разведки и агентуры, мы во взаимодействии с войсковой частью окружаем лес и подвергаем его систематическому прочесыванию. После неоднократных стычек мы выбиваем из укрытий более 150 хорошо вооруженных партизан, которые местами оказывают нам отчаянное сопротивление, и захватываем их в плен. Таким образом, в результате небольшой обычной операции мы обезопасили еще один крохотный район в огромнейшей стране»{119}.

Донесения военнослужащих, лично принимавших участие в борьбе с партизанами, носят более официальный характер, и тем не менее они довольно красочны. Вот, например, донесение лейтенанта из роты самокатчиков:

«После того как русские потрепали наш передовой отряд, я и еще один офицер с людьми пробирались через горы в Шуры. На нашем пути мы впервые встретились с группой партизан из 14 человек, одетых в гражданское платье и вооруженных автоматами. Несколько километров они преследовали нас с ищейкой, но нам удалось ускользнуть. Однако позже мы натолкнулись на партизанский дозор, вооруженный пулеметами и минометами. В бою наша группа потеряла двух солдат, но все же и на этот раз нам удалось уйти. Пока наша группа проходила долину Марта, мы видели, как по хорошей дороге проходили грузовики, как временами появлялись группы партизанских всадников и парных дозорных, и слышали стрельбу из орудий, доносившуюся со стороны Бияссала».

Но какими бесцветными становились эти донесения [160] после того, как они проходили через штаб полка, бригады, дивизии и штаб по борьбе с партизанами.

Вот, например, начало донесения № 9, составленного штабом по борьбе с партизанами:

«Предмет: Партизанское движение.

Результаты{120}

К пункту 1а. Захвачено два партизана.

« 1б. Разгромлена группа партизан. Расстреляны один мужчина и одна женщина.

« 1в. Убито два партизана.

« 1г. Расстреляно два партизана.

« 1д. Расстреляно два партизана, и один партизан захвачен.

К параграфу 4. Разгромлена группа партизан. Один партизан захвачен. Захвачено еще 15 партизан и задержано несколько подозрительных гражданских лиц...

« 5. Захвачено два партизана».

«I. Штаб 50-й пехотной дивизии 21 ноября 1941 года доносит следующее:

а) 18 ноября грузовик 150-го истребительно-противотанкового отряда был забросан ручными гранатами. Из пяти человек, находившихся в грузовике, один убит и двое ранены. Двое других, оставшиеся невредимыми, сумели не только отнести раненых в безопасное место, но даже захватить двух партизан, которых они передали СД;

б) 17 и 18 ноября 150-й истребительно-противотанковый отряд близ одной фермы разгромил группу партизан... расстреляны один мужчина и женщина;

в) 19 ноября жители Эви Сала сообщили расквартированному там аварийному отряду капрала Бормана о том, что в деревне находятся партизаны; во время облавы, проведенной под руководством энергичного капрала [161] его немногочисленным отрядом, двое русских, оказавших сопротивление, были убиты. На одном из них под русской солдатской шинелью оказалась хлопчатобумажная немецкая форма...»

И так далее и тому подобное. Кипы этих сводок еженедельно направлялись в оперативный отдел. Несколько реже Стефанус посылал общие сводки о результатах действий против партизан. Такие сводки содержали сведения о месте происшедших боев и о потерях обеих сторон.

5 декабря 1941 года Манштейн направил своему старшему начальнику — главнокомандующему группой армий «Юг» — доклад об организации борьбы с партизанами и достигнутых в этом успехах. В докладе говорится:

«Для ликвидации этой опасности (в Крыму, по нашим сведениям, имеется 8 тыс. партизан) нами были приняты решительные меры; иногда для борьбы с партизанами приходилось отвлекать войска (sic!).

В данное время в действиях против партизан принимают участие:

а) штаб по борьбе с партизанами (майор Стефанус); в его задачу входят сбор информации и представление рекомендаций о проведении необходимых мероприятий;

б) румынский горно-стрелковый корпус с 8-й кавалерийской и 4-й горно-стрелковой бригадами;

в) 24-й, 52-й и 240-й истребительно-противотанковые дивизионы;

г) на участке 30-го корпуса: румынский моторизованный кавалерийский полк и подразделения 1-й горнострелковой бригады;

д) в Керченских рудниках: саперный батальон и подразделения пехотных полков 46-й пехотной дивизии;

е) на различных горных дорогах выставляются кордоны и используются эскортные команды.

К настоящему времени достигнуты следующие результаты: ликвидировано 19 партизанских лагерей, уничтожено 640 и взято в плен 522 партизана, захвачено или уничтожено большое количество вооружения, снаряжения и боеприпасов (в том числе 75 минометов, 25 пулеметов, 20 легковых и большое количество грузовых [162] автомобилей, 12 складов снаряжения и боеприпасов), а также скот, горюче-смазочные материалы и две радиоустановки».

Приведенное донесение интересно в одном отношении: оно показывает, что в районе только одной 11-й против партизан приходилось использовать войска силами не менее одного корпуса, и совершенно естественно, что немцам «иногда для борьбы с партизанами приходилось отвлекать войска», иными словами, им приходилось постоянно перебрасывать свои силы с места на место. И это происходило в то время, когда партизанское движение еще далеко не достигло полного размаха.

К середине декабря 1941 года Стефанус собрал и обработал всю имевшуюся у него информацию о боевых действиях против партизан.

В результате на свет появилась пространная памятка-приказ, которая ставила своей целью унифицировать действия, предпринимаемые против гражданского населения и захваченных партизан, а также разработать методы захвата их опорных пунктов. Чтобы удовлетворить запросы наших военных читателей, мы приведем текст этой памятки, поскольку считаем, что она вполне заслуживает сравнения с директивой главного командования сухопутных войск, изданной в 1944 году и обобщающей трехлетний боевой опыт. С нею мы познакомим читателя позже^{121}.

Ниже мы помещаем часть текста «Памятки об использовании войск против партизан», подписанной Стефанусом 15 декабря 1941 года: I. 1...

2... *Население должно бояться наших репрессий больше, чем партизан.*

Создание в некоторых деревнях полиции себя оправдало. Уничтожение партизанами личного состава полиции показывает, насколько им не нравится этот институт. *Именно поэтому численность полиции должна быть увеличена.* [163]

Следует выдавать щедрое денежное и материальное *вознаграждение* достойным сотрудникам полиции, проводникам-добровольцам, а также любым другим гражданским лицам, сообщаящим важные сведения о партизанах.

Нужно неустанно разъяснять населению, что никто не сможет вернуть им имущество, отобранное у них партизанами, и что немецкие войска ведут борьбу с партизанами исключительно в интересах безопасности населения (sic!).

II. 1...

2. Особенно ценным оказался опыт боевых действий *против партизан в Крыму*. Он отражен в памятке, изданной одним из армейских корпусов.

Весь накопленный нами опыт, изложенный отчасти и в этой памятке, обобщен с учетом существующих в Крыму условий в инструкции «Принципы борьбы с партизанами».

III. 1. *Боевые действия против партизан* обычно проводятся тремя этапами:

- а) сбор сведений;
- б) наступление и уничтожение партизанских опорных пунктов;
- в) организация охранения.

Значение каждого из этих трех этапов может *изменяться* в зависимости от численности партизанских отрядов, против которых ведутся боевые действия, характера местности *в районе боя и в прилегающих районах* и от численности наших собственных войск.

Важную роль играют также метеорологические условия.

Успеха в *борьбе против партизан, действующих в горной местности*, можно добиться только нанесением концентрического удара по партизанскому лагерю, *расположение которого заблаговременно установлено разведкой*.

На ровной местности (в лесу или степи) можно было бы рекомендовать очищать от партизан целые районы путем создания «мешков» и высылки дозоров.

2. Источниками получения *разведывательных данных* могут быть: [164]

- а) тайные агенты и переодетые в гражданское платье солдаты, знающие русский язык. Цель: получение сведений от населения;
- б) заявления населения;
- в) сведения, получаемые от партизан-перебежчиков;
- г) сведения, получаемые от родственников партизан;
- д) документы, карты и т. п., захваченные в боях с партизанами;
- е) сведения о налетах партизан.

Особую ценность представляют сведения, получаемые от лиц, принимавших участие в создании складов продовольствия и боеприпасов. Если принять необходимые меры предосторожности, то в большинстве случаев такие лица могут быть использованы в качестве проводников.

Наземная разведка и изучение карт должны обеспечить дополнительные сведения. Во всех случаях разведка и наблюдение должны производиться достаточно *скрытно*, чтобы партизаны не обнаружили, что за ними следят, и не покинули свой лагерь.

Отряды, ведущие разведку боем, должны быть достаточно сильными, чтобы не ограничиваться одной перестрелкой, действовать энергично и быть готовыми в любую минуту перейти в атаку.

У партизан никогда не должно создаваться впечатление, что они разбили противника.

В разведку солдат следует отбирать с учетом их прежней профессии (лесников, полицейских, пастухов), которая позволяет им хорошо ориентироваться в любой местности и поэтому принимать правильные решения. Такую разведку лучше всего можно сравнить с детской игрой в индейцев или с игрой в полицейских и разбойников. Любители охоты всех званий представляют в этом отношении особую ценность. Добытые разведкой сведения должны быть переданы офицеру, ответственному за проведение операции, чтобы он мог составить представление о характере местности, численности противника, возможностях организации обороны и выхода из боя.

3. Наступление на партизанские лагеря и их уничтожение. [165]

К наступлению надлежит тщательно подготовиться. Нужно обеспечить себя необходимым альпинистским снаряжением (рюкзак, компасы, бинокли и т. д.). Каждый солдат должен иметь при себе сухой паек (шоколад, сухари и т. д.). Следует выделить людей для переноски боеприпасов и продовольствия. Каждый солдат должен быть вооружен легким стрелковым оружием и гранатами. Необходимо также выделить санитаров.

В каждом отдельном случае поблизости от места предстоящих действий нужно создать склад боеприпасов, расположение которого должно быть известно всем солдатам. Он должен являться одновременно командным пунктом и базой снабжения на протяжении всей операции. Здесь же следует иметь средства первой помощи.

Чем тщательнее подготовка, тем вероятнее успех. Следует различать два вида наступления:

а) Когда возможна глубокая войсковая разведка. В этом случае наступление должно быть концентрическим: лагерь надо либо атаковать сразу со всех сторон (следует скрытно продвигаться под прикрытием кустарников и т. п., избегая тропинок вблизи расположения противника), либо сначала заблокировать все выходы, а затем под прикрытием огня стрелкового оружия и артиллерии силами крупного отряда продвигаться к лагерю. Партизанские опорные пункты обычно имеют лишь один подход, который можно легко оборонять даже при недостатке оружия. В подобных случаях особый эффект обеспечивает применение минометов, полевой, противотанковой и горной артиллерии.

б) Когда глубокая разведка невозможна (недостаток времени, непроходимая местность и т. д.). В этом случае успешным может быть только фронтальное наступление. К нему следует прибегать особенно тогда, когда от войскового подразделения или части получено донесение о том, что партизаны перешли в наступление, а также когда представляется возможность немедленно достаточными силами контратаковать партизан или же начать их преследование.

в) В обоих случаях войска во время продвижения должны использовать все возможные средства маскировки. [166] Выход на исходные позиции предпочтительно совершать ночью или на заре. Выступать днем накануне, проводить ночь на подготовленных позициях, с тем чтобы атаковать утром следующего дня, нежелательно. В условиях горной местности всегда существует опасность, что партизаны могут просочиться через линию атакующих войск.

4. Цель боя.

Во всех случаях целью боя является уничтожение партизан и их убежищ, складов продовольствия, боеприпасов и оружия.

Во всех случаях в ближайшие же дни после боя необходимо провести разведку на месте проведенного боя, так как в результате такой разведки можно часто собрать ценные сведения. Как правило, партизаны вновь возвращаются к своим разрушенным лагерям, с тем, чтобы выяснить, не остались ли отдельные укрытия не замеченными нами.

Они возвращаются в свои прежние лагеря также и потому, что считают их теперь особенно безопасными. Или же они стараются перенести свои склады в наиболее безопасные места.

5. Меры по охранению.

С целью обеспечения во время боевых действий безопасности движения все виды оружия с момента выступления и до возвращения в расположение своей части должны находиться в состоянии боевой готовности.

При приближении к лагерям и отходе от них нужно использовать метод круговой обороны. Партизаны часто позволяют разрушить свои лагеря и укрытия лишь для того, чтобы потом напасть на возвращающиеся войска из засады. Каждый солдат, принимающий участие в бою, должен заранее знать:

цели боя;

собственную задачу в этом бою;

что делать в случае внезапного нападения;

как действовать в случае, если он будет отрезан от своего подразделения, ранен или захвачен в плен.

В партизанской войне не существует ни фронта, ни тыла. Весь личный состав должен быть вооружен оружием ближнего боя. [167]

Водители машин, используемых в качестве командных пунктов, должны располагать свои машины так, чтобы обезопасить их со всех сторон от поражения огнем стрелкового оружия. Места стоянок грузовых автомобилей нужно выбирать с особой тщательностью.

Каждый солдат должен быть готов к возможным «сюрпризам» (засадам и т. п.). Жилища партизан, их продовольственные склады и т. п. обычно выглядят безобидно и хорошо замаскированы.

Даже в том случае, если партизан и их продовольственные склады обнаружить не удалось, все отдельные дома и укрытия, которые партизаны могли бы использовать, должны быть полностью разрушены.

При подходе наших сил к району боевых действий или при отходе от него все подозрительные «гражданские» лица, оказавшиеся поблизости, подлежат аресту и обыску. Их не следует освобождать до того, как бой будет завершен и они докажут свою непричастность к партизанам. При малейшем подозрении этих людей следует уводить с собой и передавать в ближайший участок тайной полевой полиции, обязательно сообщая подробные сведения о месте, времени и всех обстоятельствах их задержания.

6. Каждый солдат должен сознавать, что он воюет с особенно опасным и хорошо подготовленным врагом; в борьбе с ним необходимо применять все имеющееся оружие и проявлять крайнюю жестокость.

Проявлять к врагу неуместную жалость — значит только ставить под угрозу жизнь наших людей.

Было бы неправильно в действиях против партизан применять обычные методы ведения войны. Ранее приобретенный опыт имеет лишь общее значение; каждое отдельное мероприятие отличается от всех предыдущих.

Наступление — самое важное преимущество.

7. Связь.

Использование всех средств связи облегчает выполнение боевой задачи и в значительной степени способствует успеху боя. Если наступление на лагерь ведется со всех направлений, главным средством связи обычно является переносная радиостанция. В обстановке, когда уже достигнуты заранее намеченные рубежи, себя оправдало [168] также применение ракет. Недостаток этого вида связи заключается в том, что подача сигналов ракетами служит предупреждением также и для партизан, поэтому ими следует пользоваться только тогда, когда партизанский лагерь полностью окружен.

При проведении боев крупного масштаба для передачи штабу сведений о расположении различных отрядов может использоваться и авиация. Такие сведения могут передаваться по радио или же путем сбрасывания вымпелов. Авиаразведка, особенно в лесных и горных районах, будет успешной только в период проведения действий в хорошую погоду, которая необходима для полетов на небольшой высоте. Разведывательные самолеты могут доставлять важные сведения о расположении партизанских лагерей, обнаруживая в ненаселенных районах тропы и дым.

8. Обращение с партизанами.

а) Партизан, захваченных в бою, прежде всего следует допросить, а затем расстрелять (бывших военнослужащих Красной Армии) или повесить (гражданских лиц).

б) Захваченные партизаны все без исключения должны быть повешены. К повешенным следует прикреплять табличку с надписью: «Этот партизан *не* сдался!»

На этом мы заканчиваем цитирование памятки Стефануса. Организация борьбы с партизанами в 11-й армии стала в то время образцом для других армий, и в том, что эта организация выдержала испытание, не может быть сомнения. Вот что говорится в докладе начальника управления полевой полиции при верховном командовании германских вооруженных сил, датированном 31 июля 1942 года.

«...Усиленные отряды полевой полиции во взаимодействии с войсковыми подразделениями успешно атаковали даже крупные партизанские отряды».

Особенно успешно это взаимодействие осуществлялось в Крыму. Здесь под руководством специального штаба по борьбе с партизанами, созданного 11-й армией, уничтожены тысячи партизан, занимавших сильно укрепленные оборонительные позиции». Далее следует длинный список захваченного у партизан имущества, начиная от 105-мм пушки до лошадей, крупного рогатого скота и овец. [169]

В заключение в докладе говорится следующее: «Основной вывод из опыта боевых действий, проводившихся в широких масштабах, заключается в следующем: войска должны быть *максимально подвижными*, должна быть создана эффективная разведывательная организация». Это был еще один урок, который извлекли немцы из борьбы с партизанами.

На этом мы заканчиваем рассмотрение организации борьбы с партизанами в 11-й армии. Все другие армии также создавали в рамках требований директивы главного командования сухопутных сил свои подразделения по борьбе с партизанами, сообразуясь со своими потребностями и взглядами на эту проблему.

17-я армия, также входившая в группу армий «Юг», создала «Организацию разведки и борьбы с партизанами», состоявшую из начальника разведки армии, одного штабного офицера полкового звена и одного офицера городской полиции. В корпусах, в управлении тыла этой армии, в дивизиях и полках имелись подразделения по борьбе с партизанами.

В группе армий «Центр» были созданы так называемые «вооруженные деревни». Всего насчитывалось 60 таких «опорных пунктов». Цель заключалась в том, чтобы объединить их в своеобразные укрепленные районы, которые могли бы поддерживать друг друга, опираясь на помощь немецких охранных и тыловых частей, расположенных в сельских районах.

В группе армий «Север» во всех соединениях были организованы подразделения по борьбе с партизанами. Каждое такое подразделение насчитывало до 100 человек. Наиболее эффективными из всех небольших подвижных подразделений оказались ягдкоманды — отряды по охоте за партизанами. Они создавались во всех районах, где действовали партизаны. Мы будем говорить о ягдкомандах несколько позже, когда познакомимся с наставлением по борьбе с партизанами, разработанным верховным командованием вооруженных сил Германии в 1944 году. Пока же, поскольку ягдкоманды сыграли большую роль в борьбе с партизанами, мы приведем текст специальной инструкции, изданной главным командованием сухопутных войск в конце августа 1942 года. [170]

Специальная инструкция о ягдкомандах.

«Для борьбы с партизанами, помимо крупных частей, следует использовать также мелкие, хорошо оснащенные и вооруженные отряды — ягдкоманды, — которые должны выполнять небольшие, но важные боевые задачи.

1. Начальники тыловых районов армий, каждый командир охранной дивизии и любой другой дивизии, действующей в районах, где существует опасность нападения партизан, должны немедленно создавать ягдкоманды.

Состав: один офицер — командир команды; до четырех отделений. В каждом отделении необходимо иметь одного местного жителя (в гражданском платье), зарекомендовавшего себя в борьбе с партизанами, которого использовать для проведения разведки.

Для перевозки продовольствия в каждом отделении следует иметь одну-две лошади местной породы.

2. Ягдкомандам специально выделяется самое лучшее оружие. Каждое отделение должно иметь по крайней мере один легкий пулемет, одну-две русские полуавтоматические винтовки с оптическими прицелами, два автоматических карабина, две ракетницы, по четыре гранаты на каждого солдата и взрывчатку.

3. Подготовка личного состава должна проводиться специально выделенными командирами. Личный состав отделений по возможности необходимо освобождают от несения караульной службы и хозяйственных нарядов, с тем чтобы в основном он мог сосредоточить свои усилия на борьбе с партизанами, применяя весь накопленный в этом деле боевой опыт.

4. При проведении боевых действий рекомендуется пользоваться прилагаемой при сем памяткой, составленной на основе уже накопленного опыта, а также на данных изучения захваченных у противника документов.

5. Необходимо обеспечить высокую мобильность ягд-команд в зимний период. С этой целью следует привести в полный порядок лыжи, сани-волокуши, маскировочные средства и зимнее обмундирование. Командиры и солдаты ягдкоманд подбираются с учетом их подготовленности к действиям в таких условиях».

В «Памятке для ягдкоманд», о которой упоминалось в пункте 4, говорится: [171]

«1. В районы боевых действий ягдкоманды должны направляться ночью в пешем строю, с тем чтобы исключить возможность предательства или предупреждения врага о своем появлении.

Днем они должны скрываться в лесу, в стороне от деревень, чтобы местные жители не смогли заметить ни самих ягдкоманд, ни их дозоров.

2. По прибытии в район боевых действий отряд должен действовать точно так же, как и партизаны, а именно:

а) после тщательной разведки местности следует устроить засады и ловушки в местах возможного появления противника, например у деревянных мостов, которые он обычно стремится сжечь, на опушке леса и близ деревни, которая, по сведениям местных жителей, является продовольственной базой партизан;

б) ягдкоманды должны уничтожать партизан, попавших в засаду, но не вступать в бой с превосходящими силами противника. В последнем случае надлежит немедленно доложить об этом вышестоящему начальнику, с тем, чтобы были предприняты действия более крупного масштаба; до прибытия войск, выделенных для выполнения этой задачи, ягдкоманда остается на своих позициях и действует как разведывательный отряд;

в) организация засад может оправдать себя только в том случае, если личный состав ягдкоманды проявляет большую настойчивость и выдержку. Иногда бывает необходимо несколько суток подряд сидеть в засаде и терпеливо ждать появления врага;

г) если засада случайно обнаружена местными жителями и возможность внезапного нападения утрачена, место, выбранное для засады, следует немедленно оставить, если не удастся бесшумно ликвидировать этих нежелательных свидетелей;

д) после успешного рейда ягдкоманда не должна оставаться в том же районе: ей следует перейти в другой район и приступить к выполнению новой боевой задачи.

3. Везде, где это только возможно, ягдкоманды должны быть снабжены радиопередатчиками. Для дальней связи может возникнуть необходимость в использовании также радиорелейных станций. [172]
4. Боевые действия ягдкоманд исключают спешку; они требуют много времени.
5. В период преследования партизан ягдкоманде не следует производить каких-либо реквизиций или брать с собой походную кухню. Ей необходимо иметь сухой паек на 14 суток, в который должны входить консервированное мясо, кофе или чай, шоколад, табак и хлеб.
6. После успешного завершения рейда ягдкоманда возвращается в казармы для отдыха. Здесь личному составу ягдкоманд нужно обеспечить хорошее питание, а также привилегии в получении товаров из военных лавок.
7. Перед выходом на новое боевое задание личный состав ягдкоманды опять проходит специальную подготовку. Особое внимание следует обращать на стрелковую подготовку и метание гранат. Солдаты, на вооружении которых находятся пулеметы и автоматические карабины, должны тренироваться в поражении целей с ходу.
8. Подготовка к действиям в зимних условиях должна начинаться с первыми снегопадами.
9. Личный состав ягдкоманды необходимо систематически знакомить с опытом других подразделений и данными разведки.
10. Быть в составе ягдкоманды — большая честь».

На этом мы пока закончим ознакомление с ягдкомандами. Выше уже говорилось о структуре и задачах органов и формирований, созданных немцами для борьбы с партизанами. Теперь следует также сказать о роли, которую сыграли в борьбе с партизанами завербованные немцами советские граждане.

Из приказа командира 22-й дивизии от 7 октября 1941 года мы узнаем о том, что в деревнях была создана полиция, вооруженная винтовками без патронов. Для борьбы с партизанами немцы постепенно стали привлекать также татар, которые всегда враждебно относились к большевистскому режиму. Были сформированы так называемые татарские отряды самообороны, которые оказали немцам большую помощь.

Манштейн в своем показании, которое он дал доктору Лятернсеру на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге, так отзывался об этих отрядах: [173]

«В борьбе с партизанами у нас было много помощников. В горах Яйла в Крыму есть... недоступные места, где скрывались партизаны. Но мы не могли до них добраться, так как у нас не было подготовленных для этого войск. Единственное, что мы могли предпринять, это попытаться заморить партизан голодом, не давая им возможности совершать налеты на татарские деревни и пополнять свои запасы продовольствия.

С этой целью мы вооружили татар, чтобы с нашей точки зрения сделать их деревни надежными. В этом нам помогли органы СД. Татары действовали вместе с нами при поисках складов продовольствия партизан. Мы были вынуждены так поступать, ибо у нас не было свободных немецких войск»{122}.

В приказе начальника тыла 11-й армии, отданном в январе 1942 года и озаглавленном «Временные правила довольствия татар, входящих в состав немецких частей», говорится:

«...Для борьбы с партизанами органы СД формируют татарские роты самообороны по 100 человек в каждой в следующих пунктах: в Карасубазаре, Бахчисарае, Симферополе, Ялте{123}, Алуште, Судаке, Старом Крыму и Евпатории». Органы СД создали 16 таких рот».

Немцами было создано даже пять казачьих отрядов. Но, как утверждает генерал-полковник Рейнгардт, на эти отряды нельзя было слишком полагаться, так как, по его словам, в 1943 году один из таких отрядов взбунтовался и перебил всех немецких унтер-офицеров. После этого казачьи отряды были поспешно расформированы.

Генерал Франц фон Роке создал местный вооруженный полицейский отряд для защиты гражданского населения, назвав его местным боевым отрядом. Другой отряд из местного населения назывался крестьянским отрядом самообороны. Сообщалось, что в одном бою это подразделение уничтожило 137 партизан, потеряв при этом всего лишь 5 человек.

Полиция безопасности и СД вербовали также из [174] гражданского населения своих тайных агентов и высоко оценивали результаты их деятельности. Так, в одном из донесений полиции безопасности говорилось:

«На Украине повсеместно активизировалась деятельность коммунистов. Органы СД внимательно следят за созданием коммунистических ячеек. Благодаря засылке тайных агентов полиция безопасности полностью осведомлена о положении в коммунистической организации».

Тайных агентов широко использовали также для сбора сведений о партизанских отрядах с целью подготовки боевых действий против партизан.

Итак, сделаем выводы.

Лишь спустя четыре месяца после начала войны главным командованием сухопутных войск была издана первая директива о борьбе с партизанами, за которой последовали многочисленные приказы, отдаваемые в армиях, предусматривающие создание различных антипартизанских формирований. В августе 1942 года немецкое командование впервые попыталось добиться единообразия в организации различных подразделений по борьбе с партизанами, дав всем дивизиям указание о создании ягдкоманд.

Первая директива верховного командования германских вооруженных сил появилась лишь 11 ноября 1942 года. Мы уверены, что из всего ранее сказанного читатель может сделать ясный вывод, что к тому времени возникла острая необходимость внести в предпринимаемые усилия какое-то единообразие, учтя опыт, приобретенный почти за 17 месяцев боевых действий.

Однако нам известно авторитетное заявление генерал-майора барона фон Бутлера-Бранденфельса, возглавлявшего работу по подготовке директив верховного командования вооруженных сил, о том, что изданная в ноябре 1942 года директива «Боевые инструкции по борьбе с партизанами на Востоке» оказалась мало действенной. Этот вывод он сделал под впечатлением, которое произвели на него получаемые с фронта донесения. И поскольку генерал сам готовил текст этой директивы, он, конечно, имел основание к такому выводу. И, действительно, эта директива ни в коей степени не является шагом вперед по сравнению с памяткой Стефануса, а поэтому [175] и излишне приводить здесь ее содержание. Выбор наилучших тактических приемов в борьбе против партизан все еще продолжал зависеть от изобретательности, проявляемой в каждой отдельной воинской части. Ведь партизанская война — это особый вид действий, требующий применения специальной тактики.

В условиях обычной войны противники имеют перед собой более или менее определенную линию фронта. В этом случае войска могут предпринять наступление с фронта, осуществить фланговый охват или же попытаться задержать продвижение противника и т. д. В боевых действиях против партизанских отрядов, которые обычно организуют круговую оборону, фронтальной атакой их можно лишь выбить с занимаемых позиций. И если в условиях обычных боевых действий вытеснение противника с занимаемых им позиций означает успех, то в борьбе с партизанами такой результат может оказаться бесполезным, если после этого партизаны смогут

переформироваться в каком-либо другом месте и по-прежнему совершать налеты. Таким образом, ясно, что если для регулярных войск, ведущих обычные боевые действия, окружение является всего только одним из возможных тактических приемов, то в партизанской войне окружение является главным тактическим приемом, с помощью которого можно окончательно ликвидировать отряды партизан.

Существует, конечно, много различных видов окружения или фронтальной атаки, и каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. Именно этого не смогло понять германское верховное командование, не снабдив своевременно свои войска каким-либо руководством по ведению боевых действий против партизан, где бы рекомендовались такие тактические приемы, которые можно было бы применять к различным условиям борьбы с партизанами. Войска, предоставленные в этой борьбе сами себе, напоминали армию без боевого устава. Они должны были сами вырабатывать тактику борьбы, и поэтому их успехи были незначительными. Отсюда нам опять-таки следует сделать для себя вывод: *Уже сейчас нашей армии необходим боевой устав по борьбе с партизанами.* [176]

ГЛАВА VII. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НЕМЦЕВ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

«Поход продолжается. Мы вступаем в лес. Сквозь ветви деревьев пробиваются золотые лучи солнца. Чудесное утро. Птицы начинают свой многоголосый концерт... Дорога ухудшается, становится болотистой, узкой. Колеса глубоко увязают. Солдаты помогают вытаскивать застрявшие повозки... но мы движемся вперед... Вдруг мы видим, что к нам на всем скаку приближается лошадь и резко останавливается возле нас. Только теперь мы замечаем всадника. По казацкой привычке, он соскользнул с седла и ехал, повиснув на стремени. Переговорив с всадником, переводчик вполголоса сообщает, что наша передовая колонна достигла леса перед деревней и установила, что в этой деревне сейчас находятся партизаны, которые должны ее оставить.

Теперь нужно действовать быстро. «Кавалерийский взвод, вперед!» И взвод мчится к опушке леса. Вскоре мы выходим на большой луг. До деревни — 800 метров. С противоположной стороны лес подходит к деревне на расстоянии 100 метров. Впереди нас, там, где начинается деревня, болото шириной 100 метров. Из труб крестьянских изб поднимается дым.

Время идет медленно. Когда кавалерийский взвод, появляется вновь, наш первый взвод развертывается влево. Солдаты по плечи погружаются в ледяную воду болота. Наконец они минуют его и исчезают за оградой в конце луга. В этот самый момент над нами просвистела первая пуля. Враг бдителен. Теперь нечего раздумывать. Наши главные силы преодолевают болото. Пулеметчики занимают позицию на левом фланге. Справа застучал пулемет. Кавалеристы успешно завершают окружение. Главные силы упорно стремятся достичь деревни. [177] Зажигательные пули тяжелого пулемета, ведущего огонь с левого фланга, вызывают в деревне пожар. Видно, как к лесу бегут люди и падают. Пули тяжелых пулеметов настигают их. Слышно, как бушует пламя, рушатся балки и доносится дикий рев скота. Кони с ржанием мчатся вперед. И вот мы уже в деревне. Враг оставил позади себя убитых. Кровавые следы на земле говорят нам о его дальнейших потерях. Вскоре мы узнаем, каким образом противник так скоро нас обнаружил. На главной дороге, ведущей к деревне, находилась сторожевая застава партизан, которая имела телефонную связь с командным пунктом. Эта застава и заметила наш взвод, развернувшийся на левом фланге. Но задача выполнена.

Начинается трудный обратный путь. Когда мы вступаем в лес, пули снова свистят над нами. Начинает действовать наш арьергард. Такова уж тактика партизан — отступать по непроходимым тропинкам в заболоченные места, вести оттуда наблюдение за своим противником, а затем нападать на него с тыла. Однако на этот раз нескольких пулеметных очередей было достаточно. И снова тишина.

Да, это тяжелая борьба, но высокий боевой дух добровольцев и отчаянная храбрость солдат войск СС гарантируют успех»{124}.

Нельзя сказать, чтобы этот отряд войск СС вместе с полицейским подразделением добился большого успеха, и все же автор этих строк считал, что его рассказ мог подбодрить читателей на его родине.

А вот еще один рассказ о таком подвиге, но этот рассказ скромнее и печальнее.

«После того как солнце скрылось за далекими холмами, они вновь отправились на задание: сержант, капрал и 15 солдат. Все имеют награды, все — опытные, закаленные в боях люди, прошедшие хорошую школу дозорной службы, разведки и рукопашных схваток.

Мы ожидали их возвращения к полуночи, но сейчас уже далеко за полночь. Около трех часов утра. Вдруг [178] караульный выбежал наружу. Мы слышим голоса и звук падения чего-то тяжелого. Это капрал. Он был вместе с теми, кто ушел на задание. По лицу его струится кровь, он ранен. Из тех немногих слов, которые он с трудом произносит, мы узнаем, что случилось. Немедленно создается подвижная группа и спешит через поляну туда, где ожидают помощи попавшие в беду товарищи.

А произошло вот что: наши солдаты прочесали лес и достигли его опушки на противоположной от нас стороне леса. И здесь они неожиданно натолкнулись на превосходящие силы противника, который немедленно предпринял попытку прорваться через боевые порядки отряда. Вероятно, противник еще ночью произвел разведку. Нашим людям пришлось вступить в бой с 150 большевиками. В лесу начинается ожесточенная схватка. Спокойно, уверенно и хладнокровно наш отряд развертывается и, создавая у противника впечатление, что перед ним значительно большие силы, не давая ему возможности разгадать своих намерений, навязывает ему бой на широком фронте. Затем наши солдаты переходят в атаку, наносят врагу сильный удар. Противник несет большие потери. После этого наш отряд отходит, занимает оборону и встречает противника шквалом огня. Но враг силен, он ожесточенно атакует.

У нас есть убитые и раненые. Силы нашего небольшого отряда быстро тают, но его действиями искусно руководит сержант, умело используя тех нескольких солдат, которые у него еще остались. Каждый из его солдат обладает богатейшим боевым опытом и мужественно и инициативно выполняет свой долг.

Но после почти трех часов непрерывного боя отряду нужны подкрепления. Он уже не в состоянии сдерживать натиск превосходящих сил противника. Капрала посылают за помощью. Пройдя несколько метров, он наталкивается на группу партизан. Короткая беспощадная схватка. Два большевика убиты. Но и капрал получает штыковую рану в плечо, а удар прикладом чуть было совсем его не прикончил. Собрав последние силы, он, шатаясь, бежит через лес, через луг под свист пуль, преследуемый несколькими русскими. [179]

Подвижной отряд устремляется на помощь товарищам. На всю операцию уходит полчаса. Противник окружен, и в ожесточенном бою главные силы большевиков, скованные нашим отрядом, уничтожены. Лес полностью прочесан; наши люди освобождены из окружения. Мы забираем с собой раненых. Наш последний долг — сделать два деревянных креста и сказать последнее «прости» двум нашим храбрым товарищам.

Это рассказ о действиях только одного нашего разведывательного отряда. Нам нужны сотни, тысячи таких отрядов — в каждой роте, в каждом полку, в каждой дивизии мы должны создавать их ежедневно. Нужно большое мужество, чтобы в составе небольшого отряда действовать в отрыве от своей части, наступать в непроходимых лесах, преодолевать болота... В борьбе с партизанами и их коварными лесными снайперами личный состав отряда должен проявлять большую хитрость и находчивость и превосходить своего противника в искусстве применения любых форм борьбы...»{125}

Сказать: «Нам нужны сотни, тысячи таких отрядов», — было легко. Но не так легко их было создать. Проведение даже очень небольшой экспедиции против лагеря партизан требовало значительного количества людей.

Вот как выглядел план проведения подобной экспедиции.

«Решил: атаковать лагерь партизан с трех сторон; в качестве проводников использовать полицейских. Для проведения этой экспедиции мне выделено:

- а) отряд военной полиции (1 офицер и 11 рядовых);
- б) взвод военной полиции (1 офицер и 18 рядовых);
- в) пехотный взвод (1 офицер и 30 рядовых);
- г) 3 офицера и 9 рядовых войск СД».

Как же закончилась эта экспедиция? В донесении сообщается следующее:

«В 10 час. 45 мин. передовой отряд натолкнулся на группу партизан из 6-8 человек, у которых было 3 лошади. Партизаны немедленно открыли огонь. Находившийся впереди сержант военной полиции был убит после [180] того, как он уничтожил партизана, выстрелив ему в голову. Было убито двое других партизан, причем один из них сначала был ранен. Я допросил раненого с помощью полицейского-немца из местных жителей. После допроса партизан был расстрелян людьми СД».

6 офицерам и 68 солдатам поистине нечем было похвастаться!

Но не только села, леса, болота и горы нужно было очищать от партизан. Немцам приходилось быть начеку и на каждой дороге.

«По шоссе идут два безобидных на вид человека. За плечами у них мешки. Быстро их обыскиваем. Один показывает нам листок бумаги с текстом на немецком языке. Это удостоверение, которое подтверждает, что такой-то крестьянин следует к себе домой. Подпись и печать немецкого штаба. К несчастью для этого «крестьянина», за несколько дней до этого было отдано указание никому не выдавать подобных удостоверений. Кроме того, его удостоверение изобилует такими грубыми орфографическими ошибками, что мы сразу же понимаем, с кем имеем дело. Производим тщательный обыск и находим в мешках динамит, спрятанный под грудой тряпок и грязного белья. Диверсанты! Немедленно даем указания командам, действующим на этом шоссе. Вскоре было поймано еще несколько таких типов с подобными удостоверениями. Стало известно, что в двух местах партизаны уже успели заминировать шоссе. Но теперь это было не так страшно: дорога была скоро разминирована, а бандиты с петлей на шее получили возможность с дерева наблюдать за продвижением немецких войск...»{126}

Немцам приходилось охотиться за партизанами также и в городах. Но и здесь для проведения даже небольших облав требовалось большое количество людей.

Мы опишем здесь две из них — в Симферополе и другом, не названном городе. Облаву в Симферополе проводил штаб 11-й армии.

Вот часть приказа, отданного в этой связи: [181]

«Ввиду имевших место неприятных инцидентов, с целью борьбы с партизанами 26 и 27 ноября 1941 года между 17 и 20 час. в городе Симферополе будут проведены облавы.

Цель:

- а) раскрыть связи между городскими жителями и партизанами;
- б) арестовать и проверить всех лиц, которые, несмотря на запрет, остаются на улицах после наступления темноты».

В облавах участвовало около 450 солдат и офицеров. В течение первого вечера облаву провели на окраине города. По периметру этого района, разделенного на 4 сектора, были выставлены кордоны. Каждый сектор был прочесан выделенными для этой цели солдатами во главе с офицерами. На следующий вечер такую же облаву провели в самом городе, который также был разделен на 4 сектора.

На задержанных во время этих облав лиц были заведены специальные анкеты, после чего всех задержанных передали в комендатуру города, где тайная полевая полиция и, конечно, СД подвергли их тщательной проверке.

Как доносил впоследствии комендант города, во время двух этих облав на улицах было арестовано 611 гражданских лиц. О том, сколько людей было казнено, сообщала, видимо, военная полиция. Если учесть, что обе эти облавы проводились «с целью борьбы с партизанами», а об их результатах нигде не упоминалось, то можно сделать вывод, что, несмотря на тщательную подготовку и использование 450 солдат, эти облавы окончились полным провалом. Во всяком случае, Симферополь по-прежнему оставался непокоренным.

Еще более безуспешной оказалась другая облава, о которой мы сейчас расскажем. Она была организована СД 12 января 1942 г. Руководил облавой офицер СД д-р Браун, которого впоследствии военный трибунал в Нюрнберге приговорил к смертной казни. Мы думаем, что можем позволить себе процитировать часть приказа СД, тем более, что немногие имели возможность познакомиться с подобными документами: [182]

«1. Приказом заместителя начальника тыла 11-й армии 12 января 1942 года в 11 час. будет проведена неожиданная для населения облава с целью задержания ненадежных лиц (партизан, диверсантов, а, возможно, также военнослужащих противника, парашютистов, переодетых в гражданскую одежду, евреев, ответственных коммунистов и т. д.).

2. Заместитель начальника тыла 11-й армии проведение этой облавы возложил на эйнзатцгруппу Д (СД). В распоряжение командования СД будут переданы части начальника обороны города (всего 2320 человек), а также 55 человек из военной полиции и 20 человек из тайной полевой полиции.

3. Облавой будет руководить командир зондеркоманды 116 штурмбанфюрер (майор войск СС) д-р Браун. Командный пункт будет находиться в комендатуре города.

4. Город делится на 6 оперативных районов, соответствующих районам обороны города и участкам полиции».

Ниже следует список фамилий начальников этих 6 оперативных районов. Далее в приказе говорится:

«5. Для проведения данной облавы оперативным районом выделяются следующие силы и средства:

Район I: 350 человек из войск данного района, 10 военных полицейских, 1 офицер войск СД, 1 переводчик войск СД, 6 унтер-офицеров и солдат войск СД, 3 дополнительных переводчика, 4 грузовика.

Район II: 500 человек из состава войск данного района, 10 военных полицейских, 3 человека из тайной полевой полиции, 1 офицер войск СД, 1 переводчик войск СД, 6 унтер-офицеров и солдат войск СД, 3 дополнительных переводчика, 3 грузовика.

Район III: 250 человек из состава войск данного района, 9 военных полицейских, 3 человека из тайной полевой полиции, 1 офицер войск СД, 1 переводчик войск СД, 6 унтер-офицеров и солдат войск СД, 3 дополнительных переводчика, 3 грузовика.

Район IV...» и т. д.

Затем в приказе давались указания о проведении инструктивных совещаний, уточнялись вопросы административного порядка, кроме того, разъяснялось, как поступать с арестованными. [183]

Результат облавы оказался ничтожным: было арестовано 1550 человек, из которых 1475 были помещены в лагерь военнопленных, а остальные переданы в органы СД. В ходе проверки, произведенной в лагере для военнопленных, 1415 человек были освобождены, а остальные 60 подвергнуты дальнейшим допросам. Нам неизвестно, оказались ли среди них или пленников СД партизаны, но зато ясно, что для поимки нескольких партизан, которые могли оказаться среди задержанных, немцам пришлось бросить войска численностью до бригады.

Однако если в этом случае немцам удалось задержать всего лишь нескольких партизан, то при проведении других мероприятий они добились больших успехов. Так, в результате рейда, проведенного в районе Бешуй (Крым), в котором также принимали участие войска численностью до бригады, по утверждению немцев, было убито 353 партизана и захвачены большие трофеи. В донесениях о некоторых других рейдах указывается еще большее число убитых партизан [128]. Немцы, несомненно, добивались известных успехов, особенно в сельских районах. И все же им

стало ясно, что в борьбе с партизанами недостаточно одних только рейдов; поэтому свои действия против партизан они дополнили применением террористических методов как против партизан, так и против гражданского населения.

Во всяком случае 8 декабря 1941 года главнокомандующий группой армий «Юг» направил командующим армиями следующее письмо:

«В полосе 6-й армии (эта армия входила в его группу, командовал ею фон Рейхенау) действия партизан почти полностью прекратились. Этот успех явился результатом суровых мер, принятых командованием армии. Во многих случаях населению достаточно было пригрозить, что у него конфискуют все продовольствие [184] или сожгут деревни, если оно своевременно не сообщит о местонахождении партизан.

В ходе борьбы с партизанами в полосе армии было публично повешено и расстреляно несколько тысяч человек. Опыт показывает, что казнь через повешение действует особенно устрашающе. Кроме того, были уничтожены многие «бродяги», у которых не оказалось удостоверений личности и под личиной которых обычно скрываются агенты и разведчики партизан. С этого момента диверсии прекратились.

Этот опыт показывает, что только такими мерами, которых население боится более террора партизан, можно достичь цели.

Командование группы армий рекомендует в случае необходимости прибегать к таким же мерам».

Это письмо рисует в воображении довольно мрачную картину. Когда же для устрашения населения и этих мер оказывалось недостаточно, войскам было приказано брать заложников.

Впервые о захвате заложников из гражданского населения упоминается в специальной директиве о борьбе с истребительными батальонами в Крыму. Угроза, возникшая в результате действий в Крыму 8 тыс. хорошо вооруженных и оснащенных бойцов истребительных батальонов, вызвала необходимость издания «Директивы по борьбе с истребительными батальонами», в которой говорится:

«В условиях Крыма надлежит руководствоваться нижеследующим:

а) Для обнаружения истребительных батальонов необходимо использовать все войска. Войска эти распределять с учетом месторасположения партизан.

б) Для обнаружения истребительных батальонов использовать членов семей партизан, так как между этими лицами и истребительными батальонами, вероятно, поддерживается связь.

Допрос пленных партизан производить в соответствии с ранее данными указаниями.

в) Попытаться убедить родственников лиц, входящих в состав истребительных батальонов, перейти на нашу сторону; это часто дает хорошие результаты. В этой связи [185] с успехом могут быть использованы как общие пропагандистские листовки, так и взятие заложников».

Вот образец такой листовки:

«Что должен знать каждый партизан»

Почему сражается партизан?

Потому что его предали его вожди, которые хотят спастись от суда народа.

Против кого сражается партизан?

Против своего народа, у которого он забирает продовольствие, обрекая тем самым население деревень на голодную смерть.

Чего достигнет этим партизан?

Ничего, потому что горсточка людей не в состоянии предотвратить победу германской армии, тем более, что миллионные армии Сталина уже разгромлены.

Какой же выход?

Вы видите теперь, что партизанская война бессмысленна и направлена против своей родины.

Партизаны! Покидайте свои укрытия, и с вами будут обращаться как с военнопленными.

Жители городов и крестьяне! Если вам дорога ваша родина и если вы не хотите умереть от голода, поддерживайте борьбу против партизан.

Каждый, кто поддерживает партизан, совершает преступление против народа и мешает построению новой, свободной жизни!»

Эта листовка служила пропуском и гарантией безопасности для любого партизана, пожелавшего сдать в плен. И все же мы читаем в немецких приказах о том, что «вскоре повсюду стало известно, что партизан расстреливают, несмотря на обещания в листовках не делать этого».

За этими директивами и листовками вскоре последовал более определенный приказ командира 30-го корпуса генерала фон Салмута относительно захвата заложников. Из дальнейшего будет видно, что приказ генерала Салмута способствовал значительному усилению террора против гражданского населения. Генерал Салмут установил точное число заложников, подлежащих расстрелу за каждого убитого или раненого немца или румына. Приказ начинается следующим разъяснением: [186]

«В результате партизанских налетов в течение последних дней было убито несколько немецких и румынских солдат. Это вызывает необходимость принять самые жесточайшие контрмеры.

Везде, где дислоцируются войска, нижеследующие лица подлежат немедленному задержанию в качестве заложников:

- а) родственники партизан;
- б) лица, подозреваемые в связях с партизанами;
- в) члены партии, комсомольцы и кандидаты в члены партии;
- г) бывшие члены партии;
- д) лица, которые до прихода немецких и румынских войск занимали какие-то руководящие посты;
- е) лица, задержанные вблизи запретных зон без специального пропуска.

Все заложники должны быть заключены в концентрационные лагеря. Продовольствием заложников обеспечивает население их деревень. За каждого немецкого или румынского солдата, убитого партизанами, следует расстреливать 10 заложников, а за каждого раненого немецкого или румынского солдата — одного заложника; по возможности расстрелы производить вблизи места, где был убит немецкий или румынский солдат. Трупы расстрелянных не убирать в течение трех дней.

Аресты заложников в местах, где войск нет (и особенно в горах), должны производиться 1-й румынской горно-стрелковой бригадой. С этой целью соответствующие пункты должны временно оккупироваться войсками».

Ниже следует список пунктов расположения концентрационных лагерей для заложников, а также подразделений и частей, несущих ответственность за их содержание. Каким мрачным нам представляется сейчас содержание последнего параграфа:

«Концентрационные лагеря должны быть созданы в нижеследующих пунктах (см. табл. на стр. 187).

Прилагается план масштабом 1:100000 с указанием границ районов, в которых следует брать заложников для соответствующих концентрационных лагерей.

В случае налетов партизан в этих районах взятые там заложники должны быть расстреляны или повешены [187] в соответствии с указаниями, данными в вышеупомянутом приказе».

Название населенного пункта	Часть (подразделение), ответственная за создание концентрационного лагеря
Кутчук Мускомя	124-й пехотный полк
Алсу	1-й румынский горно-стрелковый полк
Варнутка	266-й пехотный полк
Биюк Мускомя	105-й пехотный полк
Хаита	14-й румынский пулеметный батальон
Байдари	172-й артиллерийский полк
Сахтик	72-й саперный батальон
Форос	72-й танковый батальон

На командиров, ответственных за создание концентрационных лагерей, возлагалась также обязанность вести борьбу с партизанами. Командиры должны были назначать комендантов городов, которые и несли ответственность за непосредственное взятие заложников.

Затем было дано указание, что в случае, когда тыловая часть во время передислокации или на марше останавливается в деревне, не занятой другими войсками, командир части должен немедленно взять там заложников. При возобновлении движения заложников надлежало увозить с собой, а затем передавать коменданту ближайшего населенного пункта, где постоянно стояли войска.

Определение числа заложников, подлежащих казни, зависело от командира. Заложников брали и уничтожали также и в случаях совершения диверсионных актов.

Решение вопроса о том, какое количество заложников должно быть казнено, несомненно, зависело от местных условий и от того, считали ли немцы целесообразным особенно жестокое обращение с населением данного района. В этой связи следует отметить, что особенной непокорностью отличался, кажется, Киев. Впервые мы об этом узнаем из донесения командира 454-й охранной дивизии, отправленного им в ноябре 1941 года. В этом донесении говорится: [188]

«В порядке репрессий за совершение диверсионных актов было расстреляно 800 человек местных жителей». В данном случае актами диверсии были поджоги. Вскоре после этого комендант Киева опубликовал «Объявление», в котором говорилось: «В Киеве злонамеренно попорчены средства связи (телефон, телеграф, кабель). Так как вредителей нельзя было больше терпеть, то в городе было расстреляно 400 мужчин...»{129}

Охрана железных дорог в это время также доставляла немцам много хлопот. Вот два примера, показывающих, как они пытались бороться с диверсиями на железных дорогах.

Первый документ, с которым мы познакомимся, это приказ командира 44-го корпуса.

«В случае повреждения телефонных линий, железнодорожных путей и т. д. — говорится в приказе, — для последующей охраны этих объектов назначать лиц из местного населения. При повторении диверсии охранник, на участке которого была совершена диверсия, подлежит расстрелу. В охрану следует подбирать только семейных, чтобы в случае побега охранника иметь возможность взять члена его семьи как заложника».

Довольно хитроумно! Однако, судя по другому примеру, генерал-лейтенант фон Роке, начальник тылового района группы армий «Юг», оказался еще более жестоким. Он приказал очистить от местных жителей полосу в 1,5-2 километра с каждой стороны дороги и, кроме того, взять из их числа заложников. В случае совершения диверсии заложников с целью устрашения населения надлежало вешать вдоль дороги.

Много неприятностей доставляли немцам мины, закладываемые партизанами в городах, в связи с чем 16 ноября 1941 года в Симферополе было передано по радио следующее объявление:

«При управлении коменданта города Симферополя создан отдел по сбору сведений о заминированных участках. [189]

Каждый житель, который знает места, где заложены мины, бомбы замедленного действия, подрывные заряды, или же подозревает о заминировании каких-то объектов, обязан немедленно сообщить об этом в указанный отдел при управлении коменданта города. За правильные сведения будет выдаваться денежное вознаграждение. С другой стороны, каждый, кто скроет известные ему сведения о заминированных участках и не сообщит об этом в комендатуру, будет предан смертной казни.

За каждое здание, взорванное в городе Симферополе — в случае если комендатура не будет заблаговременно поставлена в известность о готовящейся диверсии, — оккупационными властями в качестве репрессии *будет расстреляно 100 жителей города*».

Это «объявление» зачитал сам комендант города; однако если таким образом он рассчитывал добиться желанного умиротворения населения, то вскоре ему предстояло горько разочароваться, ибо уже через несколько дней он был вынужден сообщать следующее:

«29 ноября 1941 года было расстреляно 40 мужчин — жителей города Симферополя, что явилось репрессивной мерой:

- 1) за гибель немецкого солдата, который 22 ноября 1941 года подорвался на mine в районе, о возможном заминировании которого в комендатуру не поступало никаких сведений;
- 2) за убийство в ночь с 27 на 28 ноября 1941 года немецкого сержанта».

Нам не известно, сколько было казнено заложников в Советской России, мы также не имеем возможности установить, сколько партизан и заподозренных в участии в партизанском движении было уничтожено в ходе боевых действий или после захвата в плен. Но нам известно, что партизанское движение неуклонно разрасталось и что немцы не были в состоянии выделить достаточно крупные силы для проведения широких действий против партизан.

«Борьба с партизанами, — сказал генерал Диттмар, выступая по немецкому радио, — является невероятно трудной задачей. В сложившейся обстановке небольшие подразделения по борьбе с партизанами могут добиться [190] лишь незначительных успехов, выделить же для этой цели более крупные силы мы сейчас не можем, так как при теперешнем положении на фронте они необходимы для выполнения более срочных и важных задач. В силу этого часто приходится ограничиваться охраной наиболее важных объектов и проведением время от времени карательных экспедиций...»{130}

Сколько войск потребовалось бы немцам для устранения партизанской угрозы, никто сказать не может. Но мы располагаем некоторыми данными о численности войск, занимавшихся выполнением этой задачи. В немецких отчетах указывается, что в 1943 году борьбой против партизан в полосе группы армий «Центр» было занято около 100 тыс. немцев и их союзников^{131}. В декабре 1941 года на юге, в районе 11-й армии, против партизан действовал румынский корпус в составе двух бригад, частей, выделенных еще одной бригадой, полка, различных батальонов, трех батарей противотанковых пушек, а также многих других подразделений. В 1942 году, по утверждению Пономаренко, против советских партизан вели борьбу «144 полицейских батальона, 27 полицейских полков, 8 других полков, 10 охранных полицейских и карательных дивизий СС, 2 охранных корпуса... 72 специальные части и до 15 полевых дивизий. Против партизан также действовали 102-я, 105-я, 108-я и 119-я венгерские дивизии»^{132}.

Если к этому прибавить число убитых и раненных партизанами немцев, то мы еще раз убедимся в том, что партизаны прекрасно выполняли свою задачу, подрывая силы немецкой армии. Из-за недостатка у немцев войск их борьба против партизан становилась не только безнадежной, но и приводила к значительно большим потерям.

Если бы немцы имели достаточно войск, они смогли бы окружить партизан и морить их голодом, не неся при этом больших потерь. Фактически же немцам приходилось [191] ликвидировать партизанские отряды поочередно, чтобы по мере их уничтожения высвободить войска для действий против партизан в других районах; поэтому они были вынуждены непрерывно наносить удары по партизанам, а действия в таких условиях сопряжены с большими потерями. Чтобы показать невыгодность действий такого рода, нам бы хотелось сравнить тактику борьбы с партизанами, применявшуюся немцами в России, с тактикой, применявшейся в соответствии с «планом Бриггса»^{133} в Малайе.

Вот как описывает немецкую тактику майор д-р Шэфер:

«Ликвидация этих партизанских элементов совершенно необходима... Цель состоит не в том, чтобы изгнать партизан из укрытий, а в том, чтобы их уничтожить... Полный успех будет обеспечен тогда, когда удастся совершенно неожиданно для партизан окружить, а затем прочесать район, который находится под их контролем или куда они незадолго до этого проникли. Но следует иметь в виду, что внешнее кольцо окружения должно быть достаточно плотным, чтобы с самого начала окружения предотвратить возможность просачивания отдельных групп или прорыва крупных подразделений партизан. Кольцо окружения необходимо последовательно сужать либо путем планомерного продвижения со всех сторон к центру кольца окружения, либо в зависимости от создавшейся обстановки и характера местности путем оттеснения противника к какому-либо заранее подготовленному [192] укрепленному рубежу, усиленному использованием естественных препятствий, например реки. Затем крайне важно вытеснить партизан из заболоченных лесов на открытую местность. На карте план проведения подобной крупной рейды (против партизан) напоминает паутину — на ней нанесены многочисленные линии окружения, представляющие собой рубежи, намеченные для захвата на каждый день, на ней же указаны и разграничительные линии между различными антипартизанскими частями... Однако в этой борьбе нельзя предложить план, пригодный для всех случаев жизни.

Прочесывание лесных чащ и болот возможно только в пешем строю и лишь после тщательной подготовки. Действия будут обречены на провал, если только ограничиться просмотром из вездеходов одних лесных просек. В этом случае партизаны просто отсилятся в своих укрытиях... Следовательно, наиболее густые леса и болота необходимо обязательно прочесывать. В период прочесывания солдатам часто приходится брать друг друга за руки, чтобы не дать кому-нибудь увязнуть в болоте... Во время таких рейдов солдаты много дней подряд находятся под открытым небом... После достижения намеченного на данный день рубежа нужно ожидать рассвета. Попытки вырваться из окружения партизаны предпринимают обычно ночью. Ночью нужно проявлять особую бдительность, а это означает, что людям в это время едва ли удастся поспать... Местность топкая и иногда заминирована.

Наш противник, как это водится у партизан, идет на самые разнообразные хитрости. Например, партизаны прячутся в ямах, где, укрывшись сверху травой и мхом, замаскировавшись свежими ветками, лежат не двигаясь, а их наблюдатель сидит на дереве. Вот, к примеру, лежит под покрывалом из мха партизан. Дальше, на болоте, еще один; он лежит на циновке, также укрыв себя мхом и травой. Этих двух примеров достаточно... Тот, кто видел лагеря партизан и их убежища в почти непроходимой местности, тот твердо

убежден, что эти... люди обладают особым инстинктом, который утратил культурный, цивилизованный человек»^{134}. [193]

А вот результаты действий одной немецкой армии. За 6 месяцев с ноября 1943 года по апрель 1944 года включительно части и подразделения только одной немецкой 3-й танковой армии принимали участие в 992 стычках и боях с партизанами. В каждом из этих боев в среднем было убито 10 партизан. Насколько нам известно, потери немцев были значительно больше. И все же они ничего не могли поделать с партизанами.

Теперь давайте сравним немецкую тактику с тактикой Бриггса, описанную малайским корреспондентом газеты «Таймс». Рассказывая о «нашей (то есть английской. — *Ред.*) новой тактике», корреспондент пишет:

«Отказавшись от длительного прочесывания джунглей, которое в общем не дает результатов, так как все время приходится наступать отходящего противника, наши войска сосредоточиваются теперь вдоль опушки леса в районах, имеющих для противника большое экономическое значение».

Другими словами, мы считаем, что в Малайе мы можем позволить себе проводить сдерживающие операции, сведя таким образом свои потери до минимума. Немцы были лишены этой возможности, и тяжелые потери, которые они несли в борьбе с партизанами, ускорили их поражение. [196]

ГЛАВА VIII. ТАКТИКА НЕМЦЕВ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

Многие партизаны навсегда вписали свои имена в историю человечества, а некоторые из них достигли почти легендарной славы. Во второй мировой войне было по крайней мере полдесятка таких людей. В первую мировую войну, прославился Лоуренс, в англо-бурскую войну — Девет^{135}, во время Гражданской войны в Америке завоевали большую популярность Мозби^{136}, Морган^{137} и Форрест^{138}. Широкую известность получили также Гофер^{139}, Шилль^{140}, Гарибальди и Диас^{141}. [195]

Люди же, которые боролись с партизанами в древности или в новое время, не добились славы, и их имена известны лишь узкому кругу лиц. Исключение составляет эсэсовец Дирлевангер, который в период второй мировой войны командовал бригадой, действовавшей в России. Но его притязания на славу имеют особый характер. Бах-Зелевский, являвшийся начальником штаба всех боевых подразделений по борьбе с партизанами при рейхсфюрере СС^{142}, писал, что «эта дирлевангеровская бригада» состояла в основном из бывших преступников; официально в ней числились так называемые «браконьеры», но в действительности это были самые настоящие преступники, осужденные в свое время за грабежи, убийства и т. д.»^{143} Эта необычная бригада, приданная группе армий «Центр», была, видимо, весьма популярна в среде немецких преступников: не случайно батальон, созданный из преступников, вскоре разросся до полка, а затем и бригады.

Военнослужащий может стать выдающимся руководителем партизанского движения, но в своей партизанской деятельности он должен забыть об армейских уставах и наставлениях: став партизаном, он должен полагаться только на свои интуицию, вдохновение и изобретательность. Можно быть прирожденным партизанским руководителем, и в истории часто случалось, что такие люди появлялись именно тогда, когда они больше всего были нужны своей родине. Но вот быть прирожденным руководителем борьбы против партизан нельзя: эта работа требует больших знаний и искусства. Он должен сочетать в себе качества войскового командира [196] и офицера полиции, кроме того, ему необходимо пройти специальную подготовку. Но ни в одной стране мира еще не было организовано подготовки войск по борьбе с партизанами: везде войскам приходилось учиться на своем горьком опыте. Необходимые знания их личный состав получал не на курсах, а

приобретал дорогой ценой в борьбе против партизан, и часто, когда эти люди, наконец, накапливали богатый опыт борьбы, война кончалась и они уже не могли им воспользоваться. Именно поэтому истории не известен ни один выдающийся руководитель борьбы против партизан.

Борец с партизанами менее романтическая фигура, чем его противник. Но есть и еще одна причина, почему его имя остается никому не известным. До конца прошлой войны никто серьезно не пытался разработать принципы борьбы с партизанами. И никто ничего не делал, чтобы познакомить войска хотя бы с основами борьбы против партизан, не говоря уже об организации соответствующей подготовки войск. И поскольку в последней войне Германия в борьбе против партизан не использовала свои лучшие офицерские кадры, среди руководителей этой борьбы не появилось человека, равноценного, например, Роммелю, который разработал бы тактические методы ведения боевых действий против партизан. А тем не менее эти тактические основы антипартизанской борьбы, кажется, довольно очевидны.

Современная тактика партизанской войны основана на теории и практике Маркса и Мао: комары изматывают великана, который не в состоянии использовать против них свою огромную силу. Отсюда становится ясным и правильный подход к организации борьбы против партизан: великан должен обезопасить себя от укусов комаров и, кроме того, изыскать пути применения своей огромной силы. Или, говоря конкретно, антипартизанские силы должны разработать самую совершенную систему охранения своих войск и своих объектов: именно такова их задача в области обороны. Кроме того, они должны полностью реализовать свое превосходство в вооружении, то есть применять в борьбе против партизан танки, мотомехчасти, бронепоезда; именно это должно быть положено в основу их наступательных действий. [197]

В 1944 году немцы издали наставление по борьбе с партизанами, которым должны были руководствоваться все виды вооруженных сил. Таким образом, как отмечал генерал фон Бранденфельс, германское верховное командование поняло, наконец, что «методы антипартизанской войны, предложенные в руководстве 1942 года, не могли предотвратить расширение действий партизан. Верховное командование так же, как высшие фронтовые штабы, с чисто военной точки зрения было чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы гражданское население за линией фронта сохраняло полное спокойствие и занималось созидательным трудом». Однако партизаны причиняли беспокойство немцам не только на Востоке — в России и на Балканах. Весьма активные действия против немцев развернули также маки во Франции. Поэтому и было принято новое наставление по борьбе с партизанами. Но это наставление, безусловно, отличалось от руководства 1942 года, появление которого «было вызвано крайней необходимостью, в обстановке, когда еще не был накоплен достаточный опыт» Новое наставление готовилось тщательно, в его составлении принимали участие многие органы верховного командования, в том числе оперативный отдел генерального штаба сухопутных войск, оперативный отдел штаба военно-воздушных сил, отделы по изучению иностранных армий на Западе и Востоке, отдел контрразведки и другие учреждения вплоть до военно-транспортного управления германских вооруженных сил. И вот 6 мая 1944 года наставление было введено в действие.

Издание германским верховным командованием этого наставления было последней попыткой организовать борьбу с партизанами и унифицировать ее методы. К этому времени немецкая армия уже почти оставила территорию России. Война продолжалась еще год, в течение которого немецкая армия с тяжелыми боями отходила назад к Германии и ей было не до организации борьбы против партизан, действовавших на своей территории. Да к тому же и партизаны к этому времени настолько прочно укрепили свои позиции в тылу немецких войск, что никакие пожарные мероприятия немцев не могли бы изменить положение. [198]

Кроме того, что это наставление запоздало, в нем недостаточно четко был определен главный принцип антипартизанской войны, а именно то, что тактика антипартизанских действий всегда должна основываться на использовании против партизан превосходства в вооружении и боевой технике.

Однако все эти замечания сделаны не с целью преуменьшить значение наставления, поскольку оно является единственным руководством такого рода, основанным на опыте трехлетней борьбы немцев с партизанами. Его практическую ценность трудно переоценить; это классическое руководство по ведению борьбы с партизанами.

Ввиду важности указанного документа, особенно для военного читателя, мы помещаем в приложении к книге его наиболее ценные главы.

Ранее мы сказали, что хороший руководитель борьбы против партизан должен сочетать в себе качества армейского и полицейского офицеров. И действительно, наступление в этой войне основано на применении военной тактики, а в обороне используются главным образом методы действий полиции.

В наставлении говорится, что защите (обороне) от партизан подлежит все, что представляет важность для ведения войны. Это определение слишком расплывчато, поскольку в нашу эпоху слишком много объектов являются жизненно важными для ведения войны. Это — железные и шоссейные дороги, водные пути, короче говоря, вся страна в целом: экономические и административные объекты, учреждения связи, сельское и лесное хозяйство и, наконец, сами войска.

Когда мы и наши союзники вступили в Италию, а позже в Германию, мы с целью обеспечения безопасности движения на железных дорогах выставляли часовых вдоль железнодорожного полотна и специальную охрану на станциях и у мостов, а каждый поезд сопровождало несколько солдат. Против нас не было совершено никаких серьезных диверсий; следовательно, такая система защиты оказалась достаточно надежной. Единственной дополнительной мерой предосторожности было сохранение в тайне времени проезда наших сугубо важных лиц. [199] Но тогда нам не приходилось защищать железные дороги от партизан.

Когда немцы вступили на территорию СССР, они действовали точно так же, но вскоре им пришлось убедиться, что их меры предосторожности не дают желаемых результатов. Несмотря на охрану, их поезда летели под откос. Примерно в таком же положении во время южно-африканской войны^{144} оказались и англичане. Бурские снайперы часто убивали или ранили машинистов и кочегаров, которые вели составы с продовольствием для интернированных бурских семей. Сэр Артур Конан-Дойль считал «поистине непонятным, почему английские власти не принимали мер, к которым в подобных случаях прибегали все армии, то есть почему они не брали в поезд заложников. Если бы к паровозу прицеплялся вагон с заложниками, то диверсии сразу же прекратились бы»^{145}. Немцы, вероятно, потому не воспользовались этим советом, что не хотели, чтобы будущие партизаны свободно разъезжали с их воинскими эшелонами да еще по их собственному же приглашению.

Как мы уже видели, они попытались использовать для охраны железнодорожных путей лиц из местного населения, рассматривая при этом членов их семей как заложников. Но чем больше они брали заложников, тем больше поездов летело под откос. И тогда с целью обеспечения безопасности движения они решили ввести целый ряд технических приспособлений, что привело к ожесточенному состязанию между немцами и партизанами в изобретательности.

Вначале немцы прицепляли впереди паровоза несколько пустых платформ. Как только партизаны разгадали эту хитрость, они стали закладывать такие мины, которые пропускали легкие

платформы, но взрывались под тяжестью паровоза. Немцы стали нагружать платформы камнями. Тогда партизаны начали устанавливать мины замедленного действия. И снова платформы [200] проходили, а эшелоны летели под откос. Позже немцы стали высылать вперед дрезину для проверки пути. Тогда партизаны пропускали дрезину и подрывали мины с приближением эшелона. Это было очень опасным делом, но эшелоны подрывались по-прежнему.

И все же немцы не сдавались по той простой причине, что они не могли поступать иначе. Они разработали сложную систему охраны железных дорог, защите которых они отдавали предпочтение перед всеми другими объектами. Они выставляли посты на каждой железнодорожной станции и блок-посту, на каждом железнодорожном мосту, в туннелях, у водонапорных башен и даже у полотна, если расстояние между станциями было слишком большим. Посты расставлялись таким образом, чтобы самостоятельно и с помощью патрулей они могли поддерживать связь друг с другом. Посты должны были постоянно вести наблюдение на своих участках с целью задержания диверсантов. Время от времени они должны были осматривать пути с целью выявления заминированных участков. Кроме того, они должны были поддерживать свои основные посты на станциях. Железнодорожная охрана часто пользовалась собаками-ищейками.

Немцы скоро пришли к выводу, что охранные войска не смогут успешно выполнять свои задачи до тех пор, пока они не установят полный контроль над местностью, прилегающей к железнодорожному полотну. Поэтому по обе стороны от железнодорожного пути они стали создавать своего рода защитные полосы шириной около 300 метров. Эти полосы полностью очищались от кустарника и деревьев. Оставалась лишь редкая лесополоса у самого железнодорожного полотна. Таким образом, немцы лишили партизан возможности скрытого подхода к полотну, тогда как само полотно было ограждено тонким лесозащитным щитом.

В охраняемой зоне разрешалось появляться только железнодорожникам, связистам и, конечно, подразделениям охраны. Задержанных в этой зоне гражданских лиц обычно расстреливали.

Такая организация охраны железных дорог требовала большого количества войск и тем не менее не являлась достаточно эффективной. И все-таки это было лучшее из [201] того, что можно было сделать в чрезвычайно трудных условиях борьбы со столь ловким и искусным противником.

Начальники, на которых возлагалась ответственность за охрану железных дорог, были также обязаны выделять людей для активных действий против партизан. В соответствии с директивами командования им следовало использовать для этой цели не менее одной трети личного состава своих частей и подразделений.

Другая трудная проблема для немцев заключалась в обеспечении безопасности движения на шоссе дорог. С этой целью в особо угрожаемых районах было запрещено движение по дорогам ночью и введена система конвоев при движении днем. Кроме того, по главным магистралям в машинах типа «виллис» постоянно разъезжали патрули. В дополнение к этому у мостов и у других важных объектов на дорогах выставлялись постоянные сторожевые посты.

Мы не будем описывать введенную немцами систему охраны других важных объектов. Немцы понимали, что одной охраны недостаточно и что войска не должны ограничиваться только охраной назначенных им объектов. С целью уменьшения угрозы нападения партизан они должны были также принимать участие в боевых действиях против них. Поэтому каждому командиру предписывалось использовать непосредственно для нужд охраны только действительно необходимое для выполнения этой задачи количество людей. Остальной личный состав надлежало использовать для борьбы с партизанами. Вопрос о том, насколько активно должны были участвовать подразделения охраны в боевых действиях против партизан, предоставлялось решать самим командирам. В наставлении на этот счет говорится:

«Расстояние, на которое могут удаляться войска охраны от назначенных им для защиты объектов, зависит от их численности, вооружения, отваги и боевой обстановки в данном районе».

В области охраны самой важной задачей было охранение войск, особенно на марше и при расквартировании. Эта задача возлагалась на сами войска.

Здесь мы также не намерены вдаваться в подробности. Первым долгом командир войсковой части, совершающей [202] марш через район, где установлено или предполагается наличие партизан, должен ознакомиться с характером действий партизан в этом районе и изучить карту, на которую нанесена обстановка в партизанском районе. Эти карты составлялись командирами, ответственными за борьбу против партизан в назначенных им районах, на основании данных, поступавших в пункты сбора сведений. Такие пункты создавали командиры войск, выделенных для борьбы с партизанами. Все заинтересованные лица обязаны были передавать в эти пункты известные им сведения о действиях партизанских отрядов. Пункты сбора сведений интересовались не только тем, где и когда были обнаружены партизаны, каковы их численность, организация и задачи. Они также старались выяснить имена командиров и комиссаров партизанских отрядов и их непосредственных начальников и, конечно, получить сведения о расположении их основных и запасных лагерей, об их вооружении и передвижениях.

Карты, на которые наносилась обстановка в партизанских районах, давали о партизанах такие же сведения, какие дают оперативные карты войсковых штабов о противостоящем противнике.

После оценки обстановки командир находящейся на марше войсковой части должен был принять необходимые меры по охранению своей части. Как только войсковая часть вступала в район, где было установлено или предполагалось наличие партизан, ее командир должен был высылать разведку во все деревни на пути следования. Подразделение по разминированию должно было следовать впереди колонны главных сил. Тяжелое оружие надо было распределить между всеми подразделениями, следовавшими в походной колонне, и вместе с остальными видами оружия держать в полной боевой готовности. Подразделения должны были следовать на небольшой дистанции. Если часть двигалась по не разведанным ранее дорогам, командир обязан был принимать особые меры предосторожности, чтобы не наскочить на заминированные участки. С этой целью впереди колонны пускали деревянные катки или гнали скот.

Все это показывает, что ради обеспечения безопасности немецким войскам на марше приходилось жертвовать [203] скоростью движения. Но при этом снова необходимо отметить, что разработанная ими система охранения войск была лучшей из возможных в тех условиях.

Войска, расположившиеся на ночь на квартирах или открытым лагерем, охранялись с той же тщательностью, что и американские форты на территории индейцев. При этом немецкие части и подразделения не должны были дробиться, людей следовало расквартировывать как можно ближе друг к другу, чтобы имелась возможность организовать круговую оборону. Кроме того, район расквартирования должен был обноситься проволочными заграждениями.

На возвышенных местах и сторожевых башнях выставлялись часовые. Когда почти 70 лет тому назад мы воевали в Судане с Османом Дигна, мы убедились, насколько трудно организовать эффективное сторожевое охранение, способное воспрепятствовать нападению партизан.

«Кустарник перед наполовину законченным частоколом вокруг лагеря был настолько густым и высоким, что даже наши конные дозорные почти ничего не видели на расстоянии полумили. Поэтому, когда они заметили опасность и поскакали к лагерю, противник вскоре уже атаковал их и буквально на них напал. Таким образом, оказалось, что сторожевые заставы не принесли большой пользы, поскольку противник вошел с нами в непосредственное соприкосновение до того, как мы успели подняться по боевой тревоге. Более того, сторожевые заставы в значительной степени мешали главным силам вести огонь по противнику. Короче говоря, по мнению майора Коллуэлла (автора книги «Малые войны»), в случаях, подобных сражению у Тофрика, никакая система сторожевых застав не сможет гарантировать безопасность»{146}.

Немцам, однако, удалось найти пути и средства создания хотя и громоздкой, но зато эффективной системы охранения войск. В соответствии с принятым ими порядком вокруг часового устранялись все препятствия, мешающие обзору, а в лесу в радиусе по меньшей мере [204] в 200 метров вырубались все кусты и деревья. Связь с лагерем часовые и дозорные поддерживали по телефону или по радио, в крайних случаях они пользовались ракетами. Приходится только удивляться, каким образом немцам все-таки удавалось отдыхать в районах действий партизан, если днем они должны были совершать марши, а ночью вырубать вокруг лагеря деревья и кусты и нести службу охраны. Но вместе с тем нужно признать, что если бы они не принимали этих мер, то вряд ли им вообще когда-нибудь удавалось бы отдыхать.

Сказанного выше достаточно, чтобы составить представление об оборонительных мероприятиях немцев против партизан.

Опыт немцев показывает, что необходимо иметь прекрасную разведку для сбора сведений о партизанах. Поэтому, продолжая наш рассказ о тактике, применявшейся немцами в борьбе против партизан, мы прежде всего остановимся на проблемах разведки.

Как мы уже знаем из главы IV, разведка партизан ставила перед собой две цели: раскрыть замыслы противника и добыть все сведения, необходимые для обеспечения успеха своих действий. Разведка, действовавшая против партизан, ставила перед собой те же цели.

Мы уже говорили о деятельности пунктов по сбору сведений. Теперь же посмотрим, как проводится разведка до боя и во время боевых действий.

По немецкому наставлению, командир, возглавляющий действия против партизан, обязан добывать необходимые разведывательные сведения. Обычно он располагает данными, собранными и проверенными пунктами сбора сведений. Когда этих данных недостаточно, он должен пополнить их своими собственными сведениями, которые он добывает тремя способами и прежде всего через тайных агентов. Этот метод всегда себя оправдывал как наиболее простой и безобидный. Тайные агенты немцев и разведчики партизан выполняли аналогичные задачи. Однако первые сталкивались в своей работе со значительно большими трудностями: так, им нелегко было проникать к партизанам, им было труднее добывать сведения, и, если они сами не состояли в отряде, они не могли приближаться к партизанским объектам. [205]

В результате добываемые ими сведения чаще всего основывались на слухах, а не на данных личного наблюдения. В силу всех этих причин тайные агенты вряд ли могли стать для немцев единственным источником информации.

Для целей разведки немцы использовали также тихоходные самолеты, особенно вертолеты. Но это средство не всегда себя оправдывало, поскольку в случаях, когда самолеты редко летали над районами действия партизан, внезапное появление вертолета не могло не послужить для партизан предупреждением о готовящихся против них действиях. Поэтому немцы использовали самолеты для разведки только в том случае, если партизаны находились в районах, над которыми проходили постоянные авиалинии, или же когда партизанские отряды были достаточно большими; в последнем случае можно было бы предположить, что партизаны скорее предпочтут дать бой, чем уйдут из этого района.

Наконец, немцы использовали для разведки ягдкоманды. В этом случае они были уверены, что добытые ими сведения всегда основывались на непосредственном наблюдении. Но поскольку нельзя было рассчитывать, что ягдкоманды останутся незамеченными, их использовали только против крупных партизанских отрядов или же тогда, когда в данном районе находилось много партизан.

Результаты предварительной разведки должны были дополняться сведениями войсковой разведки, проводимой на всех этапах боя и на всех участках.

По наставлению во время боя перед разведкой стоят следующие задачи:

- а) обнаружить все скрытые силы противника;
- б) своевременно обнаружить любые попытки партизан незаметно выйти из боя или прорваться через наши боевые порядки;
- в) предотвратить возможность внезапной атаки или нападения из засады;
- г) разведать позиции противника и наилучшие к ним

подходы.

Эти задачи аналогичны задачам, стоящим перед разведкой регулярных боевых частей. Наставление указывает [206] также на целесообразность использования для этих целей ягдкоманд. В соответствии с общепринятыми правилами допрос пленных наставление рассматривает как один из лучших способов получения сведений. Наставление специально предлагает прибегать к допросу пленных как способу получения сведений об организации партизанских отрядов и об их средствах связи.

Допрос должен быть произведен на месте, в ходе боя. Позже мы рассмотрим рекомендованный одной дивизией особый метод допроса с целью получения сведений о действиях партизан.

Сейчас же мы хотим развеять миф, созданный Йодлем и другими о том, что это наставление якобы внесло большой вклад в дело более гуманного ведения партизанской войны. Ничего подобного! Статья 163 наставления гласит:

«Со всеми захваченными или сдавшимися во время боя партизанами в военной форме или гражданской одежде в принципе следует обращаться как с военнопленными. Этот принцип распространяется также на всех лиц, задержанных в непосредственной близости от места боя, которых можно рассматривать как пособников партизан, даже в том случае, если не может быть доказано их участие в бою».

Сравним теперь ее со статьей 70 того же наставления, в которой говорится:

«Допрос пленных является одним из лучших способов получения сведений. Поэтому захваченных партизан расстреливать сразу не следует».

Но мы не намерены чересчур осуждать военных за эти противоречивые формулировки. Дело в том, что политику и задачи в войне с партизанами определяло командование вооруженных сил совместно с рейхсфюрером СС. И если Гиммлер настаивал на жестокости, а представители вооруженных сил на более мягких мерах, то, как видно из наставления, обе стороны получили то, что хотели.

Мы уже указывали выше, что главным тактическим приемом немцев в борьбе против партизан было окружение. И этот тактический прием вполне себя оправдал. В период Французской революции против республиканской [207] армии партизанская война велась в Бретани и Вандее. Задачу умиротворения вандейцев республика поставила перед генералом Гошем. Гош не только мастерски усовершенствовал систему шпионажа, он также нашел, по словам Тьера, «прекрасный способ подчинить себе страну, не опустошая ее при этом. Он ограничивался лишь тем, что отбирал у населения оружие и забирал часть продовольствия для снабжения республиканской армии. Упор он делал прежде всего на создание укрепленных лагерей. Затем, намередываясь постепенно

поставить под свой контроль всю эту область, он окружил ее, образовав сплошное кольцо, опиравшееся на реки Луару и Севр. Кольцо это было образовано очень сильными отрядами, связанными друг с другом конными разъездами, чтобы не оставить ни одной лазейки, через которую мог бы проникнуть сколько-нибудь значительный отряд противника. Разъездам предписывалось занимать каждую деревню или хутор и разоружать их жителей. С этой целью они должны были отбирать у населения скот и зерно, хранившееся в амбарах, а также арестовывать виднейших граждан и не возвращать крестьянам ни скота, ни зерна и не освобождать заложников до тех пор, пока население добровольно не сдаст оружие»{147}.

Следует заметить, что немцы использовали тактику окружения с другой целью: окружение было их лучшим тактическим приемом для уничтожения партизан в бою. Как указывается в наставлении, его осуществление требует крупных сил, но зато обеспечивает решающий успех.

Однако в тех случаях, когда для осуществления окружения не хватало сил или времени или же характер местности не позволял выбрать этот вид боя, немцы старались уничтожить партизан посредством внезапной атаки и последующего преследования.

И наконец, одной из форм борьбы было использование ягдкоманд. Считалось, что ягдкоманды более всего способны препятствовать созданию партизанских отрядов и нарушать их коммуникации. [208]

Перед тем как перейти к рассмотрению этих разнообразных способов ведения боя, следует вспомнить, как смотрел на партизанскую войну Ковпак. Он говорил, что труднее всего партизанам приходилось в оборонительных боях, которые навязывал им противник{148}. Самых больших успехов Ковпак добивался тогда, когда он мог свободно маневрировать. Отсюда явствует, что наиболее успешный тактический прием заключается в том, чтобы лишить противника свободы маневра и навязать ему оборонительный бой.

Именно поэтому войска, ведущие борьбу против партизан, должны постоянно заботиться о сохранении за собой инициативы. Само собой разумеется, если у командира мало сил, чтобы окружить партизан, он должен без колебания внезапно атаковать противника. Это лучше, чем ничего. В случае же налета партизан антипартизанские силы должны быстро перейти в контратаку.

По этой же причине любое наступление против партизан должно быть внезапным. Можно считать, что наступление, проводимое в трудных условиях — плохая погода, непроходимые дороги, — почти всегда будет неожиданным для партизан. Намечаемое наступление должно сохраняться в строжайшей тайне, особенно в период его подготовки. Именно поэтому немецкое наставление требует, чтобы все подготовительные мероприятия были известны только очень узкому кругу штабных офицеров. Наставление далее предписывает избегать разговоров по телефону о готовящемся наступлении, пользоваться кодом и сообщать личному составу о проведении наступления только перед самым его началом. По наставлению, к району сосредоточения можно подходить только с наступлением темноты. При этом исходные позиции следует занимать лишь по прибытии главных сил.

Войска должны научиться бесшумно передвигаться и искусно маскироваться. Им следует научиться у партизан умело вводить противника в заблуждение, заставить его думать, что нападение готовится, например, с востока, а вместо этого внезапно ударить с запада, [209] или, как говорится в наставлении, с целью ввести в заблуждение разведку партизан подход рекомендуется осуществлять таким образом, чтобы противник не смог разгадать истинные намерения наших войск; напротив, нужно дать ему основания для ошибочных умозаключений; чем большую мобильность проявят при этом войска, тем легче будет ввести партизан в заблуждение.

Окружение — это действия крупного масштаба, и нельзя недооценивать сопряженные с этим трудности. Майор Робинсон в своей статье «Воспоминание командира роты о боевых действиях в Малайе» вот что рассказывает о своем боевом опыте:

«Установлено, что наиболее успешными были действия, проводившиеся силами одной роты. Основываясь на личном опыте, я склонен думать, что шансов на успех тем меньше, чем крупнее мероприятие и выше штаб, который его проводит. В джунглях, где на значительные районы не имеется хороших карт, не только невозможно управлять крупными силами, но и сосредоточение таких сил является столь трудным делом, оно требует такой большой подготовки и происходит в условиях, в которых так трудно обеспечить надежное охранение, что если бандиты, паче чаяния, не догадываются покинуть данный район после часа «ч», то они, несомненно, покинут его до того, как мы достигнем исходного рубежа и успеем расставить свои засады, и, конечно, до того, как наши главные силы начнут наступление»^[149].

Как же немцы решили эту задачу? Они всегда придерживались мнения, что действия по окружению могут быть успешными только при наличии достаточных сил. С целью экономии сил они решили, что окружать следует только тот район, где действительно находится партизанский отряд. Соседние же районы, где только предполагается наличие партизан, должны оставаться в стороне. В том случае, когда сил и средств оказывалось недостаточно для решения и этой задачи, окружать следовало только наиболее важный участок данного района.

Районы сосредоточения немецких войск, проводящих [210] окружение, находились на большом удалении от месторасположения партизан. Войска должны были выступать из районов сосредоточения с таким расчетом, чтобы выйти на рубежи окружения одновременно. Цель состояла в том, чтобы окружить партизан быстро и надежно; неплотное кольцо окружения считалось недостаточным.

Немцы также считали, что решающим периодом на первом этапе окружения является время от выхода на рубежи окружения до завершения оборонительных мероприятий. Чтобы не дать партизанам прорваться через боевые порядки подразделений первого эшелона, немцы использовали там станковые пулеметы, в то время как главные их силы завершали создание плотного кольца окружения. Кроме того, на открытой местности немцы создавали позиции для подразделений второго эшелона. Для ведения огня по закрытым позициям противника немцы также использовали тяжелые и легкие минометы. Тропинки и дороги, ведущие к линии окружения, простреливались огнем противотанковых пушек. И наконец, в тылу своих позиций немцы размещали подвижные подразделения.

Таким образом, рубеж, на который выходили войска с целью окружения, превращался в прочную линию обороны. Всякие попытки противника прорваться должны были пресекаться сосредоточенным огнем. Если же части партизан все же удавалось прорваться, войска окружения, оставаясь на своих позициях, должны были ликвидировать образовавшуюся брешь. Преследование прорвавшегося противника возлагалось на резервы.

Успех такого крупного боя в значительной степени зависит от способности командира антипартизанских сил оказывать постоянное влияние на действия подчиненных ему частей и подразделений. Опыт немцев доказал целесообразность нижеследующих мер:

- а) заблаговременная организация проволочной связи и радиосвязи с целью обеспечения быстрой передачи донесений и указаний, использования наряду с этим конных связных и, если позволяет местность, мотоциклистов;
- б) использование командиром вертолета с целью иметь возможность быстро вмешиваться в руководство боем на решающих участках; [211]
- в) постановка перед частями и подразделениями ближайших задач и ознакомление их с общим планом действий, что позволяет им действовать с известной самостоятельностью.

Создается впечатление, будто все эти меры вызваны к жизни тактикой Роммеля. Его опыт руководства боевыми действиями танков нашел предельно точное воплощение в методах руководства действиями против партизан.

Немцы изобрели по меньшей мере четыре способа уничтожения окруженных партизан:

- а) сужение кольца окружения и последовательное уничтожение;
- б) метод «охоты на куропаток»;
- в) вбивание мощных клиньев и уничтожение по частям;
- г) использование ударных групп.

Поскольку это чисто тактические приемы, мы не будем здесь на них останавливаться. Те же, кого это интересует, могут прочесть подробное описание этих способов в приложении. На этом мы заканчиваем рассмотрение тактики окружения.

Второй вид боевых действий против партизан — уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием — значительно проще. Он осуществляется меньшим количеством сил и требует меньше времени на подготовку. Здесь главное — внезапно атаковать партизанский отряд, навязать ему бой, уничтожить в ходе атаки как можно больше живой силы противника, затем начать преследование и уничтожение раздробленных групп. Главная цель — захватить или уничтожить штаб партизан. Успех этого вида боя зависит от максимального использования момента внезапности, который в свою очередь обеспечивается разведкой. И снова любознательных читателей мы отсылаем к приложению.

И наконец, использование ягдкоманд. Когда французский маршал Бюжо^{150} вел бои с партизанами [212] Абд-эль-Кадира^{151} в Алжире, он «построил свои войска в небольшие компактные колонны, имевшие в своем составе несколько пехотных батальонов, два кавалерийских эскадрона, две горные пушки, небольшой обоз на мулах и верблюдах. Так как быстрота действий играла первостепенную роль, он использовал только специально отобранных людей, крепких и выносливых, способных переносить местную жару... В результате этих методов, обеспечивавших удивительную быстроту передвижения, маршал одерживал победу за победой над дикими сторонниками эмира»^{152}.

Колонны маршала Бюжо были первыми в истории отрядами по борьбе с партизанами типа ягдкоманд, и хотя у немцев эти отряды имели другую организацию, они по существу представляли то же самое. Они состояли из хорошо обученных бойцов, собранных из различных частей и действовавших в составе небольших подразделений, при этом действия их отличались стремительностью и внезапностью. В своей тактике они старательно подражали действиям партизан. Поскольку ягдкоманды представляли собой небольшие подразделения — силой до взвода или роты, — в любом бою их можно было использовать в большом количестве. Эти команды являлись самым эффективным средством немцев в борьбе с партизанами.

В главе VI мы уже познакомили читателя с инструкцией для ягдкоманд. Более подробные сведения о ягдкомандах читатель найдет в приложении. Здесь же мы хотим разобрать еще только два вопроса: использование для поддержки других родов войск и снаряжение войск, ведущих борьбу с партизанами.

Немцы очень осторожно использовали авиацию для поддержки войск, проводивших операции против партизан. Как отмечалось выше, они опасались, что неожиданное [213] появление самолетов предупредит партизан о готовящихся против них действиях и тем самым поставит под

угрозу их успех. С первого взгляда создается впечатление, что немцы просто старались найти оправдание тому, что они не выделяли надлежащего количества авиации для поддержки своих войск, которые вели борьбу с партизанами. Ведь к 1944 году стало ясно, что геринговская авиация была явно уже не в состоянии справиться с выполнением многочисленных задач, стоявших перед ней. И, естественно, оперативный отдел штаба ВВС, принимавший участие в подготовке наставления по борьбе с партизанами, повлиял на выработку соответствующих положений наставления.

Однако наш собственный опыт подтверждает правильность подхода немцев к решению этой проблемы. В Малайе «авиация применялась в широких масштабах, но надо признаться, что результаты были разочаровывающими. Сейчас еще нельзя сказать, исправило ли положение недавнее (в 1950 году) увеличение здесь сил авиации. Английская авиация очень успешно выполняет задачи по обнаружению и поражению небольших объектов в джунглях. Но быстрота, с которой партизаны исчезают из занимаемых ими районов, как только услышат рокот приближающихся самолетов, обычно сводит эффективность налета авиации на нет. Теоретически район, намеченный для обработки авиацией, должен быть окружен войсками, ожидающими ее прибытия... Но появление войск в непосредственной близости от района сосредоточения партизан, несомненно, вынудило бы их уйти из этого района возможно даже еще до того, как самолеты вылетели бы со своих баз»{153}.

Из вышеприведенной выдержки явствует, что воздушные налеты могли быть успешными лишь в том случае, когда вокруг достаточно большого района действий партизан вовремя создавалось плотное кольцо окружения, что фактически немцы и делали. К сожалению, у нас нет никаких немецких сведений относительно проведения ими боев при поддержке с воздуха. И хотя сейчас трудно [214] высказать сколько-нибудь определенное мнение по этому вопросу, нам кажется, что после создания плотного кольца окружения поддержка авиации весьма желательна. В конце концов еще не было случаев, чтобы партизаны добились или пытались добиться превосходства в воздухе, так что, видимо, можно сделать заключение, что поддержка авиацией войск, ведущих бои с партизанами, имеет для них такое же большое значение, какое она имеет для других наземных войск. Но пока не завершено окружение, авиацию следует использовать с большой осторожностью, особенно для разведывательных целей.

Задачи авиации, осуществляющей поддержку войск, ведущих боевые действия против партизан, весьма многообразны. Прежде всего авиация добывает разведывательные данные о расположении партизанских отрядов. Авиация может также нарушать воздушные коммуникации партизан, сбивать их транспортные самолеты и вести наблюдение за полетами транспортной авиации партизан, раскрывая порядок приема и отправки партизанами самолетов (создание посадочных площадок, система сигнализации — ракеты, костры и т. п.). Получив все эти сведения, можно использовать сигналы партизан и тем самым вводить их авиацию в заблуждение. Кроме того, авиация может проводить бомбежку опорных пунктов партизан и уничтожать их живую силу. В случае необходимости авиация может сбрасывать предметы снабжения войскам, ведущим борьбу с партизанами. В особых случаях могут быть высажены планерные и парашютные десанты. И наконец, на период боя авиация выделяет в распоряжение командиров антипартизанских частей вертолеты. Во время боя авиация, конечно, поддерживает непрерывную связь с наземными войсками.

Немецкое наставление гласит, что в боях с партизанами большую роль играют разведывательные и другие типы танков, даже устаревших конструкций, и не только потому, что они обладают большой огневой мощностью, но и потому, что они оказывают на партизан сильное моральное воздействие. Беда, однако, в том, что применение танков в заболоченной местности, лесах и горах сопряжено с большими трудностями, а иногда и вовсе невозможно. [215]

Значительно шире в войне с партизанами немцы использовали бронепоезда. В борьбе с партизанами последние выполняли следующие задачи:

- а) проникали в районы действия партизан;
- б) оказывали артиллерийскую поддержку войскам в боях с партизанами;
- в) принимали непосредственное участие в боях с партизанами, используя свои подвижные средства, как-то: разведывательные бронеавтомобили, танки, минометы и т. д.;
- г) блокировали пути отхода партизан;
- д) в особых случаях использовались как командные пункты командиров частей, ведущих действия против партизан.

Кроме того, бронепоезда выполняли также и такие задачи:

- а) доставляли снаряжение и продовольствие подразделениям железнодорожной охраны, ведущим боевые действия;
- б) охраняли станции, мосты и другие объекты, которым угрожали партизаны;
- в) конвоировали товарные поезда с важными грузами.

Немцы, кажется, предусматривали использование бронепоездов даже в качестве своеобразных ягдкоманд, однако никаких сведений об этом не сохранилось.

Использование моторизованных частей было сопряжено с такими же трудностями, как и применение танков. До введения в бой моторизованных частей требовалось проводить тщательную разведку. Там, где местность позволяла применять моторизованные или механизированные части, им поручалось следить за передвижениями партизан, а в случае необходимости даже предупреждать эти передвижения. Для выполнения других задач немцы использовали кавалерийские подразделения, небольшие повозки, сани, вьючных животных и так называемых «носильщиков».

Итак, мы подошли к последнему вопросу — снаряжению войск, ведущих борьбу с партизанами. В наставлении подчеркивается, что такие подразделения всегда должны обеспечивать себе огневое превосходство. Именно [216] поэтому во главе ударной группы всегда ставился командир подразделения тяжелого пехотного оружия. Снаряжение частей определялось спецификой стоящих перед ними задач. Предпочтение отдавалось тому оружию, которое можно было быстрее всего применить; на вооружении у антипартизанских частей были пистолеты, автоматические карабины, автоматические винтовки, снайперские винтовки, ручные и станковые пулеметы, легкие и тяжелые противотанковые пушки, легкие пехотные пушки, легкие зенитные орудия и ранцевые огнеметы. Тяжелое оружие обычно не применялось, исключая случаи, когда проводились действия по окружению. Да и тогда оно использовалось только для ведения заградительного огня. Ввиду трудностей пополнения снаряжения войска перед началом действий сразу же брали с собой необходимое количество боеприпасов и взрывчатки.

Кажется, сама мудрость заставила немцев включить следующий пункт в их наставление:

«В борьбе против партизанских отрядов особую важность приобретает отношение к нам населения. Партизанские отряды не могут существовать в течение сколько-нибудь длительного времени среди населения, которое поддерживает с нами хорошие отношения... Административные власти своим справедливым обращением, последовательным и энергичным руководством, настойчивой и

целенаправленной разъяснительной работой обязаны добиться того, чтобы население поддерживало с нами нормальные отношения.

Мы должны добиться того, чтобы крестьяне сами защищали свою собственность от посягательства на нее партизан. При этом мы можем снабжать их оружием и оказывать необходимую поддержку техникой, если они докажут свою благонадежность...»

Но все это оказалось лишь благим намерением. Мудрость посетила немцев слишком поздно! [217]

ГЛАВА IX. ПРОВАЛ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

Пир отшумит, и черная, как ночь,
Расплата приползет, прогнав веселье прочь.

Советские партизаны не знали этих слов Гегеля^{154}, но чувства и мысли, выраженные в них, были хорошо им знакомы, и это прекрасно показал Ковпак, рассказав следующий эпизод из жизни его партизанского лагеря:

«Перед уходом из Спадщанского леса путивляне похоронили трех бойцов: Ильина, Челядина и Воробьева. Недолго они воевали, но мы никогда не забудем этих первых павших в бою партизан. Место для их могилы выбрали недалеко от землянок, в глухой чаще, чтобы немцы не нашли могилы и не осквернили ее. Земля уже промерзла, рыли с трудом, торопились. За ночь надо было выйти из лесу и скрытно проскочить между хуторами, в которых расположился после боя противник, намеревавшийся утром возобновить наступление.

Перед могилой собрались все наши семьдесят бойцов и командиров с оружием, гранатными сумками, заплечными мешками. Тут же стояли две запряженные в подводы лошади — наш обоз.

Было темно, люди стояли молча, и вдруг раздался голос:

— Товарищи! Поклянемся!..

Кто говорит, не видно, только по голосу узнали: Руднев.

Все придвинулись к могиле, собрались вокруг нее тесным кругом. [218]

Что было тогда у людей на душе, все сказали они в клятве, которую произнесли, повторяя слова комиссара. Высказали всю накопившую злобу, всю ненависть к немцам — за погибших товарищей, за то, что приходится уходить из родного района, за семьи, оставшиеся в селах. За все клялись мы отомстить...»^{155}

Позднее генерал Ковпак пишет о том влиянии, которое оказали на партизан зверства, совершенные немцами над гражданским населением — стариками, женщинами и детьми:

«Девушки (из партизанского отряда) теперь знали, что нет более подлых преступников в мире, чем гитлеровцы, но то, что они увидели в обгащенной кровью Новой Слободе, буквально ошеломило их. Раньше мы старались беречь своих девушек, не брали их на очень опасные операции, но после того, что они увидели в Новой Слободе, их нельзя было удержать... В результате мирные советские люди стали страшными народными мстителями»^{156}.

Эти два отрывка в известной степени объясняют, почему у русских партизан был такой высокий боевой дух, а также показывают, как немцы по своей глупости сами способствовали его укреплению. Сведения о разрушении небольших русских деревень и уничтожении их жителей не были чьим-то вымыслом. Это видно из многочисленных донесений самих немцев. Вот два примера.

Одна из дивизий 3-й танковой армии в качестве репрессии за партизанский рейд предприняла так называемое «наступление» на беззащитную деревню Барсуки. После обстрела деревни из легких

противотанковых пушек немцы атаковали ее с двух сторон, и, как указывается в заключение в донесении, «гражданское население было расстреляно, а деревня сожжена дотла». [219]

В качестве второго примера приведем отрывок из донесения № 580. В нем говорится следующее:

«16 октября 1942 года близ Вереггино задержано и ликвидировано большое количество подозрительных лиц. Населенный пункт Вереггино сожжен. Во время прочесывания этого района большое число подозрительных лиц было расстреляно. Сожжено еще несколько деревень».

Мы не ставили себе задачу объяснить, почему немцы проиграли войну в России. Однако следует сказать несколько слов о том, почему немцы напали на Россию, ибо ответ на этот вопрос укажет нам на одну из причин, почему немцы совершили грубую психологическую ошибку в их отношении к русскому населению.

После падения Франции в 1940 году Гитлер должен был искать новую жертву. Выбор, очевидно, пал на Великобританию, и в этом направлении немцы провели некоторую подготовку. Но приготовления эти осуществлялись без должной энергии, пока наконец и вовсе не прекратились, и новым объектом вместо Великобритании была избрана Россия. Почему Гитлер решил вначале напасть на Россию, никто пока убедительно не объяснил. Гитлер доказывал, что СССР был последним потенциальным союзником Великобритании в Европе, и, разбей Германия Россию, Великобритании пришлось бы запросить мира. То, что Гитлером руководили именно такие соображения, не подлежит сомнению, ибо захваченные немецкие документы полностью это подтверждают. Однако такое объяснение не является исчерпывающим: ведь Гитлер мог бы сначала нанести удар по Великобритании, а не по СССР, тем более, что в тот период Советский Союз не хотел быть втянутым в войну с Германией или воевать на стороне Англии.

У Гитлера никогда не было сомнений на тот счет, что рано или поздно он вынужден будет напасть на Россию и захватить ее: Европа была слишком мала, чтобы в ней могли ужиться нацизм и коммунизм, и интересы гитлеровского «нового порядка» в Европе требовали уничтожения Советов. Нам нет необходимости подробно останавливаться на этих вопросах, они изложены в «Майн кампф» и в многочисленных речах нацистов. Гитлер, [220] по нашему глубокому убеждению, избрал Россию своей следующей жертвой не по прихоти, а будучи вынужденным к этому состоянием своей военной экономики.

Если бы Англия имела достаточно продовольствия и нефти и не ввозила бы их, Гитлер, возможно, напал бы на нее в первую очередь, но он выступил против России, ибо там он рассчитывал получить стратегическое сырье и продовольствие, без которых он не мог продолжать войну.

Геринг к этому времени стал экономическим диктатором Германии. Пользуясь своим положением, он в ноябре 1940 года созвал важное совещание. На совещании присутствовали: его помощник по экономическим вопросам статс-секретарь Кернер, который всегда старался действовать в соответствии с высшими нормами прусской государственной службы, но из-за своей слепой преданности Герингу, которого он поддерживал еще до прихода нацистов к власти, он был впоследствии осужден как военный преступник; генерал фон Ганнекен — руководитель государственного управления чугуна и стали, учтивый человек и весьма приятный собеседник, по его апелляции с него были сняты обвинения в совершении им военных преступлений в Дании; генерал Томас — начальник военно-экономического штаба, участник заговора против Гитлера; Нейман — статс-секретарь по вопросам четырехлетнего плана и Бакке — министр продовольствия и сельского хозяйства. Генерал Томас (умерший после войны) оставил много важных документов по военной экономике Германии; судя по его запискам, рейхсмаршал информировал участников этого совещания о проекте наступления на Востоке. Время начала военных действий на совещании указано не было. Перед присутствующими была лишь поставлена задача: подготовить и осуществить широкую «экономическую программу».

Сразу же после совещания его участники приступили к выполнению этой задачи, начав сбор самых подробных сведений о всех отраслях экономики России. Затем они стали тщательно изучать запасы и источники сырья в России и вырабатывать проект будущей организации по вывозу сырья из этой страны. [221]

К концу апреля 1941 года работа эта была в основном закончена, и 1 мая 1941 года состоялось новое совещание статс-секретарей. На этом совещании, которое происходило всего лишь за семь недель до начала вторжения в Россию, они смогли высказать свое компетентное мнение и прийти к окончательным выводам. В памятной записке выводы этих руководителей германской экономики суммируются в следующих нескольких предложениях, определивших направление развития международных событий:

«Война может продолжаться лишь в том случае, — говорится в памятной записке, — если на ее третьем году все наши вооруженные силы будут снабжаться за счет русских ресурсов. В результате после того, как мы вывезем из страны все, что нам необходимо, десятки миллионов русских, несомненно, умрут с голоду».

Это решило дело: если Гитлер хотел, чтобы немецкая военная машина продолжала действовать, у него не было никакого другого выбора, как только напасть на Россию. Снисходительности по отношению к русскому населению не могло быть места: этой программой ему предопределялось умирать с голоду. Именно по этим причинам высшие нацистские руководители не могли принимать в расчет интересы своих доброжелателей в СССР, если бы даже они захотели этого.

Но чтобы обеспечить работу своей военной машины, немцам нужно было не только продовольствие. На основании тщательного всестороннего изучения состояния немецкой военной экономики, которое было проведено одним из авторов этой книги по просьбе американских правительственных органов, нам стало ясно, что военная промышленность Германии вплоть до 1943 года (а по самым оптимистическим оценкам, до 1942 года) была не в состоянии обеспечить развертывание войны в широких масштабах. Неудивительно, что в 1941 году немцы испытывали острую нужду в большом количестве стратегических материалов, которые мог бы поставлять СССР. В плане эксплуатации русского промышленного сырья его авторы первое место отводили нефти, за которой следовали уголь, железо, сталь и лес. Кроме того, для снабжения населения Германии требовалось большое количество [222] продовольствия. Цель «экономических операций» на советской территории была определена статс-секретарем Кернером{157} в следующих недвусмысленных выражениях:

«Экономическому руководству на вновь захваченной территории всю свою деятельность следует подчинить изъятию максимального количества товаров, необходимых для ведения войны... Все другие цели должны отойти на второй план».

Так оно и поступало. А в результате, даже антисоветские элементы в СССР поднимались на вооруженную борьбу против немцев и присоединялись к партизанам.

В том, что Гитлера убедили напасть на Россию его экономические советники, не может быть сомнения. Вот, что писал Гитлер Муссолини 21 июня 1941 года, за день до нападения на Советский Союз:

«Что касается войны на Востоке, дуче, то, безусловно, она будет трудной, однако я ни минуты не сомневаюсь в большом успехе этого дела. Прежде всего я надеюсь, что вскоре это даст нам возможность получить на Украине общую базу снабжения продовольствием, которая в состоянии будет обеспечить нас таким дополнительным количеством продовольствия, какое нам может понадобиться в будущем»{158}.

Подобную политику в отношении русского населения сторонники нацистов и сейчас еще будут оправдывать военной необходимостью. Они также могут попытаться оправдать зверства СС и СД необходимостью полного и окончательного искоренения большевизма. Однако факты показывают, что борьба нацистов была направлена не против большевизма, а против русского

народа. Такое отношение к русскому населению было не просто безнадежно ошибочным: оно принесло огромный вред самим немцам. Создается впечатление, что немцы сознательно разжигали партизанское движение и вселяли в народ ту веру в правоту его борьбы, которая нужна была ему для достижения успеха. [223]

Не требуется большого воображения, чтобы понять, что немцы понесли бы значительно меньше жертв, если бы они сумели склонить :на свою сторону хотя бы часть населения России. Дальновидные немцы скоро поняли, что этого можно было бы добиться, если бы с самого начала применялась другая тактика.

Вот что пишет в своем дневнике посол Ульрих фон Гассель, один из руководителей движения, участники которого предприняли 20 июля 1944 года попытку убить Гитлера:

«Борьба против России, которую начал Гитлер, была таким же безрассудным предприятием, как и вся война вообще. После того как война началась, мы могли воспользоваться в пропагандистских целях одной возможностью — с нравственной точки зрения единственной хорошей возможностью — вести войну исключительно против большевизма под лозунгом освобождения русского народа, с которым у немцев не было никаких разногласий. Случилось обратное — Гитлер сплотил Россию вокруг Сталина против Германии». И далее: «Военная обстановка характеризуется неожиданно крупными успехами русских и поднимающейся волной ненависти против нашей безумной политики»{159}.

Фон Гасселя этот вопрос занимал и ранее. 13 июля 1941 года он пишет, что борьба оказалась значительно тяжелее, чем предполагалось. Он приходит к выводу, что война ведется не против большевизма, а против русского народа, причем наиболее убедительным доказательством этого, по его мнению, было назначение фон Розенберга, смертельного врага русских, руководителем гражданской администрации на Востоке.

Для более полного представления об этой политике познакомимся с позорной речью Гимmlера, произнесенной им в октябре 1943 года в Познани{160}:

«Что случится с русским или чехом, меня нисколько не интересует... Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь [224] в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры, в ином смысле это меня не интересует. Погибнут или нет от изнурения при рытье противотанкового рва 10000 русских баб, интересует меня лишь в том отношении, готов ли для Германии противотанковый ров»{161}.

О партизанах Югославии Фитцрой Маклин говорит следующее:

«С чисто коммунистическим упорством и твердостью партизаны выполняли поставленные перед собой задачи, не считаясь ни с неудачами, ни с репрессиями. Своей жизнью при этом они совсем не дорожили. Что касается мирных жителей, то они также находились на линии огня и у них было столько же возможностей умереть героической смертью, сколько и у партизан.

Чем больше расстреливали немцы мирных жителей, чем больше они сжигали деревень, тем больше обозов противника попадало в засады партизан и тем больше мостов взлетало на воздух.

Проводить такую политику было тяжело, особенно людям, действующим на своей собственной территории, однако в конечном итоге она была оправдана ходом событий»{162}.

То же самое можно было бы написать и о советских партизанах. Война эта стала войной на истощение, причем больше всего страдало гражданское население.

Эту мысль хорошо иллюстрирует следующий рассказ немецкого писателя:

«На следующее утро стало ясно, что где-то в городе находится советский артиллерийский наблюдательный пункт... Днем позже я увидел странную процессию в районе порта. Пять немецких и несколько русских полицейских вели человека, закованного в кандалы. Он шел с гордо поднятой головой и нес большую

надпись на русском и немецком языках: «Я направлял огонь советской артиллерии на Херсон и я виновен в смерти 63 русских женщин и детей, не считая немецких солдат. Поэтому я сегодня буду повешен...» [225]

Старый крестьянин по складам разбирает эти слова. Услужливо, с видимым удовлетворением осужденный прочел ему весь текст.

— Ты действительно это сделал? — медленно спросил крестьянин. Осужденный ответил удовлетворительно.

— Ну и поделом тебе! — сказал тихо старик. — Я рад, что дьявол, наконец, позаботится об этих проклятых комиссарах.

— Они вернутся, — спокойно ответил осужденный.

Старик с ужасом перекрестился...

— Да дарует бог тебе скорый конец, — сказал он и дал осужденному папиросу.

— Когда ты умрешь?

— Сегодня вечером, — вежливо ответил коммунист и снова двинулся вперед.

Ошеломленные мы посмотрели друг на друга: неужели же русские живут по разным законам?»{163}

Как теперь ясно, немецкая политика террора началась с изданием Гитлером директивы «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». В декабре 1941 года{164} Гитлер через верховное командование вооруженными силами издал столь же позорную директиву. Развенчав идею «рыцарского поведения солдат», он заявил, что войска «имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху». Столь же печален и тот факт, что ряд генералов согласился с этим принципом{165}. Примером этому могут [226] служить рекомендации, представленные генералом Рейнгардтом{166} командованию группы армий «Центр», в которых говорится, что в целях получения необходимых показаний при допросе партизан, в том числе и женщин, необходимо применять все средства.

Читатель, вероятно, уже обратил внимание на выражение «допрос пленных партизан», встречающееся в немецких директивах. Чтобы было ясно, что это обозначает, обратимся к специальной директиве, изданной штабом 257-й пехотной дивизии. В ней говорится следующее: [227]

«Все допрашиваемые должны быть предупреждены самым суровым образом о необходимости говорить правду. Во всяком случае, они знают, что с самого начала допроса их будут избивать.

Кто-либо из допрашиваемых, безусловно, даст показания относительно партизан. Однако, если, как это обычно бывает, допрашиваемый сначала притворяется, что он ничего не знает о партизанах, а позднее сообщает какие-нибудь сведения, его надо подвергнуть более тщательному допросу (около двадцати пяти ударов резиновой дубинкой или плетью). Каждый раз вслед за вопросом необходимо добавлять слово «говори», например:

— Где находится командир партизанского отряда? Говори!

— Какие задания вам поручили? Говори! — и т. д.

Лицо, допрашиваемое таким образом, будет продолжать говорить, и, когда ему прикажут сообщить все остальное из того, что ему известно, его необходимо подвергнуть еще двадцати пяти ударам...

Лица, которые подверглись такому суровому и тщательному допросу... должны быть ликвидированы вместе с осужденными...

Казненные должны быть захоронены таким образом, чтобы родственники не могли найти могилы и откопать их трупы».

Одна только мысль о таком «допросе» вызывает ужас, но, к счастью для партизан, немногие из них попадали в руки немцев и проходили через это испытание.

Когда генерал Рейнгардт приказывает: «Партизаны в бою должны быть уничтожены. Любые методы допустимы. Личный состав, который применяет их против партизан, освобождается в таких случаях от наказания», — он выполняет приказ верховного командования, следуя его точке зрения, но отнюдь не руководствуясь при этом чувствами человечности.

Обратимся еще раз к дневнику фон Гасселя и посмотрим, как он оценил влияние гитлеровской политики террора на судьбу одного немецкого офицера:

«Вся война на Востоке ужасна — это возврат к варварству. Молодой офицер, сейчас он в Мюнхене, получил [228] приказ расстрелять 350 мирных жителей якобы партизан (среди которых были женщины и дети). Люди эти были согнаны в большой сарай. Сначала он колебался и потому был предупрежден, что за невыполнение приказа его ждет смерть. Офицер попросил десять минут подумать и затем выполнил приказ, расстреляв людей из пулеметов. Этот случай настолько его потряс, что впоследствии, воспользовавшись легким ранением, он решил более не возвращаться на фронт»{167}.

Не может быть сомнений, что значительная часть вермахта возражала против подобных приказов, и доказательством этому служит то обстоятельство, что был издан новый вариант «Десяти заповедей». Генерал Бус-се заявил, что командование группы армий «Юг» в 1943 году пересмотрело эти заповеди с учетом особенностей войны в России и переиздало их в связи с тем, что в это время в группу армий влилось большое количество новых солдат. Для того чтобы добиться с их стороны надлежащего поведения, им была роздана следующая листовка:

Листовка для солдат

Десять заповедей относительно взаимоотношений с русскими{168}

1. *Всегда сохраняйте свой авторитет среди местного населения.*

Не будьте высокомерны! Русские очень критически относятся к людям, пытающимся создать себе фальшивый, «дутый авторитет». Так называемое «покровительственное, хозяйское отношение» к другим обычно рекламируют те, кто не в состоянии завоевать авторитет другими путями. Настоящий авторитет завоевывается энергичными, эффективными действиями и образцовым поведением.

2. *Будьте справедливы!*

С каждым местным жителем необходимо обращаться строго, но справедливо. В России немцы всегда пользовались репутацией в высшей степени справедливых [229] людей. Русский больше всего ненавидит несправедливость. Русский — очень хороший работник. Если с ним хорошо обращаться, то он работает с охотой и старанием. Русский сообразителен и восприимчив. Если его знакомят с каким-нибудь новым методом работы, то на первых порах он относится к нему с недоверием. Однако если он убедится в его полезности, он охотно им воспользуется. Русский привык к тому, чтобы им кто-то управлял. Указания должны даваться таким образом, чтобы они были поняты тем, кто будет их выполнять. Не рекомендуется давать подробных указаний и не следует всецело полагаться на инициативу русских на отдельных стадиях работы. За ходом работы следует постоянно следить. В случае плохого выполнения отданных приказаний, безусловно, следует сделать замечание.

3. *Поощряйте русского, если он работает хорошо!*

Если его не поощрять, то он теряет интерес к работе. Незначительные подарки и специальные вознаграждения, если они заслужены, часто творят чудеса.

4. *Не бейте русских!*

Русский дорожит своим достоинством. Если его бьют, он никогда этого не забудет. Телесные наказания в России не применяются. Царский режим ненавидели именно потому, что битье кнутом и казнь через повешение были тогда обычным явлением. Большевики, хорошо усвоив это, категорически запретили публичные телесные наказания и казнь через повешение. В течение длительного времени их пропагандисты описывали телесные наказания и казнь через повешение как высшее проявление варварства. Сейчас в советской пропаганде много говорится о применении нами в отношении партизан смертной казни через повешение с целью вызвать к немцам такую же ненависть, как к царскому режиму.

5. Избегайте любых высказываний в адрес русских, которые дают понять, что немцы по отношению к ним являются высшей расой.

Русские, особенно белорусы, украинцы и великороссы на севере, принадлежат к арийской расе. У многих из них в жилах течет кровь викингов, чем они гордятся. Русский знает, что во многих отношениях он еще не достиг культурного уровня народов Запада. В течение столетий [230] он пытался достичь этого — и небезуспешно. Он очень обижается, если на него смотрят как на представителя низшей расы или «колониального народа». Пропаганда партизан в качестве аргумента против нас использует утверждение, что Германия хочет поработить всех русских и превратить их в «колониальный народ».

Не презирайте русских за то, что они одеваются однообразно и серо и часто выглядят бедными и оборванными: это объясняется условиями жизни в советскую эпоху, недостатками военного времени и климатическими условиями.

6. Уважайте русских женщин и девушек точно так же, как вы уважаете немецких!

При общении с русским населением никогда не следует забывать, что Германию считают — и желательно, чтобы продолжали считать, — самым культурным государством. Избегайте проявлений грубости, непристойности и дерзости по отношению к женщинам и девушкам, не наносите им оскорблений.

7. Откажитесь от самовольных конфискации и незаконных реквизиций продовольствия и имущества.

Подобный произвол недопустим. Он вызывает у русских чувство горечи и бесправия. Более того, такие действия дают русским основание приравнять немцев к большевистским эксплуататорам.

8. При разговоре с русскими всегда проводите разницу между русскими и большевиками!

Поскольку убежденные большевики составляют лишь незначительную часть населения Советского Союза, русские предпочитают, чтобы на них не смотрели как на большевиков [169]. Если требуется подвергнуть что-нибудь [231] критике, то во всем следует обвинять большевиков. Критиковать русских следует сурово, но справедливо и вежливо.

9. Будь сдержанным при разговоре с русскими о религии!

Русским необходимо обеспечить полную свободу вероисповедания. Мы не должны применять какого-либо давления в этом отношении. Любое нарушение свободы вероисповедания рассматривается как неуважение к религии, как поступок, наносящий ущерб престижу Германии.

10. В обращении с русскими проявляйте спокойствие и чувство собственного достоинства: этим вы добьетесь большего, чем криками и руганью!

Русский не выносит окриков и ругани. Делать ему замечание нужно только в том случае, если он знает, что поступил неправильно. Большинство русских плохо понимает немецкую речь. Если же на них кричать, то от этого немецкий язык не станет им понятнее, наоборот, это еще больше собьет их с толку. Глупо думать, что при помощи крика можно сделать свой язык понятнее и легче и таким образом передать свои желания и приказания жителям другой страны».

Но опять-таки эти инструкции были изданы слишком поздно, чтобы смягчить последствия гитлеровской политики террора.

Во всяком случае, какой смысл было вермахту «быть справедливым» в отношении к русским, когда руководители СД доносили, что «в соответствии с указаниями фюрера они выполняют свои задачи со всей безжалостностью, особенно в тех районах, где действуют партизаны и где

рекомендуется поступать чрезмерно строго. Свои действия в оперативном районе полиция безопасности основывала на выполнении приказов по осуществлению плана «Барбаросса». При этом указывалось, что к числу существенных элементов программы репрессий относится и расстрел детей!

И наконец, «Приказ об эвакуации», эта последняя капля, переполнившая чашу терпения русских. Не желая быть вывезенными в Германию для рабского труда, [232] трудоспособные жители бросали работу и вступали в партизанские отряды.

Те русские, которые ждали немцев как своих освободителей, утратили все свои иллюзии. И в этом им помогли Гитлер, Гиммлер, Розенберг и Геринг. Угроза эвакуации поставила каждого русского перед выбором, и все они предпочли партизанскую жизнь в России, полную смертельных опасностей, рабству в Германии.

Мы полагаем, что привели достаточно убедительных материалов, чтобы читателю стали ясны причины провала мероприятий немцев против партизан. История могла бы вынести свой приговор в следующих словах: немцы своими действиями сами способствовали развитию партизанского движения на всей оккупированной территории Советской России. Они были не в состоянии ликвидировать угрозу, возникновению которой они сами же в значительной степени способствовали: их стратегические концепции в начальный период войны были ошибочными, пересмотрели же их они слишком поздно; их грубые психологические просчеты сводили на нет любые тактические успехи. Немецкие солдаты заплатили дорогой ценой за промахи своих политических и военных руководителей. Для действий против партизан немцам пришлось использовать более двадцати своих дивизий и дивизий союзников, а между тем Германия испытывала постоянную нехватку войск на фронте. Немцы потеряли убитыми, скорее всего, половину личного состава этих дивизий, и им нечем было восполнить потери. А партизаны, несмотря на огромные потери, становились все более многочисленными и более беспощадными в своих действиях, пока, наконец, гигант не стал жертвой комаров.

Немцы несут ответственность за то, что, потерпев поражение в борьбе против партизан, они дали в руки Советов именно то оружие, которое те сейчас столь успешно используют в других частях света. Если мы хотим устранить грозящую нам опасность, то прежде всего мы должны изучить опыт других, а затем применить этот опыт со всей энергией и решительностью. Как это сделать, мы постараемся показать в нашем заключении.

Часть третья. Заключение

ГЛАВА X. ЖИТЬ В ДЕЛАХ

Жить в делах!

Мы живем в делах, но не во времени;

в мыслях, не в дыхании, в чувствах,

но не по циферблату часов.

Мы должны считать время биением сердца.

Байрон, Чайльд-Гарольд, песнь 3, стих 5{170}.

Советские партизаны, как мы уже показали, выполняли две различные задачи: с одной стороны, они вели боевые действия, с другой — занимались разведкой. На характер этих задач наложил свой своеобразный отпечаток тот факт, что партизаны действовали «по ту сторону фронта», то есть

на территории противника. Их боевые части и подразделения выступали в роли арьергардов Красной Армии в то время, когда последняя отступала, и ее передовых отрядов, когда она наступала, так что они были своего рода вспомогательными частями армии. В роли же разведчиков партизаны представляли собой специальный филиал советской агентурной разведки за рубежом.

Партизаны, конечно, не имели непосредственной связи с агентурной разведкой, более того, они, вероятно, даже не знали о ее существовании. Но если агентурная разведка могла раскрыть главные стратегические замыслы немцев, то партизаны в свою очередь могли установить, как проводятся эти стратегические замыслы в жизнь; если агентурная разведка могла раздобыть [236] сведения об отдельных планах немцев, то партизаны могли наблюдать осуществление этих планов. И поскольку партизаны могли следить за противником сразу во многих районах, их данные позволяли русским распознавать главные замыслы врага даже в тех случаях, когда агентуре заранее ничего не удавалось узнать.

Поэтому партизаны вправе считать, что не только честь завоевания побед на полях сражений, но и честь достижения успехов в разведке отчасти принадлежит и им. Давайте же поэтому попробуем соответственно установить заслуги партизан и секретной службы в решающие периоды прошлой войны.

22 июня 1941 года, когда немецкие войска вторглись в Россию, эфир неожиданно заполнился сигналами многих радиостанций. На всей оккупированной Германией территории Европы заработали коротковолновые передатчики. Вскоре на Западе действовало тридцать или сорок, а то и более передатчиков. Донесения посылались на центральную станцию. Эта станция находилась в Москве.

Немцы обнаружили и захватили большую часть передатчиков и арестовали многих агентов, которые ими пользовались, еще до наступления решающего этапа Сталинградской битвы. Однако к этому времени агенты успели уже передать много ценных сведений, которые помогли русским остановить и отбросить назад немецкие войска.

Действия русских агентов во всем напоминают то, о чем рассказывается в голливудских боевиках: здесь и русский офицер, выдающий себя за жителя Южной Америки, и его красивая любовница, ради которой он предает своего ближайшего сотрудника; здесь и радиопередатчик, искусно замаскированный в комнате, проникнуть в которую можно только через потайную дырку в стене; здесь и непрерывающаяся работа немецких военных пленгаторов, каждый из которых обслуживался лейтенантом и его людьми, одетыми в форму почтовой службы; здесь и немецкий полковник в Ницце, выдававший себя за испанского гражданина вплоть до дня оккупации немцами Южной Франции; здесь и аресты и смелые побеги, ярко описанные германским [237] контрразведчиком [171]. Увидев это в фильме, вы, возможно, подумали бы, что это типичная голливудская продукция. Но вы бы ошиблись, ибо действительность более удивительна, чем вымысел.

Русская агентурная сеть на Западе была известна под названием «Rote Kapelle» («Красный оркестр»). Агенты-радиооператоры обычно назывались «музыкантами», и именно поэтому вся эта организация получила название «Красный оркестр». Во главе этого «оркестра» стояли коммунисты. Их целью было подготовить условия для победы России и установления ее «нового порядка» в Европе. Они тщательно скрывали свое подлинное лицо и цели от собственных агентов, которые часто были убеждены в том, что работают в интересах немецкого движения сопротивления. Этими агентами были офицеры и чиновники, работавшие в органах верховного командования вооруженных сил Германии, в штабах армии и военно-воздушных сил, в артиллерийском управлении сухопутных войск и в военной промышленности. Если агенты не работали в этих органах и учреждениях сами, они имели с ними надежные связи. «Красный

оркестр» имел, вероятно, шесть филиалов: в Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Италии.

Деятельностью агентуры в Юго-Восточной Европе руководила русская миссия в Софии. Фон Папен писал о ней в своих мемуарах как о лучшем центре Москвы по сбору разведывательной информации, однако о деятельности этого центра материалов нет. Наконец, токийский шпионский центр, работавший под руководством немца Сорге, снабжал Россию достоверными сведениями о намерениях японцев.

Во время войны другие страны также имели свою агентуру за рубежом. Но ни у кого не было такой разветвленной, столь хорошо организованной и информированной агентуры, какую имела Россия. Никто никогда не знал столько о своем противнике, сколько знали о нем русские. Они получали достоверные сведения об оперативных планах немцев, о дислокации их войск, о работе [238] их военной промышленности, так что русские всегда могли заранее принять необходимые контрмеры.

Было бы смешно утверждать, что русские одержали победу в этой войне благодаря деятельности своих шпионов и партизан. Однако ознакомление с основными операциями в России показывает, как существенно на их развитие влияли русские агенты и партизаны.

На первый взгляд кажется, что немецкая кампания в России представляет собой ряд случайных действий тактического характера, не объединенных общим стратегическим планом. Однако подобное заключение было бы поверхностным. Кампании немцев в Польше и во Франции проводились на основе планов, предусматривавших чисто военное решение задач каждой кампании. В русской кампании дело обстояло иначе, так как чисто военное решение ее задач, настойчиво предлагавшееся германским генеральным штабом, не отвечало замыслам Гитлера: он намеревался прежде сокрушить военно-экономическую мощь России, лишить ее ресурсов и подорвать основы ее идеологического могущества. Теперь, когда мы установили факт отхода немцев в этом случае от чисто военной концепции ведения войны, нам становится ясной и суть их стратегии.

Главное командование сухопутных войск Германии предлагало создать две крупные оперативные группировки, направив одну против Киева, другую — против Москвы. По мнению генерального штаба, Москва была средоточием русской мощи: она является самым важным центром коммуникаций, имеет значительную промышленность, и для ее обороны русские должны были использовать максимально крупные силы Красной Армии. Поэтому под Москвой можно было бы сковать и разбить основные силы русской армии, а это вынудило бы русских прекратить сопротивление. Таким образом, нанесение главного удара по Москве могло бы привести к победе. Поэтому, по мнению генерального штаба, все другие операции имели подчиненное значение.

Однако Гитлер думал иначе. Главнокомандующий германских сухопутных войск фельдмаршал фон Браухич был поражен, когда Гитлер за полгода до начала кампании заявил ему, что Москва «не имеет большого [239] значения». Это заявление он позднее уточнил, сказав, что Москва его не интересует. Генеральный штаб вынужден был, по крайней мере временно, согласиться, и 18 декабря 1940 года верховное германское командование представило план «Барбаросса», получивший одобрение Гитлера. В соответствии с этим планом немецкие вооруженные силы должны были путем быстротечной операции сокрушить Советскую Россию. Основные силы русской армии в западной части СССР планировалось уничтожить путем глубокого вклинения немецких танковых войск. Отступление противника на широкие просторы России должно было быть предотвращено. Конечной целью этих действий являлся выход на линию Волга — Архангельск. Сначала намечалось захватить Ленинград и лишь после этого предпринять наступление на Москву. В начале кампании все у немцев шло очень хорошо. Это даже дало повод начальнику генерального штаба генерал-полковнику Гальдеру записать в своем дневнике, что, по

его мнению, вероятно, не будет преувеличением сказать, что в основном кампания была выиграна в течение всего лишь первых двух недель. Гальдеру следует отдать должное: он надеялся и старался вовремя добиться согласия на проведение операции против Москвы. 18 августа 1941 года он и Браухич направили Гитлеру памятную записку, в которой умоляли его отдать приказ о наступлении на Москву, где к тому времени русские сосредоточили семьдесят дивизий. Через три дня Гитлер разрушил все их надежды. В своем ответе от 21 августа 1941 года он категорически отверг их план. Он заявил им, что после оккупации Украины главной целью является не Москва, а захват Крыма и промышленных районов Донбасса, изоляция центральных районов России от кавказской нефти и захват совместно с финнами Ленинграда. Гитлер рвался в Россию за хлебом, нефтью и промышленным сырьем.

Удивительно, что на Западе до сих пор никто не попытался ответить на вопрос, правильное ли принял тогда Гитлер решение. Однако еще за месяц до наступления Германии на Россию, 16 мая 1941 года, Уинстон Черчилль писал генералу Смэгсу, что «Гитлер, кажется, сосредоточивает свои войска против России... Я лично считаю, что [240] нанести удар по Украине и по Кавказу и обеспечить себя таким образом хлебом и нефтью — для него самое выгодное. И никто ему в этом не сможет помешать...»^{172}

Таким образом, премьер-министр благодаря своей исключительной проницательности точно предсказал план кампании Гитлера. Это и неудивительно, так как англичане всегда смотрели на кавказскую нефть как на основу русской военной мощи. В начале 1940 года Великобритания и Франция разрабатывали план помощи Финляндии в ее войне против России путем нанесения из Персии удара по бакинским нефтепромыслам. В марте 1940 года верховный союзный совет принял решение, в котором предусматривались мероприятия по срыву снабжения Германии румынской нефтью, кроме того, он дал указание английскому и французскому генеральным штабам разработать план бомбардировки кавказских нефтяных промыслов; бомбовые удары по ним должны были быть нанесены в конце июня. Обоим этим проектам не суждено было осуществиться: во-первых, потому, что между русскими и финнами было заключено перемирие, и, во-вторых, потому, что пала Франция. Но от этой идеи не отказались. 31 января 1941 года Уинстон Черчилль писал президенту Турции, что «ничто не может в такой степени помешать России оказывать помощь Германии, хотя бы и косвенную, как наличие крупных сил английской бомбардировочной авиации, которые могли бы нанести удар по бакинским нефтепромыслам» с турецких баз^{173}. Наконец, после того как Германия напала на Россию, союзники неоднократно рассматривали вопрос об использовании баз в Персии для оказания помощи России в обороне Кавказа.

Экземпляр решения верховного союзного совета, принятого в марте 1940 года, попал в руки немцев, когда они вскоре после этого захватили во Франции город Ла-Шарите. Но Гитлеру не нужно было подсказок, чтобы понять значение кавказской нефти как для самой Германии, так и для военных усилий России. Гитлер еще до прихода к власти, в 1932 году, гарантировал [241] «И. Г. Фарбениндустри» свою поддержку в деле развертывания производства синтетического бензина. В 1936 году он ввел в действие четырехлетний план. В своем совершенно секретном меморандуме о задачах этого плана он указывал, что «развертывание производства горючего в Германии должно осуществляться сейчас с максимальной быстротой, чтобы в основном завершить его в течение восемнадцати месяцев. Эта задача должна быть выполнена с такой же решимостью, какая требуется для ведения войны, ибо от разрешения этой проблемы зависит ход будущей войны...» Однако его эксперты никогда не переставали напоминать ему, что в случае войны химическая промышленность не в состоянии будет обеспечить производство достаточного количества синтетического бензина, и Гитлер принял это к сведению. В ходе выполнения московского соглашения с Россией он добивался и добился огромных поставок нефти и пшеницы. Направив в 1940 году в район Плоешти сначала замаскированные войска СС, а затем и войска вермахта, он обеспечил непрерывные поставки румынской нефти в Германию. Без синтетического бензина

Гитлер не смог бы провести кампанию в Польше, без русской нефти он не смог бы начать наступление на Францию, а без румынской — вести войну против России.

Нужда Германии в пшенице была не менее острой. Особенно она должна была возрасти после того, как прекратились бы поставки из России с началом против нее войны. Немецкие военно-экономические эксперты, как мы отмечали выше, считали, что продолжение войны после окончания кампании во Франции стало бы невозможным, если бы Германия не обеспечила снабжение всех своих вооруженных сил за счет ресурсов России.

Поэтому стремление немцев «обеспечить себя хлебом и нефтью» было совершенно очевидным. Не менее очевидным было и то, что Россия потерпела бы поражение, если бы Германии удалось достигнуть эти свои цели. Без кавказской нефти военная машина русских должна была остановиться. Однако это еще не все. «Значительная часть сельскохозяйственного производства России также зависит от поставок нефти из этих районов, и разрушение здесь нефтепромыслов вызвало бы голод, который [242] имел бы далеко идущие последствия», — писал Уинстон Черчилль в январе 1941 года в уже цитированном нами письме президенту Турции.

Сталин был встревожен. Москву можно было эвакуировать, и в свое время он это сделал, однако кавказские нефтепромысла эвакуировать было нельзя. Те 300 миль, которые отделяли передовые позиции немцев в Кавказских горах от нефтепромыслов Баку, спасли Россию от окончательного поражения.

Русские понимали эту опасность, однако немецкий генеральный штаб был слеп. Его бывшие руководители до сих пор еще не поняли, где они упустили возможность добиться победы. Вот что говорил в этой связи генерал Гальдер в 1949 году, давая оценку руководству Гитлера:

«Гитлер вынудил главное командование сухопутных войск отказаться от ясного плана, предусматривавшего разгром центра русского могущества (перед Москвой), в пользу второстепенного плана, осуществление которого, в лучшем случае, могло привести к более быстрому крушению уже рушащегося второстепенного фронта... Предпочтение было отдано захвату важнейших промышленных центров и русских нефтяных районов, но не решительному разгрому русской армии!»{174}

И с таким странным заявлением спустя четыре года после окончания войны выступил бывший начальник генерального штаба немецкой армии!

По его словам, путь на Баку был почти открыт, и, следовательно, победоносное завершение войны в силу этого было совсем близко. И все же генеральный штаб в это время настаивал на захвате Москвы. Нет никакого сомнения в том, что немецкие армии в России сражались превосходно. Однако генеральный штаб не выполнил своего долга по отношению к ним.

Следует сказать, что и ранее, еще до начала русской кампании, немецкий генеральный штаб допускал ошибки. Его план французской кампании был не чем иным, как копией знаменитого плана Шлиффена, уже испытанного в первую мировую войну. План блестящего прорыва танков через Арденны и продвижения в направлении [243] Дюнкерка, который принес победу в «блицкриге» во Франции, разработал не генеральный штаб: это было детище простого генерала, впоследствии фельдмаршалла Манштейна. И если во Франции генеральный штаб пытался вести войну по планам 1914 года, то в России он сделал попытку повторить наполеоновскую кампанию.

Фактически Москва не имела никакого значения. Вместо того чтобы нанести удар по семидесяти дивизиям красных, сосредоточенным в районе Москвы, Гитлер отдал приказ об окружении советских войск под Киевом, и в сентябре 1941 года в этом районе было захвачено в плен более 650 тыс. человек{175}. Победа под Москвой не могла бы дать большего. Не может быть также никаких сомнений в том, что по своему значению московский промышленный район не важнее Донбасса, который был захвачен сразу же после киевской операции. Победы в битвах за Киев и Донбасс обошлись немцам дешевле, чем стоила бы им битва за Москву. В результате первоначального продвижения немцев Киев оказался между двумя мощными клиньями, причем это произошло до того, как Гальдер отдал приказ сомкнуть образовавшиеся клещи. К тому времени даже Гальдер обнаружил «признаки того, что русские отчасти уже начали эвакуировать Донбасс в соседние восточные районы»{176}.

Но Гальдер совершенно не понял того, что фронт русских на юге «рухнул» и они вынуждены были отойти только потому, что под Киевом Красная Армия понесла огромные потери. Без той существенной помощи, которая была оказана группой армий «Центр» группе армий «Юг», последняя не смогла бы одержать победу в этой битве и южный фронт русских не был бы прорван. Если бы группа армий «Центр» начала наступление на Москву до того, как район Киева был очищен от русских, у группы армий «Юг» было бы мало шансов на быстрое продвижение на юге, более того, до Москвы еще оставались сотни миль, и, начав на нее наступление, группа армий [244] «Центр» тем самым обнажила бы на огромном протяжении южный фланг. Успехи русских в последующих зимних боях 1941/42 года явились результатом нанесения искусных ударов по ослабленным участкам немецкого фронта. И русские, конечно, не упустили бы случая до конца воспользоваться слабостью этого огромного немецкого фланга. «Нельзя не прийти к выводу, что в этих условиях, и принимая во внимание последующее развитие событий, наступление на Москву без предварительной или одновременной оккупации Украины и уничтожения противника в этом районе привело бы к истреблению зимой 1941/42 года значительной части немецкой армии», — таков хорошо обоснованный вывод одного из видных немецких генералов, воевавших в России[177]. Иначе говоря, решение Гитлера в тот момент было правильным. Однако после того как сражение за Киев окончилось победой немцев, Гитлер отдал приказ о наступлении на Москву. Но так как битва за Киев отодвинула это наступление на шесть недель, грязь, снег, холод почти полностью приостановили наступление. Был, однако, и другой фактор, который остановил продвижение немцев и дал возможность русским предпринять контр наступление. Так, Гальдер обстоятельно пишет в своем дневнике о неуклонном росте потерь немецкой армии в этот период. А Россия тем временем систематически вводила в бой все новые и новые дивизии. Тогда для всех было загадкой, откуда ей удавалось черпать эти свежие силы. Теперь это перестало быть тайной. Агентура Сорго в Токио, деятельность которой недавно была описана генерал-майором Чарльзом Уиллогби[178], могла в 1941 году сообщить русским о том, что Япония не собирается нападать на Россию. И именно эти сведения позволили русским перебросить свои резервы с Дальнего Востока на европейский театр, куда они успели прибыть как раз к началу [245] битвы под Москвой. России, таким образом, была обеспечена возможность ведения войны на одном фронте, тогда как Германия была вынуждена держать значительную часть своих сил на Западе на случай открытия второго фронта. С этого времени Германии пришлось вести войну, будучи наполовину связанной, тогда как Россия могла использовать все свои силы[179].

В результате надежды германского генерального штаба на подготовку генерального наступления были разбиты. Как показывает Гальдер[180], генеральный штаб считал, что зимой 1941 года у немцев оставалась только одна возможность — осуществлять успешную стратегическую оборону и проводить незначительные наступательные операции, нанося концентрические удары на отдельных небольших участках фронта. Эта точка зрения была чересчур пессимистична, но это и неудивительно для человека, который совсем недавно полагал, что Россия полностью разбита. Англичане не разделяли этой точки зрения; не подтвердили ее и действия немецкой армии в 1942 году. [246]

Как же случилось, что в конце концов кто-то остановил Гитлера? Это объясняется двумя причинами: во-первых, невероятным просчетом Гитлера в его планах «идеологической» войны против России; во-вторых, эффективностью русского шпионажа. На разборе этих причин мы специально остановимся.

Россия, по мнению Гитлера, могла быть разбита у Ленинграда и Сталинграда, у городов, которые в силу их исторического прошлого и названий представлялись Гитлеру идеологическими бастионами коммунизма. Он рассматривал их как колыбель большевизма и считал, что с разрушением и захватом этих городов большевизм будет уничтожен. Только в свете этого становится понятным фатальное решение Гитлера сосредоточить свои усилия против этих городов. С военной точки зрения Ленинград вряд ли имел какое-либо значение: соединение немцев с финской армией было единственным соображением военного порядка, которым можно

объяснить стремление захватить этот город, но эта цель едва ли могла оправдать те огромные усилия, которые прилагали немцы ради ее достижения. Сталинград и вовсе не имел никакого военного значения, и соображения, высказывавшиеся Гитлером в пользу наступления на город, представляются простым камуфляжем, ибо Сталинград, как он сам говорил, не является важным центром коммуникаций: Волга в течение пяти месяцев закрыта для навигации, к тому же этот водный путь был уже перерезан немцами до начала наступления на город. Не обеспечивал бы захват Сталинграда и северный фланг немецкой армии на Кавказе. Наоборот, чрезмерно растянутый фланг немецких войск, рвавшихся к городу, неминуемо должен был рухнуть в случае русского наступления — опасность, которую предсказывал Гальдер. Гитлер, который игнорировал это предостережение, очевидно, все же понимал порочность своей концепции, ибо в октябре 1942 года в своей речи он отвергал обвинение в том, будто он хотел захватить Сталинград только ради его названия. На деле же он предпочел отказаться от своей собственной революционной концепции — сокрушения России посредством подрыва ее военно-экономической мощи вместо нанесения ей поражения военными [247] средствами во имя идеологической иллюзии. У немцев было достаточно войск, чтобы дойти до Баку. Еще в августе 1942 года фельдмаршал Алан Брук считал, что немцы дойдут до бакинских нефтепромыслов. Однако Гитлер расплыл свои силы, стремясь одновременно захватить и Сталинград. 5 апреля 1942 года он даже отдал приказ о захвате в это же время и Ленинграда.

У Сталина было достаточно времени, чтобы подготовиться к отражению угрозы, нависшей как над Сталинградом, так и над Баку; он был предупрежден об этом немецким филиалом «Красного оркестра». Некий «мистер Кент», капитан Красной Армии, путешествовавший также и под вымышленным именем Винсенте Сиерра, имел условленную встречу в Тиргартене (Берлин) с офицером немецкой контрразведки и со старшим советником министерства экономики, которые сообщили ему, что главный удар немецких армий планируется нанести в направлении Кавказа, причем часть этих сил будет брошена к Волге на Сталинград^{181}. Конечно, об этом тут же было сообщено в Москву.

После полного поражения немцев под Сталинградом их войска были вынуждены отойти также и с Кавказа, чтобы не оказаться отрезанными. Россия была спасена под Сталинградом, ибо именно там она спасла Кавказ.

Две выдающиеся победы русских — оборона Москвы и окружение под Сталинградом — в известной степени были одержаны благодаря действиям красной разведывательной агентуры; помощь партизан здесь была менее эффективной. Однако трудно переоценить тот вклад, который они внесли в дело победы в ряде других, менее известных сражений. Об их военных успехах мы говорили выше, однако ими одними не исчерпываются заслуги партизан. Захваченные немецкие архивы дают скудные сведения о работе партизанской разведки. И все же мы можем почти с уверенностью заявить, что русские наносили удары именно в тех районах, которые в донесениях партизан характеризовались как наиболее уязвимые. В ходе войны русские научились наносить удары по самым слабым местам обороны противника: по оголенным участкам [248] немецкого фронта зимой 1941/42 года; по участкам фронта, удерживаемым в начале Сталинградской битвы войсками немецких сателлитов; когда же перед Красной Армией не оказывалось ни уязвимых участков, ни войск немецких сателлитов, она наносила удары по стыкам между соединениями противника на участках, избранных ею для совершения прорыва. Вспомним донесение командира немецкого корпуса, в котором он выражал удивление по поводу того, что «противник поразительно хорошо осведомлен о передвижении наших войск». Был только один постоянный источник информации, который помогал командованию Красной Армии выбирать объектами для своих ударов наиболее уязвимые участки немецкого фронта, и этим источником были партизаны. Вполне возможно, что мы переоценивали полководческое искусство русских во время войны, так как мы не могли тогда знать, в какой степени их искусство управления войсками определялось наличием у русского командования достоверных сведений о дислокации немецких войск. Однако мы, безусловно, недооценивали заслуги партизан, которые в течение всей войны ослабляли

противника в тылу и направляли действия Красной Армии против самых уязвимых участков фронта противника.

В силу всего этого партизанская война революционизировала взгляды на войну. Прежде войска сторон располагались друг против друга в сомкнутом строю. При этом протяженность фронта была настолько незначительной и поле боя настолько небольшим, что командир мог обозреть его со своего командного пункта. В войне 1914 года впервые в истории противостоящие армии образовали сплошные фронты, простирающиеся на много сотен миль; зона боевых действий, таким образом, крайне расширилась. Возникновение партизанской формы военных действий вводит с собой новый элемент — наземные боевые действия по глубине захватывают теперь район от переднего края вражеской армии до самых ее удаленных баз в тылу. Это придает новое значение понятию тотальной войны, отождествляя ее с тотальным сражением.

Чтобы вести эту новую войну, мы должны выработать новые правила. Однако эти правила самоочевидны. Они [249] очень напоминают то, о чем думал в 1940 году полковник Дадлей Кларк, когда изучал возможности использования английских десантно-диверсионных отрядов.

Вот предлагаемые нами общие правила:

Правило № 1. *Поддерживать контакт с нашими друзьями, находящимися в стане противника, или с врагами нашего противника.*

Здесь нам повезло. Наш противник, так называемая «диктатура народа», имеет много врагов. Народы, как правило, — а русский и китайский народы не представляют здесь исключения — не любят притеснений.

Вот предполагаемые друзья, с которыми необходимо поддерживать контакт:

- а) некоммунисты в Восточной Германии;
- б) правоверные католики в Польше;
- в) остатки украинских националистов, жертвы советских аграрных реформ, крымские татары, мусульманские и кавказские народы в СССР^{182};
- г) крестьяне в Юго-Восточной Европе;
- д) 200 тысяч партизан Чан Кай-ши в Китае;
- е) население прибалтийских государств...

Вот, например, что говорит один из этих друзей Бур Комаровский в своей книге «Секретная армия»: «Сотрудничество с Советской Россией в политической и экономической [250] сфере — это всего лишь благое пожелание: народ Польши не может забыть, что тысячелетняя традиция связывает его с западной цивилизацией и с западным образом жизни».

Правило № 2. *Сеять разногласия между различными слоями граждан в стане противника.*

В прошлой войне мы не делали различия между немцами и нацистами и ошибочно настаивали на безоговорочной капитуляции и тех и других. Немцы также совершили ошибку, когда они не проводили различия между русскими и советскими.

Каждая раса и религия имеет свои недостатки. Но мы должны поддерживать всякого, кто предпочитает свободу личности.

Правило № 3. *С теми, с кем мы поддерживаем связь, обращаться как с друзьями, относиться к ним с уважением. Извлечь уроки из ошибок нацистов.*

Правило № 4. *Добиваться поддержки наших политических целей, а если необходимо, и военных целей и возбуждать враждебное отношение к целям коммунистов.*

Широко пропагандировать цель борьбы за свободу мысли, слова, личности и деятельности, а также борьбы за национальную независимость и приемлемый жизненный уровень для всех. Вести войну без конкретных мирных целей бессмысленно.

Поэтому завоевание политической поддержки со стороны народов, находящихся под коммунистическим господством, имеет первостепенное значение. Иначе победа едва ли возможна. Немцы, как мы уже видели, убедились в этом на своем опыте в России, поняв наконец, что отношение к ним населения имеет огромное значение в их борьбе против партизан и что с населением должны быть установлены хорошие отношения.

Мао Цзэ-дун, однако, никому не согласен уступить народ. Он утверждает, что партизанская война обречена на неудачу, если ее политические цели не разделяются народом. По его мнению это происходит потому, что партизанская война в основном организуется и ведется массами и она не сможет продолжаться, если будет утеряна связь с народом и если для участия в ней не будут привлечены широкие народные массы. [251]

Отсюда он приходит к выводу, что страны народной демократии имеют монополию на партизанскую войну, потому что «контрреволюционерам» никогда не удастся привлечь народ на свою сторону. Восстание 17 июня 1953 года в восточной зоне Германии^{183} доказало, что в данном случае Мао Цзэ-дун неправ. Это восстание показало, что Запад может обеспечить себе поддержку народных масс стран-сателлитов и что он должен полностью использовать эту исключительную возможность. Советы боятся партизанского движения, направленного против них.

До тех пор пока коммунисты будут вынуждены считаться с возможностью возникновения во время войны массового партизанского движения, направленного против них, они не рискнут начать войну.

Правило № 5. *Создавать свои собственные партизанские силы^{184}.*

Однако, чтобы превратить наши партизанские силы в орудие, достаточно эффективное для поддержания мира или для ведения войны, мы должны быть готовы, если у нас существуют какие-либо сомнения относительно искренности мирной политики Маленкова, создать, вооружить и снарядить партизанские отряды во всех районах, которым угрожает какая-то опасность, включая районы, которые могут быть оккупированы врагом.

При этом мы должны думать не только о Западной Европе. Возьмем, например, такую страну, как Пакистан, которую мы знаем довольно хорошо. Пакистан имеет прекрасно оснащенную и хорошо обученную армию, ее солдаты по своим боевым качествам не имеют себе равных. Однако, как мы знаем, одной смелости недостаточно для того, чтобы страна смогла устоять против современной великой военной державы, а ведь Пакистан имеет [252] общую с Россией границу. Трудно себе представить, чтобы Пакистан, обладая лучшей в мире по своему боевому духу армией, мог бы в течение длительного времени сопротивляться нападению со стороны России^{185}.

Однако, если заблаговременно все как следует спланировать и подготовить, Пакистан сможет вести весьма успешную разрушительную партизанскую войну в течение неограниченного периода времени. Но такую подготовку следует начать немедленно. Если мы хотим, чтобы эта борьба была успешной, мы не должны дожидаться нападения на эту страну, рассчитывая, что она без подготовки сможет развернуть партизанскую войну. Заранее должны быть созданы склады с продовольствием, вооружением и боеприпасами, заранее должны быть организованы и обучены партизанские отряды. К счастью, природные условия этой страны в высшей степени благоприятствуют ведению именно такого вида военных действий, а племена Северо-Западной пограничной провинции, как мы знаем, накопили прекрасный опыт ведения партизанской войны еще в период английского правления.

Кроме всего прочего, Пакистан получил бы возможность сэкономить на современном вооружении и технике. Вместо того чтобы тратить огромные средства на дорогостоящее тяжелое вооружение, Пакистан мог бы ограничиться приобретением более дешевого легкого вооружения, которое удобнее для ведения партизанской войны. Пакистан, безусловно, всего лишь одна из стран, находящихся в таком же положении.

Операция «наращивания сил», как Государственный департамент Соединенных Штатов называет свою программу перевооружения, будет стоить огромных денег. Для нас было бы выгоднее, если бы часть этих средств была направлена на создание и вооружение антикоммунистических партизанских сил. [253]

Вот что пишет Лоуренс, крупнейший из всех английских руководителей партизанской войны:

«Я отправился вверх по Тигру с сотней солдат одной из девонширских территориальных частей. Это были молодые чистоплотные чудесные парни, сильные своим счастьем и той радостью, которую они доставляли женщинам и детям. Достаточно одного взгляда на них, чтобы понять, насколько это замечательно принадлежать к их семье, быть англичанином. А мы тысячами бросали их в пекло на смерть, и не затем, чтобы выиграть войну, а лишь для того только, чтобы рис, другое зерно и нефть Месопотамии оказались в наших руках. Единственной целью было разгромить наших врагов (в том числе Турцию). И мы наконец этого добились, потеряв убитыми всего 400 человек. Все это оказалось возможным благодаря мудрому решению Алленби привлечь на нашу сторону людей, угнетенных в Турции»^[186].

Советская угроза Европе кажется нам более значительной, так как Красная Армия стоит сейчас на несколько сотен миль западнее, чем в 1939 году. На самом же деле эти лишние сотни миль представляют ее главную слабость. Сейчас ее коммуникации, естественно, растянулись, и там, где они проходят по территории стран-сателлитов, в них много слабых звеньев. Мы должны воспользоваться этим, чтобы разорвать их коммуникации в этих слабых местах. Давайте уже сейчас сосредоточим на них наши усилия. Немецкая армия при своем продвижении в Россию страдала тем же недугом. История и эта небольшая книга говорят нам о постигшей ее судьбе.

В советском военном потенциале имеется и еще одно слабое место, на котором мы также должны быть готовы сконцентрировать свои усилия. Это — нефть.

Около половины всей своей нефти Россия получает из района Баку. А следовательно, бакинские нефтепромыслы — одно из самых уязвимых мест России. Во время последней войны этот район не был уничтожен потому, что немцы хотели захватить нефтепромыслы неповрежденными и использовать для своих нужд. [254]

Если бы мы дали вполне ясно понять Советам, что один ложный шаг с их стороны станет сигналом для начала в самых уязвимых для них местах антикоммунистической партизанской войны «добровольцев», как называл Мао Цзэ-дун своих солдат в Корее, мы получили бы в руки очень сильное оружие, очень крупный козырь в разговорах с ними, и они бы это прекрасно поняли.

Из истории известно, что многим регулярным армиям партизаны доставляли не одно только беспокойство. «Бурские партизаны в течение двух лет своими непрерывными налетами держали в напряжении 250 тыс. английских войск. В Палестине горстка фанатиков сковала силы целого корпуса»{187}.

В прошлую войну действия югославских партизан вынудили немцев держать в этой стране 21 дивизию. О том же, как обстояло дело в России, мы уже знаем. Не требуется большого воображения, чтобы представить себе, какое колоссальное количество русских войск мы сможем сковать, если принять во внимание громадную протяженность границ России и обширность пространств, лежащих за «железным занавесом».

Коммунистов невозможно сдержать угрозой применения атомного оружия. Поэтому мы должны использовать против них их же собственное оружие{188}, и, как Мао Цзэ-дун своевременно продемонстрировал в Корее, это может быть сделано без объявления войны. Это, конечно, грубый метод ведения войны, но он вполне себя оправдывает.

Если мы хотим нанести удар по самому больному месту Китая, мы должны знать, что его ахиллесовой пятой является Маньчжурия — его мастерская.

Если нам нужно подтверждение того, что зловещие предсказания Мао Цзэ-дуна становятся уже для нас явью, нам следует познакомиться хотя бы с тем, что происходило в Корее. Вот типичный пример применения партизанской тактики, который может повторяться бесчисленное количество раз в такой стране, как Китай, где для этой цели можно использовать миллионы людей, если [255] только мы не предпримем более крутых мер, чтобы предотвратить это.

«Когда (турки) не могли больше держаться, они медленно начали отходить. Дорога поднималась по ущелью, которое постепенно сужалось. Когда турки отходили по этой дороге, китайцы почти со всех сторон открыли по ним огонь. Перед этим туркам показались весьма подозрительными тысячные толпы людей, спускавшиеся вниз по обочинам дороги. Это были люди в форме южнокорейских солдат, гражданское население. Одни говорили, что они мирные жители, другие молча пропускали мимо себя турецкую колонну. Теперь эти подозрения оправдались. Вдоль всей этой узкой и унылой дороги «усталые» крестьяне бросали свои мешки с рисом и выхватывали из них оружие. Люди, одетые в южнокорейскую форму, сбрасывали ее, оказываясь в форме китайской армии.

Каждая деревня, представляла опасность и каждый стог сена требовал осмотра. Даже когда, казалось, никого не было вокруг, турецкие солдаты вдруг начинали падать из кузовов машин с простреленными головами или вдруг из темноты с диким ревом бросались в атаку толпы китайцев»{189}.

Правило № 6. *Необходимо через тред-юнионы нашей страны наладить связи с профсоюзами за «железным занавесом».* Наши тред-юнионы должны восстановить порванные ими связи с профсоюзными движениями за «железным занавесом». Некоторые из последних в конце концов, вероятно, утратили свои иллюзии, и с ними могли бы быть установлены определенные выгодные связи.

Правило № 7. *Распространять веру.* Не является ли более чем случайным совпадением то, что ровно 1500 лет тому назад, в 451 году вера сокрушила ужасное азиатское нашествие гунна Атиллы на Европу?

Если в те далекие времена люди ради веры готовы были идти на смерть, то сегодня, когда нам угрожает такая же ужасная азиатская коммунистическая опасность, есть все основания ожидать, что мы пробудим эту веру, пока еще не слишком поздно. [256]

Если людям когда и нужна была святая вера, то сейчас именно такой момент, и причины этого должны быть вполне очевидным каждому, кто изучал теорию и практику коммунистов.

Коммунизм и западные демократии разделяет непреодолимая пропасть. Мао Цзэ-дун недвусмысленно писал о том, на какой стороне пропасти он стоит: «Эта диктатура (диктатура народной демократии) должна быть согласована с международными революционными силами. Это наша формула, наш главный опыт, наша главная программа»{190}. Может ли быть что-нибудь яснее?

В одной из своих работ он вновь трижды повторяет это положение своей политики: «...он (Китай) не может обойтись без помощи СССР... Это особенно относится к помощи Советского Союза — необходимого условия завоевания окончательной победы в войне против японских захватчиков. Отказаться от помощи Советского Союза — значит обречь революцию на поражение»{191}.

Смысл этой цитаты не меняется от того, что она взята в отрыве от контекста. Можно ли сказать яснее?

Церковь за «железным занавесом» только и ждет момента, когда мы ей поможем. Неужели же никто не окажет этой помощи? Очень многие документы свидетельствуют о большой религиозности русского народа. Сталин сам признал это, когда во время последней войны открыл церкви, чтобы предупредить такой ход со стороны немцев{192}. Цитаты из немецких источников, вроде следующих, говорят сами за себя: «Необходимо всегда считаться с [257] сильными родственными и религиозными чувствами татар и других мусульман» (11-я армия). «У всех русских, которые не являются большевиками, чувство патриотизма неизменно дополняется глубокими религиозными чувствами» (61-й корпус). «Число церковных служб, так же как и число посещающих их прихожан, осталось тем же» (донесение СД).

Рузвельт в письме к папе римскому от 3 сентября 1941 года указывал на реальную возможность того, что в результате нынешней войны Россия может признать у себя свободу вероисповедания.

Пусть же борьба за это станет одной из наших целей.

Правило № 8. *Обеспечивать нашу собственную безопасность.* С целью обеспечения нашей безопасности западные державы должны принять соответствующие строжайшие меры против так называемых «сторонников мира», которые превратятся в сторонников войны и будут сражаться в рядах партизан против своих собственных национальных армий, если те будут вовлечены в войну с Россией.

Но самые надежные меры по обеспечению безопасности, принятые в мирное время, не являются гарантией против развертывания партизанских действий во время войны.

Поэтому необходимы дополнительные меры предосторожности. Очень важно, чтобы в наших отрядах самообороны изучали тактику как партизанской, так и антипартизанской борьбы. Этот пункт нашей программы трудно переоценить: его следует провести в жизнь, пока еще есть время. Именно тот факт, что в нашей стране началась подготовка в этом направлении, заставит коммунистов призадуматься. [258]

Правило № 9. *Наша собственная армия должна быть обучена методам борьбы с партизанами.* Мы видели, как дорого заплатили немцы за то, что заблаговременно не создали организацию для борьбы с партизанами, а затем, когда эта организация была наконец создана, предоставили ей самой разрабатывать методы борьбы. Нам нет необходимости проходить через все это вновь. Что нам нужно, так это устав по ведению антипартизанской войны, а также соответствующая подготовка солдат и офицеров. Мы должны учиться на ошибках немцев и извлекать пользу из их опыта.

На этом мы заканчиваем изложение основных правил.

Мы не собираемся здесь предлагать принципы организации нашего центрального органа. Как мы уже видели, эта проблема связана с деятельностью многих организаций: армии, отрядов местной самообороны, полиции и антипартизанских сил, действующих по обе стороны «железного занавеса». Вопрос состоит не в том, каким образом приступить к решению этой задачи, а в том, чтобы к этому приступить, до конца понимая значение партизанской войны и борьбы против партизан.

К сказанному мы только добавим: время работает не на нас.

Прежде чем закончить, нам хотелось бы показать, как быстро и легко можно будет подготовить наши партизанские силы.

Мы ни с чем не можем сравнить наши великолепно подготовленные десантно-диверсионные отряды и отряды чиндитов. Мы, конечно, должны иметь такие части в нашей армии: они крайне необходимы для поддержки наших собственных партизан.

Личный состав таких отрядов не нуждается в той сугубо специальной подготовке, которую проходят регулярные войска, хотя он, конечно, должен пройти соответствующую подготовку, для чего у нас, по эту сторону «железного занавеса», имеется много опытных инструкторов.

Отряды должны создаваться из добровольцев, и значительное количество их придет из угнетенных Советами стран. Надо, чтобы они были проникнуты духом патриотизма и готовы были ради веры идти на смерть. Надо, чтобы их захватил тот высокий боевой дух, который [259] жестокость немцев вселила в сердца русских партизан. Это само собой облегчит обучение. Для пояснения нашей мысли мы предложим читателю прочесть, что пишет об обучении своих людей Ковпак:

«Сначала основным для нас было изучение оружия. На вооружение отряда поступало то, что партизаны захватывали у противника; это было оружие самых разнообразных систем, зачастую никому из нас не известных. Каких только винтовок, пулеметов, автоматов, пистолетов немцы не насобирали по всей Европе! И нам приходилось все это оружие изучить и, конечно, без всяких наставлений и руководств.

Еще в Спадщанском лесу вопрос об изучении оружия у нас был поставлен так: у тебя пока только винтовка, но ты должен добыть себе в бою автомат или пулемет и сразу же обратить это трофейное оружие против врага — значит, изволь предварительно изучить его. Каким образом? А вот у твоего товарища трофейный автомат — он научит тебя владеть этим оружием. Появился в отряде новый пулемет — изучайте его все. Захватили миномет — каждый готовься стать минометчиком...

...Пройдешь иной раз по землянкам, постам, заставам и кажется — не партизанский отряд в лесу стоит, а осоавиахимовцы здесь учебным лагерем расположились: всюду — где вокруг пенька, где под деревом — группами занимаются партизаны сборкой и разборкой оружия, изучают взаимодействия частей пулемета, автомата»^{193}.

Вот тот дух, то рвение, которые мы имеем в виду, и каждому, кто обучал людей пользованию оружием, все это особенно хорошо понятно. Мы считаем, что в приведенном нами рассказе очень много поучительного.

Партизанскую же тактику постигнуть так же просто, как и изучить оружие. Ее суть французы для своих маки суммировали в следующих словах: «Внезапное появление, ураганный огонь, быстрое исчезновение».

В заключение нам хотелось бы процитировать слова старого китайского компрадора^{194}. [260]

Еще в 1927 году, когда один из соавторов данной книги служил в Шанхае в должности помощника коменданта высадки войск, однажды в порту он спросил компрадора, почему на носу всех китайских джонок вырезаны и раскрашены большие глаза.

Тот ответил:

«Не имеешь глаз — ничего не увидишь.

Ничего не увидишь — ничего не поймешь.

Ничего не поймешь — ничего не сделаешь».

И поэтому нам хотелось бы предложить:

Мы также должны все «увидеть», а затем и быстро сделать.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Немецкое наставление по борьбе с партизанами

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

ДЛЯ ВСЕХ ВИДОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

«Верховное командование вооруженными силами

6 мая 1944 года

Штаб фюрера

Наставление «Боевые действия против партизан» вводится в действие в верхмахте с 1 апреля 1944 года. Руководство «Боевые инструкции по борьбе против партизан на Востоке» от 11 ноября 1942 года отменяется.

От имени верховного главнокомандующего вооруженными силами *Йодль*.

Содержание

Предисловие.

I. Угроза со стороны партизан.

II. Боевые действия против партизан.

A. Управление войсками.

B. Войсковые части.

B. Ведение разведки против партизан.

Г. Методы боевых действий.

1. Окружение и уничтожение.

2. Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием.

3. Использование против партизан ягдкоманд.

III. Меры охранения от партизан.

A. Общие положения.

B. Охрана железнодорожных сооружений и обеспечение железнодорожных перевозок.

B. Охрана сухопутных и водных путей.

Г. Охрана населенных пунктов. [264]

- Д. Охрана промышленных объектов, административных учреждений, средств связи.
- Е. Охрана полей и лесов.

IV. Специальные вопросы.

- А. Использование военно-воздушных сил в боевых действиях против партизан.
- Б. Использование бронепоездов в боевых действиях против партизан.
- В. Специальные правила по организации связи в боевых действиях против партизан.
- Г. Специальные правила пользования машинами в боевых действиях против партизан.
- Д. Обращение с населением, с пособниками партизан и с партизанами.
- Е. Конфискация сельскохозяйственных продуктов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

.....

I. УГРОЗА СО СТОРОНЫ ПАРТИЗАН

1-16.....

II. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

A. УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ

17. Боевые действия против партизан — это прежде всего вопрос руководства. Успех этих действий зависит от превосходства нашего руководства.

18. Права и обязанности отдельных начальников в действиях против партизан определены соглашением между верховным командованием вооруженных сил и рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции.

19. Для руководства сравнительно широкими действиями против партизан должен быть назначен ответственный начальник. Его права в отношении частей и соединений, выделяемых вооруженными силами и войсками рейхсфюрера СС, и, если необходимо, в отношении гражданских властей должны определяться заблаговременно путем согласования между соответствующими заинтересованными начальниками.

20. Борьба против партизан требует тесного взаимодействия между военными властями, представителями [265] рейхсфюрера СС и гражданскими властями. Взаимодействие должно быть налажено еще в стадии планирования. При проведении гражданскими властями таких мероприятий, как сельскохозяйственные работы, строительство дорог, мостов, заготовка леса, переселение и т. д., нужно учитывать все, что на данный момент известно о дислокации и действиях партизанских отрядов. Вместе с тем во время боевых действий против партизан нужно учитывать, насколько это возможно, интересы гражданской администрации.

21. В боях с партизанами разграничительные линии принимать во внимание не следует. Если во время боя действия распространятся на соседний участок, они не должны прерываться. Заблаговременное ознакомление частей соседних участков с планами проведения крупных мероприятий обеспечивает своевременное включение их в боевые действия.

22. В боях с партизанами до сих пор успешно применялась следующая тактика:

а) Окружение партизан и очищение от них окруженной местности. Это — основной метод действий против партизан и в то же время наиболее действенный способ ликвидации угрозы с их стороны. Ведение боевых действий по окружению требует крупных сил, но зато обеспечивает решающий успех.

б) Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием. В тех случаях, когда для осуществления окружения не хватает сил или времени или же характер местности не позволяет предпринять этот вид боя, партизан следует атаковать, разгромить и преследовать до полного уничтожения.

в) Использование против партизан ягдкоманд. С целью предупреждения создания партизанских отрядов, а также нарушения их коммуникаций лучше всего использовать небольшие, но очень боеспособные отряды, созданные и вооруженные, как ягдкоманды.

г) Меры охранения от партизан. Все войска, транспортные и экономические объекты, а также имеющее военное значение заводы подлежат охране от налетов партизан и, кроме того, сами должны принимать меры по обеспечению своей безопасности. [266]

23. В боевых действиях против партизан инициатива всегда должна принадлежать нам. Даже если командир располагает небольшими силами, он не должен проявлять нерешительность. По возможности, против каждого выступления партизан необходимо предпринимать контрмеры.

Способы боевых действий против партизан в каждом отдельном случае зависят от численности наличных войск и степени активности партизан, а также общей обстановки. Для того чтобы успешно применить именно тот способ боевых действий, который при данной обстановке позволит нанести противнику наибольший ущерб, командир должен проявить храбрость, инициативу, умение применяться к обстановке и использовать уже имеющийся опыт борьбы с партизанами. Промедление и бездеятельность дают партизанам время обосноваться и увеличить свои силы. Против вновь появляющихся отрядов следует предпринимать немедленные меры.

Невозможно ликвидировать угрозу со стороны партизан путем применения только одного какого-то способа действий. Даже те части, во главе которых стоят наиболее способные командиры и которые ведут наиболее успешные действия против партизан, не добьются решающего успеха, если в районе, очищенном от партизан, не будут приняты надежные меры по охранению войск. И, наоборот, даже самые надежные меры по охранению войск не дадут должного эффекта, если войсковые части в ходе непосредственных боевых действий не очистят от партизан достаточно обширные районы. В тактике следует избегать шаблонных действий, поскольку партизаны быстро к ним приспосабливаются и принимают необходимые контрмеры, тем более, что они имеют на этот счет специальные указания своих штабов, которые постоянно направляют их действия.

24. Борьба с партизанами требует от командира в период активных боевых действий своевременно определять направление главного удара или основное направление при принятии мер по охранению войск. В бою с партизанами обстановка быстро меняется и ставит командира перед необходимостью принимать новые решения. Поэтому необходимо, чтобы командир всегда имел [267] в своем распоряжении достаточные резервы, с тем чтобы в случае необходимости иметь возможность изменить направление главного удара. В качестве резервов и диверсионных отрядов лучше всего иметь небольшие, но высокоподвижные силы.

25. Обширность районов, в которых приходится вести боевые действия против партизан, лишает командира возможности оказывать постоянное влияние на действия своих частей и подразделений. В этой связи оправдали себя следующие меры:

а) Заблаговременная организация хорошей связи — в основном разветвленная телефонная сеть в сочетании с надежной радиосвязью, — которая облегчает быструю передачу донесений и указаний, особенно на большие расстояния.

б) Использование командиром легкого самолета (геликоптера «Физелер») с целью иметь возможность вмешиваться в руководство боем на решающих участках.

в) Осуществление командиром непосредственного контроля за подразделениями путем передвижения с ними от рубежа к рубежу и постановки перед ними ближайших задач. Если имеющиеся сведения о противнике недостаточны, а район действий довольно обширен, командир должен учитывать возможную потерю времени. Ознакомление же подразделений с общим планом действий обеспечивает им необходимую самостоятельность в рамках поставленных перед ними задач.

26. Достижение внезапности в бою с партизанами является важным тактическим требованием.

Как свидетельствует опыт, у партизан сложилось мнение, что на них редко могут напасть в плохую погоду или в условиях бездорожья. Поэтому они считают, что наши войска избегают проникать в глубь болот и лесных чащ. Каждый командир, который в условиях плохой погоды и труднопроходимой местности предпринимает против партизан какие-то действия, как правило, может рассчитывать застигнуть партизан врасплох.

Особенно следует опасаться того, что партизаны могут заранее узнать о мерах, готовящихся против них. Поэтому обо всех подготовительных мероприятиях должен знать очень узкий круг штабных офицеров. Разговоров [268] по телефону следует избегать. Сохранение тайны обеспечивается применением шифров. Поскольку партизаны придают большое значение перехвату наших телефонных разговоров, стремясь заблаговременно получить сведения о готовящихся против них действиях, необходимо уделять особое внимание маскировке узлов и линий связи, обеспечивать контроль за соблюдением требований секретности с целью не допустить обычную утечку сведений. Желательно, чтобы о предстоящих действиях войска ставились в известность только непосредственно перед их началом. Во время боевых действий войскам всегда следует помнить, что враг должен быть захвачен врасплох. Поэтому к району сосредоточения необходимо подходить только с наступлением темноты, а исходные позиции занимать лишь по прибытии главных сил.

27.....

Б. ВОЙСКОВЫЕ ЧАСТИ

28. Все немецкие войска, в том числе тыловые, технические и охранные части, должны быть всегда готовы вести боевые действия против партизан.

29. Боевые действия против партизан следует рассматривать как «действия в особых условиях». В лице партизан войска имеют дело с врагом, чья тактика во многих отношениях отличается от тактики регулярных войск. Его хитрости, злобности и жестокости необходимо противопоставить высокую бдительность, решительность и суровость. В борьбе с партизанами эти качества значат больше, чем многое другое. Однако войска очень часто не понимают этого. Они склонны считать борьбу с партизанами слишком легкой. Сталкиваясь иногда с незначительными, недостаточно хорошо вооруженными силами партизан, они действуют беспечно и таким образом подвергают опасности себя и другие части... Беспечность не должна расцениваться как отвага.

30. Войска должны хорошо организовать разведку и наблюдение, особенно поиск месторасположения партизан... С этой целью рекомендуется использовать ищек. [269]

Необходимо вовремя обезвреживать заминированные участки и объекты, памятуя, что мины тщательно маскируются. Для этого разведывательным подразделениям, передовым и прежде всего штурмовым отрядам придавать саперов (см. статью 39). В незнакомой местности принимать все необходимые меры предосторожности. В качестве проводников можно использовать дезертиров, военнопленных или подходящих местных жителей (например, лесников, хорошо знающих дороги).

31. Во время борьбы с партизанами необходимо иметь надежное охранение войск, так как врага можно ожидать отовсюду.

Часть на марше должна организовать круговое охранение. Дистанция между подразделениями на марше должна быть небольшой. Тяжелое оружие следует придавать каждому подразделению, следующему в походной колонне.

Если предстоит двигаться по неразведанной дороге, с целью обнаружения мин можно принимать следующие меры предосторожности:

а) высылать перед колонной деревянные катки;

б) гнать впереди колонны скот.

На отдыхе войска должны надежно охраняться. Лучшим средством защиты является круговая оборона. В населенных пунктах войска также должны иметь круговое охранение. При расквартировании части дробить не рекомендуется.

32. Наступление в лесу. Войска должны уметь вести бой и преследование партизан в лесах, зарослях и в болотистой местности. Во время продвижения по лесу, в котором предполагается наличие крупного партизанского отряда, войска должны обеспечить себя от нападения;

ведением усиленной разведки;

готовностью открыть мощный огонь;

применением специального порядка движения.

Наименьшим подразделением, которое может самостоятельно действовать в этих условиях, является рота.

Как правило, войска должны наступать на широком фронте (рота, например, с двумя взводами в первой линии) с целью навязать партизанам бой и использовать максимальное количество людей и вооружения во время [270] боя и последующего преследования. Кроме того, такой порядок наступления является лучшей защитой против засад, часто устраиваемых партизанами.

Другая форма развертывания для наступления — это глубокое построение боевых порядков. В условиях, когда местонахождение отрядов партизан неизвестно, такой порядок гарантирует свободу действий командиру и облегчает продвижение, «о он имеет и свои неудобства — уязвимость флангов, возможность натолкнуться на засады. Поскольку войска в данном случае будут двигаться по дорогам и легко преодолимым участкам местности, им трудно будет навязать партизанам бой, и последние смогут ускользнуть.

Поэтому войска, привыкшие к действиям в лесах, обычно предпочитают расчлененные боевые порядки.

Если лес необходимо прочесать только с целью поимки отдельных партизан, подразделения следует развернуть в цепь. При этом желательно, чтобы солдаты видели друг друга.

...Связь поддерживать с соседями с обеих сторон, приказание передавать слева направо. С целью предупреждения внезапного нападения противника до одной восьмой личного состава выделять в резерв. Следовательно, командир непосредственно имеет в своем распоряжении резервы, а также часть подразделения тяжелого оружия.

33. В бою наши войска должны обладать огневым превосходством. Во главе штурмового отряда должен стоять командир подразделения тяжелого оружия, который обязан подавить как можно больше огневых средств партизан.

Аванград должен иметь тяжелое оружие, особенно такое, которое можно немедленно пустить в ход, чтобы быстро обеспечить огневое превосходство в случае неожиданного столкновения с противником.

34. Борьба против партизан требует подготовки личного состава для действий в ночных условиях... Во время боевых действий даже в плохую погоду на трудно проходимой местности войска должны проводить ночь там, где этого требуют задачи боя. Часто наблюдаемое стремление ночевать в населенных пунктах следует пресекать [271] всеми средствами, поскольку в таких случаях территория без всякой необходимости уступает противнику.

35. Войска должны также уметь вести бой с партизанами, обороняющимися на заранее подготовленных позициях. В этом случае особенно важно посредством внезапной атаки подвижных подразделений с ходу занять позиции противника, даже если эти подразделения не имеют тяжелого оружия.

36. Войска должны научиться бесшумно продвигаться и искусно маскироваться, если они хотят застать партизан врасплох.

37. Вооружение войск должно соответствовать условиям ведения боевых действий против партизан.

Даже на местности, лишенной дорог, солдаты должны сами нести свое оружие. В борьбе с партизанами самое лучшее оружие то, которое можно быстро изготовить к бою. Личное огнестрельное оружие, автоматические карабины, автоматы, винтовки с оптическим прицелом, ручные и станковые пулеметы, легкие и тяжелые противотанковые пушки, легкие пехотные пушки, легкие зенитные орудия, легкие огнеметы — вот испытанное оружие для борьбы с партизанами в лесистой и болотистой местности. Тяжелое оружие, например тяжелая артиллерия, тяжелые зенитные орудия, тяжелые противотанковые орудия, в значительной степени уменьшают скорость передвижения подразделений в болотах и зарослях. Тем не менее тяжелое оружие может оказать серьезную поддержку тем подразделениям, которые в период проведения действий по окружению выделяются для блокирования путей отхода противнику или в резерв.

38. Использование в борьбе против партизан разведывательных и других танков, даже устаревших конструкций, имеет весьма большое значение, и не только из-за их огневой мощи, но особенно потому, что они оказывают сильное моральное воздействие на партизан. Однако использовать танки в болотистой, лесистой и горной местности часто трудно, а иногда и вовсе невозможно.

39. Саперы необходимы для ремонта разрушенных дорог и мостов, для прокладывания дорог через болота [272] и в зарослях, для разминирования, для подрыва укреплений и укрытий партизан...

40. Конные отряды в борьбе против партизан целесообразно использовать для разведки, особенно в условиях бездорожья. При наличии удобных дорог с успехом можно применять также и моторизованные части.

41. Частям, выделенным для проведения самостоятельных боевых действий, должны быть приданы специализированные и конные подразделения. Это необходимо для того, чтобы они могли самостоятельно от начала до конца вести бой, не рассчитывая в решающий момент на поддержку извне.

Кроме того, эти отдельные подразделения, и обязательно каждый батальон, должны иметь своего переводчика, и, если возможно, им должны быть приданы подразделения СД или полевой полиции, чтобы пленных можно было допрашивать немедленно.

42. Войска должны быть подвижными. Механизированные и моторизованные части способны успешно преследовать быстро отходящие отряды и, если необходимо, заходить им в голову. Кроме того, необходимо использовать обычные крестьянские повозки, сани и вьючных животных, особенно в густых зарослях, болотах и лесах, а также в зимнее время...

43. Для преодоления болот часть личного состава должна иметь специальное снаряжение. Такое снаряжение состоит прежде всего из сплетенных из ветвей лыж или щитков, которые дают возможность прикрепившему их к ногам идти по болоту, а также из болотных саней, используемых для перевозки тяжелого вооружения и боеприпасов. В летнее время требуются сетки от комаров.

Для борьбы с партизанами в горной местности совершенно необходимо альпинистское снаряжение.

44. В случае необходимости войска должны сами изготовить снаряжение, необходимое для борьбы против партизан, используя для этого подручные материалы.

45. В борьбе против партизан войска нуждаются в большом количестве хорошо оснащенных подразделений связи, способных в любых условиях быстро налаживать связь. Конные посыльные, а при наличии хороших дорог [273] и мотоциклисты являются необходимым дополнением к техническим средствам связи.

46. переброска подкреплений и предметов снабжения в районы действия партизан связана с большими трудностями... Войска, выделяемые для борьбы с партизанами с самого начала должны быть снабжены в достаточном количестве боеприпасами и взрывчаткой. Продовольствие, если необходимо, следует реквизировать у населения. Особенно важно, чтобы мелкие самостоятельные отряды и ягдкоманды были обеспечены провиантом, необходимым медицинским персоналом и транспортом, чтобы в течение нескольких дней они самостоятельно могли вести боевые действия...

47. Санитарная служба...

48. Вооруженные отряды из местного населения могут лучше всего проявить себя в борьбе против партизан только действуя совместно с нашими войсками или в тесном с ними взаимодействии. Очень важно уберечь их от воздействия вражеской пропаганды. Это достигается с помощью соответствующей просветительной работы и путем максимально частого использования их в боях. Последнее необходимо для того, чтобы у них не оставалось времени для общения с местным населением, подверженным вражеской пропаганде.

В. ВЕДЕНИЕ РАЗВЕДКИ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

49. Разведывательные действия против партизан включают:

- а) сбор сведений о действиях партизан;
- б) разведку перед началом боевых действий;
- в) разведку в ходе боевых действий.

Сбор сведений

50. Цель сбора сведений — получить общее представление об обстановке в районе борьбы против партизан путем анализа многочисленных данных.

51. Сбор сведений обеспечивается:

- а) передачей командованию всех данных наблюдения за действиями партизан;
- б) организованным наблюдением за партизанами... [274]

52. Пункты сбора сведений о действиях партизан должны создаваться теми начальниками на местах, которые отвечают за организацию борьбы против партизан, или, если необходимо, подчиненными им частями. Пункты сбора сведений должны иметь надежную связь с соответствующими начальниками. Если партизаны нарушают, как это часто случается, проволочную связь, следует пользоваться радиосвязью.

53. Донесения о партизанах должны направляться непосредственно в пункты сбора сведений. Круг вопросов, подлежащих освещению в указанных донесениях, и предъявляемые к ним требования, изложены в статьях 64-68...

54. Важные сведения должны передаваться немедленно...

55. Поступившие сведения о действиях партизан должны анализироваться начальниками, ответственными за борьбу против них в данной местности.

Оценка и анализ сведений о партизанах требуют опыта и знания местных условий. Большую ценность представляют сведения о реквизициях, проведенных партизанами. По количеству реквизированного ими продовольствия и численности их групп снабжения можно установить примерную численность самих отрядов. К сведениям поступаемым от отрядов из местного населения, следует подходить очень осторожно. Их сведения о численности противника и о его потерях обычно бывают сильно преувеличенными, а о времени его действий — часто неверными. Очень часто такие донесения составляются под воздействием самих партизан...

56. Сразу же за оценкой обстановки должно следовать решение. Если из оценки обстановки следует, что немедленные действия необходимы и возможны, должен быть отдан приказ начинать наступление, о чем тут же посылается донесение старшему начальнику (см. статью 53) вместе с донесением о принятых мерах.

Если из оценки обстановки следует, что против партизан следует предпринять определенные действия, но сил для этого не хватает, старшему начальнику следует немедленно послать донесение, в котором рекомендовать [275] необходимые действия, указав на недостаток собственных сил.

57. (О ежедневных донесениях о партизанах.)

58. (Об обмене сведениями между соседними штабами.)

59. В штабах, ответственных за организацию борьбы против партизан, необходимо наносить на специальные карты обстановку как в своем, так и в соседних районах действий партизан.

Разведка перед началом боевых действий

60. До начала боевых действий против партизан ответственный начальник должен обеспечить своевременное получение таких сведений о противнике, которые необходимы ему для развертывания его сил. Ответственность за это лежит на командире, руководящем проведением данных боевых действий.

В дополнение к сведениям, полученным из текущих донесений, разведка должна установить местонахождение лагерей партизан, состояние дорог, данные о численности и вооружении противника. Имеется три способа получения таких сведений:

а) использование агентов; этот способ может применяться во всех случаях, особенно тогда, когда сведения нужно собрать совершенно незаметно;

б) использование для разведки ягдкоманд; этот способ может применяться в тех случаях, когда разведка производится в районе, в значительной степени контролируемом партизанами, или против крупных отрядов, которые, вероятно, не уступят занимаемой ими территории без боя;

в) использование разведывательных самолетов, особенно вертолетов «Физелер»; этот способ может применяться только в том случае, если над контролируемыми партизанами районами часто совершаются полеты и появление разведывательного самолета не может явиться для партизан предупреждением о подготовке против них каких-то мер. Применение этого способа разведки против крупных отрядов, видимо, требует меньших предосторожностей, так как в отличие от мелких отрядов, которые [276] обычно уклоняются от боя, они готовы отразить нависающую над ними угрозу.

Против отступающих партизан воздушная разведка должна применяться без всяких колебаний.

61. (Об агентах.)

62. (О наблюдении за населением.)

63. (О наблюдении за воздушными перевозками для партизан.)

64. Донесения о партизанах должны быть точны и лишены преувеличений.

65. Донесения о партизанах должны быть краткими и ясными... В первом донесении особенно важно осветить следующие вопросы:

время обнаружения партизанского отряда;

место обнаружения отряда;

численность отряда;

его действия;

его организацию.

Все последующие детали должны быть сообщены позднее в приложении. В нем необходимо указать следующее:

фамилии командира и комиссара отряда;

название отряда;

кому отряд непосредственно подчинен;

местонахождение запасного и резервного лагерей;

откуда прибыл отряд;

куда он направляется;

его вооружение;

его средства передвижения;

ущерб, нанесенный отрядом;

остальные сведения об отряде.

66. (О терминологии в донесениях.)

67. (О местных наименованиях в донесениях.)

68. (Об условных названиях отрядов в донесениях.)

Разведка в ходе боевых действий

69. В ходе боевых действий против партизан необходимо проводить активную разведку на всех этапах боя и на всех участках, включая тыл и фланги. Ответственность за это лежит на начальнике, который руководит [277] этими действиями, и на всех подчиненных ему командирах.

Перед разведкой стоят следующие задачи:

а) обнаружить все скрытые силы противника;

б) своевременно обнаружить любые попытки партизан незаметно выйти из боя или прорваться через наши боевые порядки:

в) предотвратить возможность внезапной атаки или нападения из засады;

г) разведать позиции противника и наилучшие к ним подходы.

Разведка во время боя должна проводиться в соответствии с обычными правилами.

Разведывательные подразделения, действующие против партизан, должны быть достаточно сильными. Для выполнения этой задачи лучше всего использовать хорошо подготовленные ягд-команды.

70. Допрос пленных является одним из лучших способов получения сведений. Поэтому захваченных партизан расстреливать сразу не следует.

71. Последующий тщательный допрос пленных, представляющих наибольший интерес, дает сведения об организации партизанских отрядов и средствах их связи.

Г. МЕТОДЫ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

1. Окружение и уничтожение

72. Метод уничтожения партизан путем окружения нужно стараться применять во всех случаях, даже против мелких отрядов. Если имеются необходимые для окружения силы и средства, применение такого метода всегда будет успешным.

73. Этот метод заключается в том, чтобы отрезать отряду пути отступления и затем последовательно уничтожить его по частям.

74. При определении сил и средств, необходимых для окружения, следует учитывать следующее:

а) неплотное кольцо окружения недостаточно, необходимо создать надежное сдерживающее кольцо (впереди — разведподразделения, затем — главные силы с тяжелым оружием, в тылу — подвижные резервы); [278]

б) окружать следует только тот район, где действительно находится противник; соседние же районы, где только предполагается наличие партизан, оставлять в стороне.

Если имеющихся сил и средств недостаточно для окружения всего района, занятого партизанами, действия могут быть ограничены окружением части данного района, прежде всего его наиболее важного участка.

75. Совершенно необходимо, чтобы подготовка к окружению и его осуществление проводились чрезвычайно тщательно, в соответствии с требованиями (см. схему 4). С этой целью окружающие войска сосредотачиваются на значительном удалении от основного района действий партизанских отрядов. Пункты сосредоточения для окружения не всегда должны располагаться кольцом вокруг района действий партизан. С целью ввести в заблуждение их разведку подход войск к пунктам сосредоточения рекомендуется совершать таким образом, чтобы лишить противника возможности раскрыть наши планы и побудить его сделать ошибочные выводы относительно наших намерений. Чем мобильнее окружающие войска, тем легче ввести противника в заблуждение. Из пунктов сосредоточения окружающие войска выступают с таким расчетом, чтобы достичь рубежа окружения одновременно. Большое значение имеет предварительная разведка подступов. Сторожевое охранение партизан и небольшие отряды при движении к рубежам окружения трогать не следует. Попытки противника оказать в это время сопротивление необходимо быстро подавлять. Задача состоит в том, чтобы быстро и надежно окружить главные силы. Рубежи окружения намечаются с учетом особенностей местности. Следует выбирать такие рубежи, на которых легче организовать оборону. Поэтому в лесу наиболее подходящими являются тропы и дороги, идущие по диагонали относительно направления движения. В горах рубежи окружения должны проходить вдоль хребтов.

76. Решающим периодом первого этапа окружения является время от выхода на рубежи окружения до завершения оборонительных мероприятий. Партизанские отряды, имеющие боевой опыт, будут пытаться силами разведывательных подразделений прощупывать боевые [279] порядки наших частей, образующих кольцо окружения, чтобы прорваться в слабом месте. Поэтому в период, когда образуется кольцо окружения, тяжелое оружие должно быть использовано подразделениями первого эшелона.

77. После того как создание кольца окружения будет завершено, блокирующие войска должны осуществить необходимые оборонительные мероприятия на случай [280] попыток противника прорваться через наши позиции. Дефиле, тропы, ущелья, болота, ручьи и реки являются наиболее уязвимыми местами и должны соответственно обеспечиваться.

На открытой местности достаточно будет создать позиции для подразделений второго эшелона. Однако они не должны располагаться друг от друга дальше, чем это необходимо для оказания взаимной поддержки огнем. Эти позиции должны располагаться и оборудоваться так, чтобы обеспечивать возможность круговой обороны. Связь между подразделениями, занимающими эти позиции, должна поддерживаться при помощи дозорных и разведывательных подразделений. Эти подразделения должны, кроме того, препятствовать просачиванию отдельных партизан.

Оборона обеспечивается в основном огнем станковых пулеметов. Гранатометы и легкие пехотные пушки ведут огонь по закрытым позициям противника. Противотанковые пушки простреливают тропы и дороги, ведущие к рубежам окружения. План огня должен быть тщательно разработан. Боевое охранение следует выдвинуть вперед. Разведподразделения должны находиться впереди боевого охранения и в тылу кольца окружения. Подвижные подразделения в тылу наших позиций образуют тыл кольца окружения. Все блокирующие войска должны поддерживать между собой связь и быть в состоянии полной боевой готовности.

Попытки противника прорваться следует пресекать сосредоточенным огнем. Если же части партизан удастся прорваться, окружающие войска остаются на своих позициях и немедленно ликвидируют образовавшуюся брешь. Преследование прорвавшегося противника возлагается на резервы. Кавалерийские, моторизованные и танковые подразделения во время создания кольца окружения используются на участках вблизи дорог или находятся в резерве.

78. Вот некоторые способы уничтожения окруженных партизанских отрядов:

а) сужение кольца окружения путем одновременного продвижения к центру всех блокирующих частей (см. [281] схему 5); хотя этот метод кажется простейшим, он тем не менее может быть применен только в небольших районах; в обширных районах его применение вряд ли возможно, поскольку из-за большой величины кольца окружения все блокирующие войска не могут продвигаться с одинаковой быстротой. В силу этого между ними нарушается связь и появляются бреши, сквозь которые противник может легко выйти из окружения;

б) метод «охоты на куропаток» (см. схема 6); этот метод состоит в том, что подразделения одного участка [283] кольца окружения продвигаются вперед, в то время как войска, действующие на противоположном участке, остаются на своих позициях. Атакующие силы оттесняют партизан, как куропаток, к оборонительным позициям наших войск; следует иметь в виду, что партизаны могут предпринять попытку прорваться через боевые порядки атакующих подразделений, поэтому в тылу последних на достаточном удалении должны находиться резервы. Такой метод рекомендуется в том случае, если известны направления возможного прорыва и пути, которыми может воспользоваться противник при попытке выйти из окружения, а также если часть блокирующих войск занимает удобные для обороны позиции (у реки, на плато, у лесной полосы), что делает попытки прорыва на таком участке безнадежными. Тогда оттеснение партизан к этим позициям легко ведет к их уничтожению.

в) вбивание мощных клиньев (см. схему 7); немедленно после того, как блокирующие войска заняли назначенные им рубежи, силами подразделений смешанного состава вбиваются мощные клины по направлению к центру кольца окружения или к уже известному месторасположению лагерей партизанских отрядов. Окружающие войска в это время остаются на своих позициях. Такой метод с самого начала лишает партизан свободы действий. Они лишаются также возможности выявить силами своей разведки слабые места в кольце окружения с целью прорыва;

партизаны, энергично атакуемые в их главном лагере, оказываются перед необходимостью разбиться на несколько групп; когда это достигнуто, войска окружения начинают наступать, охватывают противника с флангов, входят в соприкосновение с отрядами, прорвавшимися внутрь кольца окружения, и дробят окруженного противника на мелкие группы, которые затем легко ликвидируются; для уничтожения партизан в больших котлах часто требуется несколько дней; в таких случаях войскам необходимо ставить задачи на каждый день боя; выбор рубежей для окружения и ликвидации расчлененных групп противника, а также выделение необходимых для этого сил осуществляются в соответствии с общими правилами; [285]

г) использование ударной группы (см. схему 8); если партизанский отряд построил постоянный лагерь и разведывательные данные говорят о том, что он будет его оборонять, то этот район должен быть окружен, а из резервов должна быть сформирована сильная ударная группа, эта группа продвигается от кольца окружения,

атакует лагерь и уничтожает партизанский отряд; задача окружающих сил — не допустить отход противника, а в дальнейшем прочесать район с целью обнаружения укрывшихся партизан.

79. Сведения, полученные от лиц, дезертировавших из партизанских отрядов, ненадежны.

2. Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием

80. В тех случаях, когда для окружения партизан сил или времени недостаточно, лучше внезапно атаковать партизанский отряд, навязать ему бой, уничтожить в ходе атаки как можно больше его живой силы, затем начать преследование и уничтожение раздробленных групп противника. Следует мириться с тем, что отдельные изолированные группы могут скрыться. Этот метод особенно успешно применяется против тех партизанских отрядов, [286] которые еще не завершили сооружения своего лагеря или находятся на марше...

81. Главное в этом тактическом приеме состоит в том, чтобы, используя свое превосходство в силах и средствах, нанести партизанскому отряду решающее поражение и преследовать его до полного уничтожения.

82. Учитывая быстроту развития этого вида боя, перед ним совершенно необходимо проводить разведку. Местонахождение и численность партизанского отряда должны быть установлены заблаговременно.

83. Атака должна быть внезапной. Войска сосредоточиваются на большом удалении от района предстоящего боя, а затем совершают бросок по заранее разведанным дорогам.

84. Последующее развитие боя зависит от характера противодействия партизан.

Если отряд принимает бой, наступление должно продолжаться согласно плану... Если же он пытается уклониться от боя, часть сил осуществляет медленное фронтальное преследование партизан, а остальные силы быстро обходят противника с флангов и окружают его.

Если отряд распадается на отдельные группы, войска организуют погоню за ними...

Если отряд рассеивается, действия следует прекратить и провести новую разведку... После этого нужно выработать новый план действий.

85. Погоня — наиболее сложный вид преследования. Ее цель — настигнуть, изолировать и уничтожить партизанский отряд...

Погоня возможна только в том случае, если войска могут передвигаться быстро. Поэтому для перевозки боеприпасов и другого возимого имущества преследующих подразделений рекомендуется использовать другие подразделения.

Погоня предпринимается прежде всего за командованием партизанского отряда.

3. Использование против партизан ягдкоманд

86. Структура ягдкоманд дает им возможность активно бороться против партизан, даже самыми небольшими [287] силами. Ягдкоманды наиболее подходят также для проведения разведки боем. Их необходимо создавать как ударные отряды при всех частях и штабах, занятых борьбой с партизанами, и использовать при каждой благоприятной возможности. Необходимо, чтобы одно из подразделений постоянно выполняло роль ягдкоманды.

Ягдкоманды должны постоянно беспокоить партизан, нарушать их снабжение и препятствовать организации новых отрядов. Они обеспечивают охранение наших войск, которые в силу возложенных на них задач (охрана и т. д.) должны оставаться на месте.

87. Главное в тактике ягдкоманд заключается в том, чтобы, подражая партизанам и приспособившись к местным условиям, скрытно подойти как можно ближе к противнику, внезапно его атаковать и уничтожить.

88. Наиболее благоприятными для действий ягдкоманд являются районы:

через которые партизаны совершают переходы;

где они добывают продовольствие;

через которые они проходят, направляясь на диверсии.

Районы, в которых партизаны имеют хорошо укрепленные лагеря, для действий ягдкоманд неблагоприятны,

89. Численность ягдкоманды не должна быть меньше взвода или больше роты.

Чтобы выполнять стоящие перед ними задачи, ягдкоманды должны быть соответствующим образом оснащены. Им следует иметь маскировочные халаты, теплую одежду, крестьянские повозки и сани, вьючных животных, лыжи, полевую кухню, миноискатели, различные инструменты, телефонное оборудование для подслушивания и передачи донесений командованию, рации. Ягдкоманды необходимо вооружать большим количеством автоматов, автоматических карабинов, ручных пулеметов, легких гранатометов, ручных гранат. Ягдкоманды должны быть в состоянии в течение длительного времени вести боевые действия без пополнения своих запасов продовольствия и боеприпасов.

90. В ягдкоманды следует отбирать бесстрашных и хорошо подготовленных солдат. Каждой ягдкоманде придается несколько саперов, кавалеристов, связистов [288] и переводчиков. В ягдкомандах целесообразно использовать местных жителей, но, разумеется, только хорошо проверенных и надежных.

Все солдаты ягдкоманд (даже те, кто непосредственно не участвует в боевых действиях) должны постоянно заниматься боевой подготовкой, чтобы всегда быть в состоянии боевой готовности.

91. Командир ягдкоманды должен быть изобретательным, находчивым офицером. Непременным условием успешного применения ловких тактических приемов является хорошее знание тактики партизан и местных условий. Поэтому ягдкоманды следует всегда использовать в знакомом им районе. Например, очень важно следующее: если ягдкоманда в течение продолжительного времени действует в одном районе, то вполне можно предположить, что все ее приготовления и передвижения находятся под тщательным наблюдением разведки партизан. Поэтому самое главное заключается в том, чтобы скрыть от партизан развертывание сил перед началом каждой новой экспедиции. Ягдкоманда должна ввести в заблуждение разведку противника, предприняв движение в район, находящийся в противоположном направлении от места намеченных действий, куда она должна будет прибыть лишь спустя некоторое время, использовав обходные пути. Все передвижения, так же как и остановки на отдых, следует тщательно маскировать. Если ягдкоманда обнаружена, она оставляет свой район.

Хороший «охотничий» инстинкт у каждого солдата ягдкоманды, и особенно у ее командира, — следующее важное условие успеха. Если ягдкоманда хочет иметь сведения о партизанах, то здесь она должна рассчитывать только на себя, особенно когда она действует вдали от других частей.

92. Ягдкоманда действует следующим образом: переходы она совершает большей частью ночью, а в дневное время находится в скрытом месте. И на марше и на привалах ягдкоманда должна обеспечивать непосредственное охранение. Разведка начинается по достижении места боя. О действиях и передвижениях партизан ягдкоманда судит по оставляемым ими следам. Чтобы [289] избежать предательства, не следует вступать в контакт с населением. В ягдкомандах всегда себя оправдывало использование постоянных подразделений войсковой разведки. Разведподразделения ведут наблюдение за путями подхода и передвижениями партизан из мест, удобных для нападения на противника (см. схему 9). Успех дела решают хорошая маскировка, тесное взаимодействие и главное — терпение.

После уничтожения противника его документы и карты должны быть сохранены, а оружие и боеприпасы [290] приведены в негодность. Сбор трофеев проводится под прикрытием огневых групп. Соблюдение этого правила особенно важно, так как партизаны часто отступают в одном месте лишь для того, чтобы попытаться атаковать в другом. Ягдкоманды уклоняются от боя со значительно превосходящими их силами противника.

93. Для того чтобы обеспечить внезапность своих действий, ягдкоманды не посылают командование текущих донесений, за исключением особо важных сведений, вызывающих необходимость немедленного использования более крупных сил.

III. МЕРЫ ОХРАНЕЕНИЯ ОТ ПАРТИЗАН

94. Активные боевые действия против партизан должны дополняться столь же энергичными мерами охранения войск и объектов. Кроме войсковых частей, необходимо охранять следующие объекты:

- а) железные дороги;
- б) шоссейные дороги и водные пути;
- в) населенные пункты;
- г) промышленные, административные объекты и средства связи;
- д) поля и лесные угодья.

95. Принцип охранения от партизан заключается в следующем: охране подлежит все, что представляет важность для ведения войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

{1} Нерегулярные отряды, действовавшие против японских оккупантов в Бирме. — *Прим. ред.*

{2} Имеется в виду Гагская конвенция 1907 года. — *Прим. ред.*

{3} Гагская конвенция устарела и еще в двух отношениях. Во-первых, определяя права и обязанности населения оккупированной территории, она устанавливает единые правила независимо от того, является ли оккупирующая держава агрессором или жертвой агрессии. Во-вторых, по Гагской конвенции оккупирующая держава не имеет права создавать на оккупированной враждебной территории гражданскую администрацию взамен военной. Не входя в детали, необходимо сказать, что международная практика не придерживается более этого правила и что оно неосуществимо вследствие огромных размеров территорий, оккупируемых враждебными войсками в современной войне.

{4} Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. VII, ч. II, М. — Л. 1933, стр. 337. — *Прим. ред.*

{5} Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. IX, М., 1933, Восточный вопрос, стр. 369-484; Русско-турецкая война, стр. 549-709. — *Прим. ред.*

{6} Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XII, ч. II, М., 1934, Гражданская война в Америке, стр. 331-342; Гражданская война в Северной Америке, стр. 233-243; Гражданская война в Соединенных Штатах, стр. 244-252. — *Прим. ред.*

{7} China at War, Chungking, vol. II, No. 4, April 1939, p. 8.

{8} Имеется в виду война за независимость 1775-1776 годов. — *Прим. ред.*

{9} «The Goebbels Diaries», Translated and edited by L. P. Lochner, London, 1948.

{10} Здесь и ниже курсив авторов книги. — *Прим. ред.*

{11} Сталин И. В., Марксизм и национально-колониальный вопрос, Сборник статей и речей, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. — *Прим. ред.*

{12} Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, вып. 6, Государственное издательство, М. — Л., 1929, Тезисы о борьбе с военной опасностью, стр. 92-95. — *Прим. ред.*

{13} Сталин И. В., Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1946, стр. 432. — *Прим. ред.*

{14} London Observer, Sunday, 1st April, 1951, p. 5, «Sayings of the Week».

{15} См. Miksche F. O., Secret Forces, The Technique of Underground Movements, London, 1950, p. 29 f.; Lawrence. The Seven Pillars of Wisdom; Liddell Hart, Strategy of Indirect Approach, London, 1941. В первую мировую войну немцы боролись с партизанами только в Литве.

{16} Snow E., Scorched Earth, London, 1941, p. 323.

{17} Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 1, М., 1952, стр. 407. — *Прим. ред.*

{18} Hanson H., Humane Endeavour, New York, Toronto, 1939, p. 286 f.

{19} Из интервью, данного Мао Цзэ-дуном Эдгару Сноу 16 июля 1946 года. Помещено в книге Dimitroff G., Wan Min, Mao Tse-Tung, Ueber die anti-japanische nationale Einheitsfront in China, Moskau, 1937, S. 86; и в книге Snow E., Red Star over China, London, 1937, p. 104 f.

{20} Так у авторов. Действительно Мао Цзэ-дун говорит следующее: «С точки зрения революционной войны в целом, народная партизанская война, с одной стороны, и главные силы Красной Армии — с другой, являются как бы двумя руками одного человека... Население революционных баз, активно помогающее Красной Армии, — это, говоря конкретно, особенно с точки зрения ведения войны, вооруженный народ. Главным образом поэтому противник и считает, что в базы ему соваться опасно». См. Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 1, М., 1952, стр. 402. — *Прим. ред.*

{21} Snow E., *Red Star over China*, London, 1937, p. 106.

{22} Речь идет о работе товарища Мао Цзэ-дуна «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков». Издана эта работа не в 1937 году, а в мае 1938 года. — *Прим. ред.*

{23} Опубликован в 1940 году в *U. S Marine Corps Gazette*. Другой перевод брошюры вышел в Бомбее в 1948 году под названием «Aspects of China's Anti-Jap Straggle».

{24} Вопросы организации партизанского движения в Китае авторы излагают неточно. Мао Цзэ-дун по этому вопросу говорит следующее: «В партизанской опорной базе создается военный округ, который делится на несколько военных «подокругов»; в каждый военный «подокруг» входит несколько уездов, а каждый уезд делится на несколько районов. При таком делении существует система подчинения районных властей уездным, уездных властей — штабу военного «подокруга», штаба военного «подокруга» — штабу военного округа, а вооруженные силы в зависимости от их характера подчинены различным инстанциям. Взаимоотношения между перечисленными инстанциями, в соответствии с изложенным выше принципом, строятся таким образом, что общую линию намечает высшая инстанция, а конкретные действия предпринимаются в соответствии с конкретной обстановкой, и здесь низшим инстанциям предоставляется право действовать независимо и самостоятельно».

См. Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 2, М., 1953, стр. 186. — *Прим. ред.*

{25} Из беседы Эдгара Сноу с Пын Дэ-хуаем. См. Snow E., *Red Star over China*, London, 1937, p. 286.

{26} Snow E., *Red Star over China*, London, 1937, p. 287.

{27} «La strategic de guerre revolutionnaire en Chine», Paris, 1950.

{28} Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, М., 1953, стр. 155. — *Прим. ред.*

{29} Такой точки зрения придерживался бывший статс-секретарь Кёрнер. Цитировано из *Ministries Case (№ 11)*, Transcript, pp. 14082seq.

{30} Сталин И., О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1952, стр. 15. — *Прим. ред.*

{31} Из директивы Гитлера от 13 мая 1941 года «Об особой подсудности в районе «Барбаросса».

{32} Miksche F. O., *Secret Forces, The Technique of Underground Movements*, London, 1950, p. 35.

{33} Желательно, чтобы наши собственные власти изыскали возможности создания компетентной научно-исследовательской организации для изучения этих материалов, использовав для этой цели квалифицированных специалистов.

{34} Руководитель гитлеровской администрации на оккупированной территории. Окружной комиссар. — *Прим. ред.*

{35} Gabrilovich E., Bogdan the Elusive, in *The Symposium «Behind the Front Line»*, by Lt.-Gen. Ponomarenko, London, New York, ets., 1945, p. 50 and 52.

{36} П. К. Пономаренко не является редактором этого сборника. Его статья просто помещена первой в ряду других статей и очерков, собранных зарубежными составителями сборника. — *Прим. ред.*

{37} Этой фразы в цитируемой статье Пономаренко нет. — *Прим. ред.*

{38} Пономаренко П. К., Партизанское движение в Великой Отечественной войне, Госполитиздат, 1943, стр. 50. — *Прим. ред.*

- {39} Schaefer Dr., Der Kampf gegen Banden, *Hamburger Fremdenblatt*, No. 167, 19.6.1943.
- {40} Авторы дают вольный пересказ этого эпизода. Точное описание дано в книге Кузина И. «Записки партизана», М., 1942, стр. 20-21. — *Прим. ред.*
- {41} Игнатов П., Записки партизана. Книга первая. В предгорьях Кавказа, М., 1949 г., стр. 150-151. — *Прим. ред.*
- {42} Klein-Schonnefeld K., Die toedlichenWaelder, *Hamburger Fremdenblatt*, No. 312, 7.12.1943.
- {43} Так назывались специальные отряды немецкой полиции, СС и СД, которые занимались массовым уничтожением мирного населения и военнопленных, главным образом на временно оккупированной ими советской территории. — *Прим. ред.*
- {44} Так назывались специальные отряды немецкой полиции, СС и СД, объединявшие зондеркоманды. — *Прим. ред.*
- {45} Выступление генерал-лейтенанта Дитмара по радио 6 июля 1943 года о партизанском движении.
- {46} *Danziger Vorposten*, 17.12. 1942.
- {47} *Koelnische Zeitung*, 13.4.1942.
- {48} Hasse P., *Hamburger Tageblatt*, 25.6.1942.
- {49} С рассказами о подвигах партизан можно познакомиться в следующих книгах: Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949; Игнатов П., Записки партизана. Книга первая. В предгорьях Кавказа, М., 1949; Кузин И., Записки партизана, М., 1942; Павленко П., Русская повесть, М., 1942 г.; Корнейчук А., Партизаны в степях Украины; Вино градская Е., Женщина за линией немецкого фронта, Совинформбюро, 1944; Ковпак С., Партизаны на Украине, в журнале *The Army Quarterly*, January 1945, vol. XLIX, No. 2, p. 188; Федоров А., Подпольный обком действует, М., 1954. (Большинство приведенных здесь автором книг переведено различными иностранными издательствами на английский язык. — *Прим. ред.*)
- {50} Сталин И., О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1952, стр. 53. — *Прим. ред.*
- {51} Там же, стр. 58. — *Прим. ред.*
- {52} Курсив в подлиннике.
- {53} Так называлась полиция, созданная оккупантами из числа местных немецких пособников. — *Прим. ред.*
- {54} «We are Guerillas», An Account of the Work of Soviet Guerilla Bands behind the Nazi Lines, *Soviet War News*, issued by the Press Department of the Soviet Embassy in London (no year), p. 8.
- {55} «We are Guerillas», An Account of the Work of Soviet Guerilla Bands behind the Nazi Lines, *Soviet War News*, issued by the Press Department of the Soviet Embassy in London (no year), p. 26 and 29.
- {56} Курсив автора доклада.
- {57} Пономаренко П. К., Партизанское движение в Великой Отечественной войне, Госполитиздат, 1943, стр. 49-50. (Фраз, заключенных в скобки, в цитируемой статье нет.) — *Прим. ред.*
- {58} Как это было далеко от той странной концепции, которой раньше придерживался Гитлер. 16 июля 1941 года на совещании, на котором присутствовали Геринг, Кейтель, Розенберг и другие, он заявил: «Партизанская война... имеет некоторое преимущество для нас. Она позволяет нам истреблять всех тех, кто нам противится».
- {59} Пономаренко П. К., Партизанское движение в Великой Отечественной войне, Госполитиздат, 1943, стр. 50. (Данных, взятых в квадратные скобки, в цитируемой статье нет.) — *Прим. ред.*
- {60} VinogradskayaK., A Woman Behind the German Lines, *Soviet War News*, 1944.

{61} Kovpak S., Partisans of the Ukraine, in *The Army Quarterly*, January 1945, vol. XLIX, No. 2, p. 188.

{62} Bulatov V., On Crimean Soil, in the Symposium «Behind the Front Line», by Lt.-Gen. Ponomarenko, London, New York, etc., 1945, p. 60.

{63} Transcript in the Court-Martial case against von Manstein, p. 1923 f.

{64} Данная «директива» является вольным пересказом директивы СНК БССР и ЦК КП(б) Белоруссии, изданной в начале июля 1941 года, «Об организации отрядов народного ополчения».

В этой директиве говорится о построении народного ополчения, его содержании, задачах и руководстве им.

Авторы книги, подменив понятие «народное ополчение» понятием «партизанское движение», исказили смысл всей директивы в целом.

Кроме того, смысловые искажения имеют и отдельные пункты директивы. Несколько пунктов директивы, говорящих о том, что делают отряды народного ополчения в случае оккупации района, авторами опущены. — *Прим. ред.*

{65} Schaefer Dr., Der Kampf gegen Banden, *Hamburger Fremdenblatt*, No. 167. 19.6. 1943; Miksche F. O., *Secret Forces, The Technique of Underground Movements*, London, 1950, p. 46, fth. 1.

{66} We are Guerillas, *Soviet War News*, issued by the Press Department of the Soviet Embassy in London (no year), p. 6.

{67} Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 78, 103, 106-107; Кузин И., *Записки партизана*, М., 1942, стр. 7-8, 20. — *Прим. ред.*

{68} Miksche F. O., *Secret Forces, The Technique of Underground Movements*, London, 1950, p. 46, fth. 1.

{69} Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 171-180. — *Прим. ред.*

{70} Snow E., *Red Star over China*, London, 1937, p. 284.

{71} Мао Цзэ-дун, *Избранные произведения*, т. 3, М., 1953, стр. 156. — *Прим. ред.*

{72} Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 30, 36-38. — *Прим. ред.*

{73} Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 7. Вероятно, единственным в своем роде был «минно-диверсионный вуз», созданный в отряде Игнатова для обучения партизан, выделенных из других отрядов этого района. (См. Игнатов П., *Записки партизана*, М., 1949, стр. 4. — *Прим. ред.*)

{74} Игнатов П., *Записки партизана*, М., 1949, стр. 87. — *Прим. ред.*

{75} Один отряд питание для своего передатчика получал с электростанции спиртоводочного завода, который работал под контролем немцев и снабжал таким образом электроэнергией как немцев, так и русских.

{76} Это не значит, что многим партизанским отрядам не приходилось добывать себе снаряжение ценою огромных усилий.

{77} Этого не было сделано во Франции, и поэтому «маки» пришлось встретиться с большими трудностями. Отряды французских партизан, созданные только в 1942 году, почти полностью зависели от англо-американских поставок оружия и снаряжения. Кроме того, в отличие от русских партизан «маки» не были вовремя обучены — ни до войны, ни тогда, когда французская армия еще вела боевые действия.

{78} *China at War*, Chungking, vol. III, No. 2, September 1939, p. 43.

{79} Здесь прав был председатель, а не Манштейн. Согласно странице 2310 протокола, на вопрос о том, имели ли партизаны тайные запасы, заданный ему ранее защитником, фон Манштейн ответил: «Да, они создали *большие* запасы, которые были подготовлены повсеместно».

- {80} Schaefer Dr., Der Kampf gegen Banden, *Hamburger Fremdenblatt*, No. 167, 19. 6. 1943.
- {81} Alsop S., Griffith S. B., We Can Be Guerillas Too, *Saturday Evening Post*, 2. 12. 1950, p. 32 ff.
- {82} Федоров А., Подпольный обком действует, издательство «Молодая гвардия», 1954, стр. 368-369. — *Прим. ред.*
- {83} Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 131, 159-160, 205. — *Прим. ред.*
- {84} Примером могут служить подвиги казачьего эскадрона, действовавшего в течение 12 дней за линией фронта и создавшего перед возвращением в свою часть сильный партизанский отряд, который должен был продолжать действия в немецком тылу. См. книгу «Strategy and Tactics of the Soviet-German War», by officers of the Red Army and Soviet War Correspondents, London, New York, Melbourne (no year), p. 92 f.
- {85} McClure B., Russia's Hidden Army, *Infantry Journal* vol. 65, July 1949, p. 9.
- {86} «Законы и обычаи войны, Важнейшие международные конвенции», М., 1942, стр. 6. — *Прим. ред.*
- {87} U. S. War Crimes Trial against F.-M. von Leeb et al., at Nuernberg, High Command Case, No. 12, Tr. p, 2871.
- {88} We are Guerillas, *Soviet War News*, issued by the Press Department Of the Soviet Embassy in London» p. 4.
- {89} U. S. War Crimes Trial against F.-M. List et al., at Nuernberg, Transcript, p. 10440, Case No. 7.
- {90} U. S. War Crimes Trail against Ohlendorf et al., at Nuernberg, Einsatzgruppen Case, No. 9, Transcript, p. 6758.
- {91} U. S. War Crimes Trial against F.-M. Vdn Leeb et al., p. 48, of the Judgement.
- {92} «U. S. War Crimes Trial», Transcript, p. 3144.
- {93} Waltzog, *Law on Land, Warfare*, Berlin, p. 5. .
- {94} «U. S. War Crimes Trial against F.-M. von Leeb et al.», p. 96 of the Judgement.
- {95} «U. S. War Crimes Trial against F.-M. List et al.», p. 10442, of the Transcript.
- {96} «U. S. War Crimes Trial against F. M. von Leeb et al.», p. 96, of the Judgement.
- {97} «U. S. War Crimes Trial against F.-M. von Leeb et al.», p. 96 of the Judgement. По вопросу о том, должны ли партизаны передаваться СД, см. стр. 107, 188 и 213 этого же источника, а также Transcript in «The Court-Martial Case against von Manstein», p. 3161. По вопросу о расстрелах см. также «U. S. War Crimes Trial against List», the Brtish trials against Kesselring und Mackensen and our own «Mannual of Military Law», Articles 452 f., а также приговор голландского суда по делу Раутера в сборнике «Law Reports of Trials of War Criminals», vol. XIV, p. 129 seq.
- {98} «Законы и обычаи войны, Важнейшие международное конвенции», М., 1942, стр. 6. — *Прим. ред.*
- {99} Так у авторов. Для сравнения см. Пономаренко П. К., Партизанское движение в Великой Отечественной войне, М.» 1948, стр. 43. — *Прим. ред.*
- {100} Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. т. VII, ч. II, М., — Л., 1930, стр. 337. — *Прим. ред.*
- {101} Kovpak S., Partisans of the Ukraine, in *The Army Quarterly*, January 1945, vol. XLIX, No. 2, p. 94.
- {102} Teske H., *Die silbernen Spiegel*, Heidelberg, 1952, S. 192, 210 usw.
- {103} «В тылу врага», Сборник очерков, дневников и записок, Предисловие П. К. Пономаренко, издательство «Молодая гвардия», 1943, стр. 5. — *Прим. ред.*

{104} Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 49. — *Прим. ред.*

{105} Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 115. — *Прим. ред.*

{106} СД создавала специальные картотеки и списки на лиц на оккупированной территории, которые должны были быть подвергнуты «особому» режиму — физическому уничтожению или заключению в концлагери. — *Прим. ред.*

{107} U. S. War Crimes Trial against Ohlendorf et al., at Nuernberg, Einsatzgruppen Case, No. 9, Transcript, p. 6754. Главное имперское управление безопасности рейха было высшим органом СД.

{108} Некоторые из них были кратко проинформированы уже в мае 1941 года на двух совершенно секретных совещаниях в Прецше и Дебене.

{109} Приговор Международного военного трибунала, Нюрнбергский процесс, Сборник материалов, т. 2, М., 1954, стр. 1033. — *Прим. ред.*

{110} Это не помешало эйнзатцгруппам и полиции безопасности уничтожить 2 млн. беззащитных людей. Этот факт установлен Международным военным трибуналом и процессом над руководителями эйнзатцгрупп.

В этой главе мы ограничиваемся описанием мероприятий по борьбе с партизанами в районах, находившихся под военным контролем. В оккупированных глубинных районах России, находившихся в ведении гражданской администрации немецких рейхскомиссаров, борьбу с партизанами вели полицейские части, подчинявшиеся высшим руководителям СС и полиции, и некоторые подразделения СД.

{111} Принята 6 июля 1906 года. — *Прим. ред.*

{112} Советская Россия предложила также с той же оговоркой соблюдать Женевский протокол от 17 июня 1925 года о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. (О своем согласии соблюдать на началах взаимности Гаагские конвенции, направленные на гуманизацию законов и обычаев войны, Советский Союз заявил в циркулярной ноте В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г. К Женевскому протоколу от 17 июня 1925 года Советский Союз присоединился еще в 1927 году. — *Прим. ред.*)

{113} В приговоре Международного военного трибунала (см. Нюрнбергский процесс, Сборник материалов, т. 2, М., 1954, стр. 1020. — *Прим. ред.*) эта мысль выражена следующим образом: «Некоторые воюющие стороны в последней войне не были участниками этой (Гаагской) конвенции.

По мнению Трибунала, нет необходимости решать этот вопрос... в 1939 году эти правила, изложенные в конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны...» Что же касается Женевской конвенции об обращении с военнопленными, см. там же (стр. 1000. — *Прим. ред.*)

{114} Попытку авторов книги представить дело так, будто Советский Союз нарушал законы и обычаи ведения войны, нельзя объяснить не чем иным, как злонамеренным стремлением оклеветать Советский Союз, оправдать чудовищные зверства, чинимые гитлеровцами, и попытаться отвлечь внимание общественности от зверств, которые американские и английские колонизаторы совершали и совершают в Корее, Малайе, Кении. Ярким примером исключительного лицемерия английской женщины, ратующей за соблюдение законов и обычаев войны, могут служить страшные зверства и преступления, совершенные английскими и французскими колонизаторами во время агрессии против Египта в 1956 году. — *Прим. ред.*

{115} Постановление СНК СССР в том виде, в котором оно приведено авторами, дает об этом документе неполное и неточное представление. В постановлении об обращении с военнопленными за № 17/98, принятом Советом Народных Комиссаров СССР 1 июля 1941 года, кроме того, говорится о госпитальном лечении раненых и больных военнопленных, об обеспечении всех военнопленных жильем, одеждой, предметами первой необходимости и денежным довольствием. В постановлении говорится также о распространении на военнопленных трудового законодательства СССР в случае привлечения их к работам. — *Прим. ред.*

{116} «Bolshevik Crimes against the Laws of Warfare and Humanity, Documents compiled by the German Foreign Office», 2nd series, Berlin, 1942.

{117} Все эти так называемые «русские документы», которые с такой готовностью цитируют авторы, представляют собой типичные грубые фальшивки гитлеровцев, стремившихся отвлечь внимание общественности от чинимых ими зверств в отношении народов оккупированных ими стран и военнопленных и запугать собственных солдат советским пленом. Взять хотя бы так называемое «донесение 33-й армии». Оно якобы подписано начальником разведотдела штаба армии капитаном Потаповым. Однако капитан Потапов никогда не был начальником разведотдела 33-й армии и не мог направлять подобного донесения.

То же можно сказать и о других «документах». Трудно предположить, чтобы авторы верили в правдоподобность этих «донесений». Поместили они их с единственной целью оклеветать Советский Союз и как-то оправдать зверства, совершенные гитлеровцами. — *Прим. ред.*

{118} Вышеприведенные выдержки из советских приказов интересно сравнить со следующими строками из книги «Boer Commandos in the South African War», by Deneys Reitz, p. 190: «Английские военнослужащие, как офицеры, так и рядовые, были неизменно гуманными. Это было так хорошо известно, что наши враги без колебания оставляли раненых на милость англичан в полной уверенности, что их вынесут с поля боя и окажут им необходимую медицинскую помощь; это несомненный факт, который во многом облегчал тяготы войны».

{119} Schneider G., *Hamburger Fremdenblatt*, No. 45A, 14. 2. 1942.

{120} В донесении такой формы немцы вначале излагают результаты действий, а затем приводят более подробное их описание. В данном случае под рубрикой «результаты» суммируются основные итоги действий войск. Более подробно об их действиях рассказывается в этом же донесении. Римские цифры и буквы являются здесь ссылками на соответствующие параграфы и пункты основного текста донесения. — *Прим. ред.*

{121} Здесь, видимо, идет речь о наставлении по борьбе с партизанами, введенном в действие в 1944 году германским верховным командованием. — *Прим. ред.*

{122} Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal at Nuernberg, IMT Proceedings, vol. XX, p. 622.

{123} Весьма знаменательно, что здесь упоминается город Ялта, который впоследствии приобрел такую большую известность.

{124} Kober, Auf Bandenjagd im Osten, *Hamburger Fremdenblatt*, No. 131, 13.5. 1943.

{126} Slesina H., Soldaten gegen Tod und Teufel, Duesseldorf, 1942, S. 182.

{127} Slesina H., Soldaten gegen Tod und Teufel, Duesseldorf, 1942, S. 167.

{128} Наибольшее число партизан, убитых и взятых в плен в течение одного рейда, приводится в докладе Главного штаба германских вооруженных сил от 30 июня 1944 года. В этом докладе утверждается, что в результате одного рейда 7700 партизан было убито и 5300 взято в плен.

{129} Фотокопию этого объявления см. Нюрнбергский процесс, Сборник материалов, т. 1, М., 1954, стр. 544-545. — *Прим. ред.*

{130} Из выступления генерал-лейтенанта Дитмара по радио 6 июля 1943 года.

{131} AIsop S. and Griffith, We Can Be Guerillas Too, *Saturday Evening Post*, 2. 12. 1950, p. 32 f.

{132} Пономаренко П. К., Партизанское движение в Великой Отечественной войне, Госполитиздат, 1943, стр. 51. — *Прим. ред.*

{133} Речь идет о плане борьбы против национально-освободительной армии Малайи, который был разработан генерал-лейтенантом Бриггсом, назначенным английским правительством в конце марта 1950 года «главнокомандующим по истреблению бандитов». Бриггс выдвинул план «наступления» и «переселения», ставивший целью выселить население из районов действий национально-освободительной армии и уничтожить саму эту армию.

В результате к концу 1953 года им было выселено и заключено в концентрационные лагеря около 600 тыс. местных жителей. Одновременно Бриггс осуществлял свой план «наступления», стремясь

последовательно вытеснить национально-освободительную армию из всех княжеств, а затем окружить ее и уничтожить. Однако искусная партизанская тактика, применявшаяся национально-освободительной армией, привела к позорному провалу планов этого гаулейтера английского империализма. — *Прим. ред.*

{134} Schaefer Dr., *Hamburger Fremdenblatt*, No. 167, 19.6. 1943.

{135} Девет, Христиан Рудольф (1854-1922). Бурский генерал и политический деятель. Прославился своими действиями против английских колонизаторов. В глазах буров был наиболее смелым и способным организатором и руководителем партизанской борьбы. — *Прим. ред.*

{136} Мозби, Джон Синглтон (1833-1916). В период Гражданской войны в США вступил в ряды армии конфедератов и вскоре стал полковником. Сформировал кавалерийский отряд, получивший известность под названием «Партизанского диверсионного отряда Мозби». Этот отряд наносил большой ущерб армии северян, нарушая ее коммуникации, нападая на сторожевые посты, захватывая обозы и т. п. — *Прим. ред.*

{137} Морган, Джон Хант (1826-1864). В период Гражданской войны в Америке был одним из генералов армии конфедератов. — *Прим. ред.*

{138} Форрест, Натан Бедфорд (1821-1877). Крупнейший плантатор-рабовладелец в штате Теннесси. Когда в США началась Гражданская война, он вступил рядовым в армию конфедератов и через два года стал генерал-майором. Командовал крупным кавалерийским отрядом, который совершал рейды в тылы армии северян, нарушая ее коммуникации, нападая на отдельные гарнизоны, захватывая склады, совершая различные диверсии. — *Прим. ред.*

{139} Гофер, Андреас (1767-1810). Организатор партизанской войны в Тироле против французов. В 1809 году он поднял население на восстание, разбил французов и до Венского мира (14 октября 1809 г.) управлял Тиролем. — *Прим. ред.*

{140} Шилль, Фердинанд Баптиста (1776-1809). Прусский офицер. В 1809 году он поднял свой гусарский полк на восстание против французов, стремясь освободить Пруссию от французского господства. Восстание было подавлено, а он сам убит. — *Прим. ред.*

{141} Диас, Порфирио (1830-1915). Мексиканский генерал и государственный деятель. Президент Мексики (1877-1880, 1884-1911). Отличился в национально-освободительной борьбе, которую в 1864-1867 гг. мексиканский народ под руководством президента Хуареса вел против французских интервентов. После смерти Хуареса сверг его законного преемника и установил в стране свою жестокую реакционную диктатуру. — *Прим. ред.*

{142} Глава СС Генрих Гиммлер. — *Прим. ред.*

{143} «Trial of the Major War Criminals, International Military Tribunal», vol. IV, p. 481.

{144} Так автор называет англо-бурскую войну 1899-1902 годов. — *Прим. ред.*

{145} Conan Doyle A., *The Great Boer War*, p. 404.

{146} Percy Cross Standing, *Guerilla Leaders of the World*, London, 1912, p. 254.

{147} Thiers, in *Consulate and Empire*, quoted from Percy Cross Standing, *Guerilla Leaders of the World*, London, 1912, p. 131.

{148} Ковпак С., *От Путивля до Карпат*, М., 1949, стр. 115. — *Прим. ред.*

{149} Robinson R. E. R., *Reflections of a Company Commander in Malaya*, *The Army Quarterly*, vol. LXI, No. 1, October 1950, p. 80.

{150} Бюжо, Томас Роберт (1784-1849), французский маршал. Будучи в 1841 году назначен генерал-губернатором Алжира, возглавил действия более чем сотысячной французской армии против национально-освободительных сил алжирского народа. Действия его войск против алжирских патриотов отличались крайней жестокостью — *Прим. ред.*

{151} Абд-эль-Кадир, замечательный алжирский патриот, выдающийся государственный, политический и военный деятель. С 1830 года возглавил национально-освободительное движение алжирского народа против французских колонизаторов. Создал регулярную армию и добился ряда побед над французскими войсками. — *Прим. ред.*

{152} Percy Cross Standing, *Guerilla Leaders of the World*, London, 1912, p. 114 f.

{153} Robinson R. E. R., Reflections of a Company Commander in Malaya, *The Army Quarterly*, vol. LXI, No. 1, October 1950, p. 84.

{154} Гей, Джон (1685-1732), английский поэт и драматург, — *Прим. ред.*

{155} Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 50, — *Прим. ред.*

{156} Ковпак С., Partisans of the Ukraine, *The Army Quarterly*, January 1945, vol. XLIX, No. 2, p. 70, 71. О зверствах, совершенных немцами в Новой Слободе, см. Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 101. — *Прим. ред.*

{157} Статс-секретарь Кернер возглавлял Восточный штаб экономического руководства, созданный по приказу Геринга для организации расхищения и разграбления государственной, общественной и личной собственности в СССР. — *Прим. ред.*

{158} Newman B., *The Captured Archives*, London, p. 170.

{159} The von Hassell Diaries, 1938-1944, London, 1948, p. 281 and 286.

{160} С этой речью Гиммлер выступил 4 октября 1943 года на совещании группенфюреров СС. — *Прим. ред.*

{161} Нюрнбергский процесс, Сборник материалов, т. 1, М., 1954, стр. 530. — *Прим. ред.*

{162} Maclean F., *Eastern Approaches*, London, 1949, p. 313.

{163} Kern E., *Der grosse Rausch*, Zuerich, 1948, S. 52.

{164} Авторами допущена неточность. Совершенно секретная директива верховного командования, о которой здесь идет речь, была издана 16 декабря 1942 года. С текстом директивы можно познакомиться в книге: Нюрнбергский процесс, Сборник материалов, т. 1, М., 1954, стр. 469-470. — *Прим. ред.*

{165} Справедливости ради следует заметить, что многие немецкие генералы отказались проводить гитлеровскую политику террора. В 1944 году в немецкой армии было 1240 генералов, а в 1945 году — 1500. Однако, возможно, только 3 процента из этого числа были осуждены военными трибуналами как военные преступники. Так как союзные следственные органы провели исключительно тщательную и кропотливую работу во время предварительного следствия, можно предположить, что 97 процентов немецких генералов в своих действиях руководствовались нормами «рыцарского поведения солдат».

Некоторые идут дальше этого и заявляют, что не все приговоры справедливы. Это утверждение они обосновывают либо тем, что приговоры были вынесены на основе законов, принятых после совершения подсудимыми инкриминируемых им действий — этот аргумент нам представляется недостаточно обоснованным, — либо тем, что союзные военные трибуналы отказались применить доктрину *tu quoque*, то есть отказались найти оправдание немецким военным преступлениям в случаях, когда можно было доказать, что аналогичные преступления совершила и противная сторона.

Безусловно, смехотворно видеть русского судью, выносящего приговор кому-либо из обвиняемых во время заседаний международного трибунала за планирование и подготовку агрессии против Польши, в то время как сама Россия содействовала развязыванию этой агрессии. (Данное утверждение нельзя расценить иначе, как злобную клевету на Советский Союз, ибо всему миру известно, как настойчиво добивался Советский Союз принятия коллективных мер по обузданию гитлеровской агрессии. Все также прекрасно знают, что именно Англия и Франция отвергли эти предложения Советского Союза, потворствуя захватническим действиям гитлеровской Германии с целью направить ее агрессию против СССР. — *Прим. ред.*)

И тем не менее этот приговор справедлив.

Однако мы не должны отвлекаться от основного вопроса, затронутого нами. Итак, если 3 процента немецких генералов являются преступниками, то значительно больше немецких генералов заплатили своей жизнью, когда они попытались восстановить честь немецкой армии, восстав в июле 1944 года против Гитлера. Не забудем же эти жертвы — трех фельдмаршалов и многих других высших офицеров германского генерального штаба, — когда мы попытаемся оценить отношение немецкой армии к гитлеровской политике террора.

(Попытку авторов преуменьшить преступления, совершенные гитлеровским генералитетом в период второй мировой войны, можно объяснить только стремлением оправдать перед мировым общественным мнением широкое использование гитлеровских генералов в возрождаемой западногерманской армии и в вооруженных силах НАТО. — *Прим. ред.*).

{166} Рейнгардт Ганс — генерал-полковник. На советско-германском фронте командовал 3-й танковой армией. — *Прим. ред.*

{167} The von Hassell Diaries, 1938-1944, London, 1948, p. 188.

{168} Понятие «русский» немцы часто употребляют в смысле «советский». — *Прим. ред.*

{169} Попытка авторов противопоставить советских коммунистов остальным гражданам Советского Союза обречена на провал. Советский народ тесно связал свою судьбу с коммунистической партией, в которой он видит единственного своего руководителя и выразителя его интересов. Свою горячую любовь и верность коммунистической партии советский народ не раз доказывал в течение 40 лет существования Советского государства. И в большом и в малом советские люди всегда идут вместе с партией большевиков. Именно тесное единение советского народа со своей марксистско-ленинской партией обеспечило утешное построение социализма, победу в Великой Отечественной войне и обеспечивает ныне победоносное строительство коммунистического общества в нашей стране. — *Прим. ред.*

{170} В поэме Байрона такого стиха нет. См. The Poetical Works of Lord Byron, Oxford University Press, London, New York, Toronto and Melbourne, 1912. — *Прим. ред.*

{171} Flicke W. P., Die Rote Kapelle, Hilden, 1949.

{172} Churchill W., The Second World War, London edition, vol. III, p. 251.

{173} Там же, стр. 31.

{174} Halder F., Hitler als Feldherr, Muenchen, 1949, S. 43.

{175} Эти данные о числе советских военнопленных заимствованы из арсенала геббельсовской пропаганды и, естественно, не соответствуют действительности — они чрезмерно преувеличены. — *Прим. ред.*

{176} Halder F., Hitler als Feldherr, Muenchen, 1949, S. 42.

{177} Rendulic, Gekaempft, Gesiegt, Geschagen, Heidelberg, 1952, S. 46. (Генерал-полковник Рендулич — доктор Лотар — с июля 1944 года до конца войны командовал на советско-германском фронте 20-й моторизованной армией. — *Прим. ред.*)

{178} Willoughby Charles A., Shanghai Conspiracy, New York, 1952. J

{179} Данное утверждение представляет собой грубое, злонамеренное искажение истины. К концу 1941 года немецко-фашистское командование ввиду отсутствия второго фронта имело возможность использовать большую часть своих, и к тому же отборных, войск и войск своих сателлитов против Советского Союза. К 4 декабря 1941 года, то есть в разгар битвы под Москвой, на советско-германском фронте действовало 179 дивизий и 24 бригады войск противника, из них 153 дивизии и 7 бригад были немецкие. Е это же время на западном театре военных действий (во Франции, Бельгии и Голландии) находилось только 38 немецких дивизий и одна бригада, а на остальных театрах военных действий и в резерве — 28 дивизий и одна бригада. При этом по своей боеспособности эти силы значительно уступали немецким войскам, действовавшим на советско-германском фронте.

Таким образом, на советско-германском фронте действовало 70 процентов общего количества дивизий немецко-фашистской армии и все войска сателлитов Германии.

В силу того, что Япония официально была связана с Германией военно-политическим пактом и готовилась к нападению на нашу страну, Советский Союз вынужден был держать на Дальнем Востоке значительные силы. Кроме того, ввиду прогерманской политики, проводившейся во время войны правительством Турции, Советский Союз должен был держать часть своих сил на границе с ней. — *Прим. ред.*

{180} Halder F., Hitler als Feldherr, Muenchen, 1949, S. 48, 49.

{181} Roeder M., Die Rote Kapelle, Hamburg, 1952, S. 21.

{182} Что же касается русских эмигрантских групп, то они довольно разнородны. Одни из них являются юнионистами, другие — сепаратистами, некоторые называют себя демократами, другие — национал-патриотами; одни — демократы, так же как и патриоты, — сотрудничали с нацистским режимом, другие находились в концентрационных лагерях; одни эмигрировали в 1917 году, другие стали эмигрантами в последнее время.

Наиболее известной фигурой среди эмигрантов является Александр Керенский, бывший премьер-министр демократической России, который в 1917 году был изгнан большевиками. Он вместе со своими сторонниками недавно организовал «Совет освобождения народов России» (СОНР), в котором объединены различные демократические организации. Другие, в частности известная организация «Русский национальный патриотический фронт», категорически отказались поддерживать какие-либо отношения с Керенским.

Многие эмигрантские группы ведут активную борьбу против коммунизма с помощью прессы, листовок и радио.

Авторы данной книги не в состоянии высказать какое-то определенное мнение относительно ценности этих групп и их деятельности.

{183} Вылазку сил контрреволюции, организованную американскими и западногерманскими империалистами против Германской Демократической Республики, авторы здесь пытаются выдать за народное восстание. — *Прим. ред.*

{184} Такое же предложение делает генерал-майор Фуллер. См. Fuller J. F. C., How to Defeat Russia, London, 1951, p. 9; What the Kremlin Fears Most, *Saturday Evening Post*, 27th October, 1951, p. 25.

{185} Рассуждения о возможности нападения Советского Союза на Пакистан представляют собой злобные антисоветские выпады, рассчитанные на обострение отношений между этими двумя странами. Хорошо известно, что Советский Союз хочет жить в мире с Пакистаном и предпринимает многочисленные шаги к установлению с ним дружественных, добрососедских отношений. — *Прим. ред.*

{186} Lawrence T. E., The suppressed Introductory Chapter for: Seven Pillars of Wisdom, as published in *Oriental Assembly*, London, 1939, p. 143 f.

{187} Hilary St. George, The Green Beret, London, 1949, p. 21

{188} Авторы имеют в виду использование десантно-диверсионных отрядов. — *Прим. ред.*

{189} Worden W. L., The Terrible Hours of the Turks, *Saturday Evening Post*, 3rd, February 1951, p. 29.

{190} Мао Цзэ-дун, О диктатуре народной демократии, М., 1949, стр. 16. — *Прим. ред.*

{191} Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, М., 1953, стр. 227-228. — *Прим. ред.*

{192} Рассуждения о «большой религиозности русского народа» совершенно беспочвенны.

Вот что еще в 1847 году писал В. Г. Белинский в своем знаменитом письме к Гоголю: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основы религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где. Он говорит об образе: *годится — молиться, а не годится — горшки покрывать.*

Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации, но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних

католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков; мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству...» (Белинский В. Г., Письмо к Гоголю, Государственное издательство художественной литературы, 1947, стр. 9). — Прим. ред.

{193} Ковпак С., От Путивля до Карпат, М., 1949, стр. 78-79.

{194} Здесь имеется в виду китайский служащий одной из иностранных коммерческих фирм. — Прим. ред.

СПИСОК СХЕМ

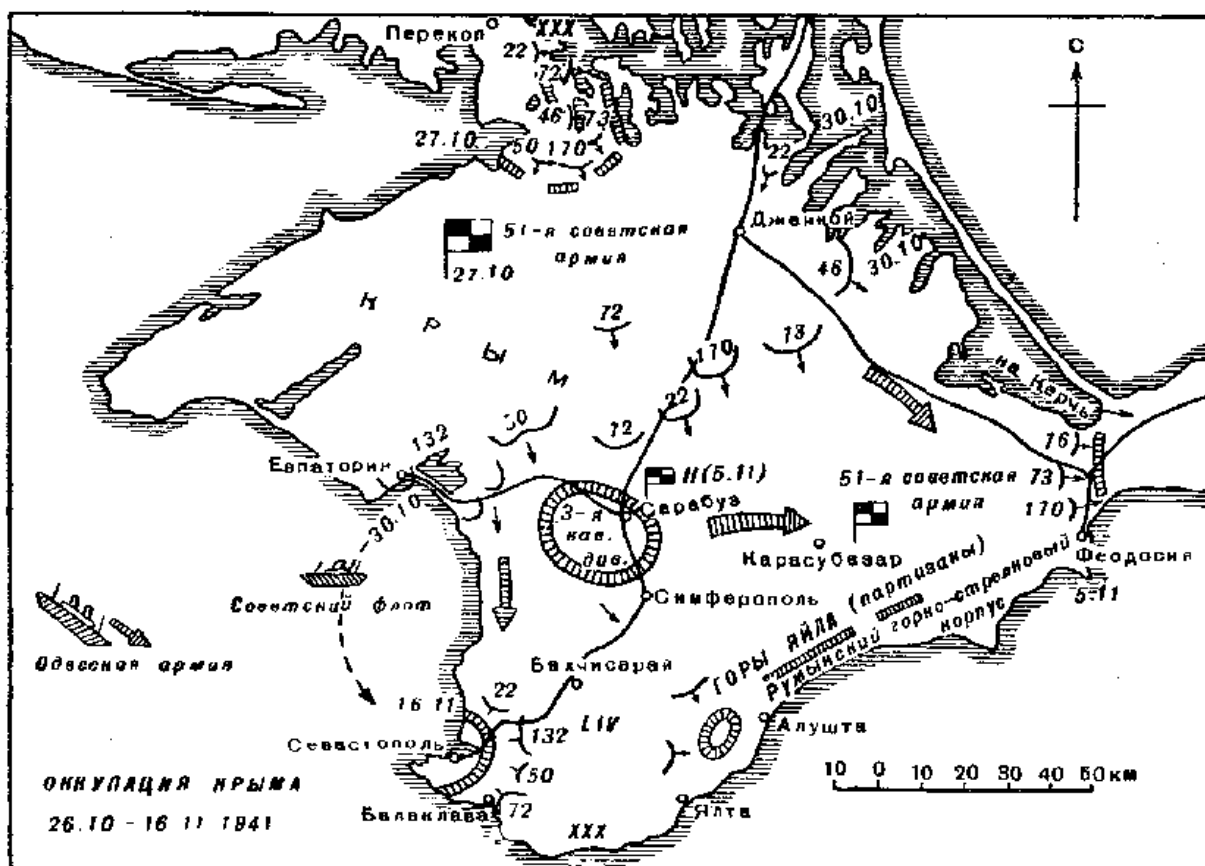

Схема 1.

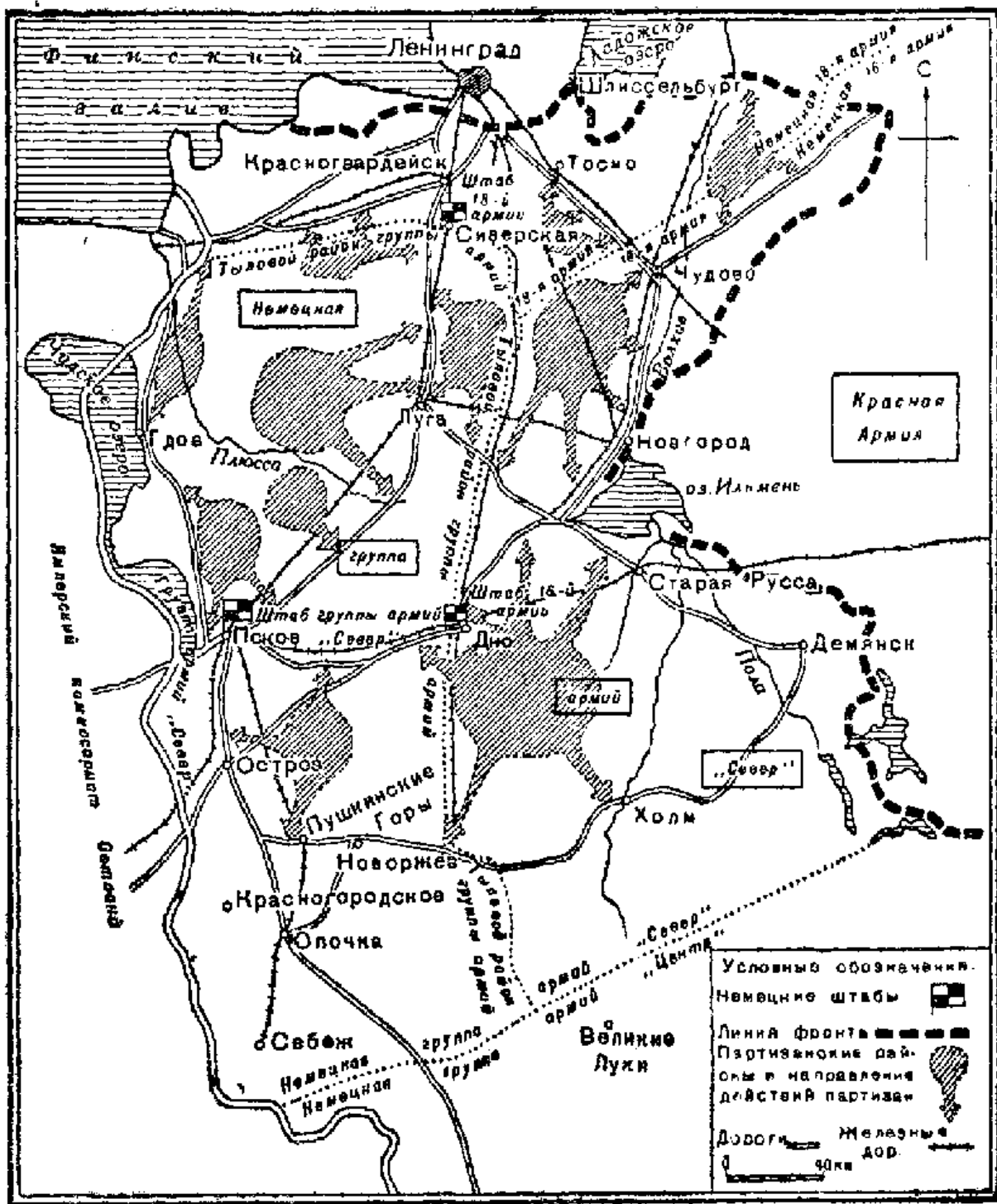

Схема 2. Карта районов действий партизан на севере СССР по состоянию на декабрь 1941 года.

Обстановка на карте нанесена фельдмаршалом фон Леебом.

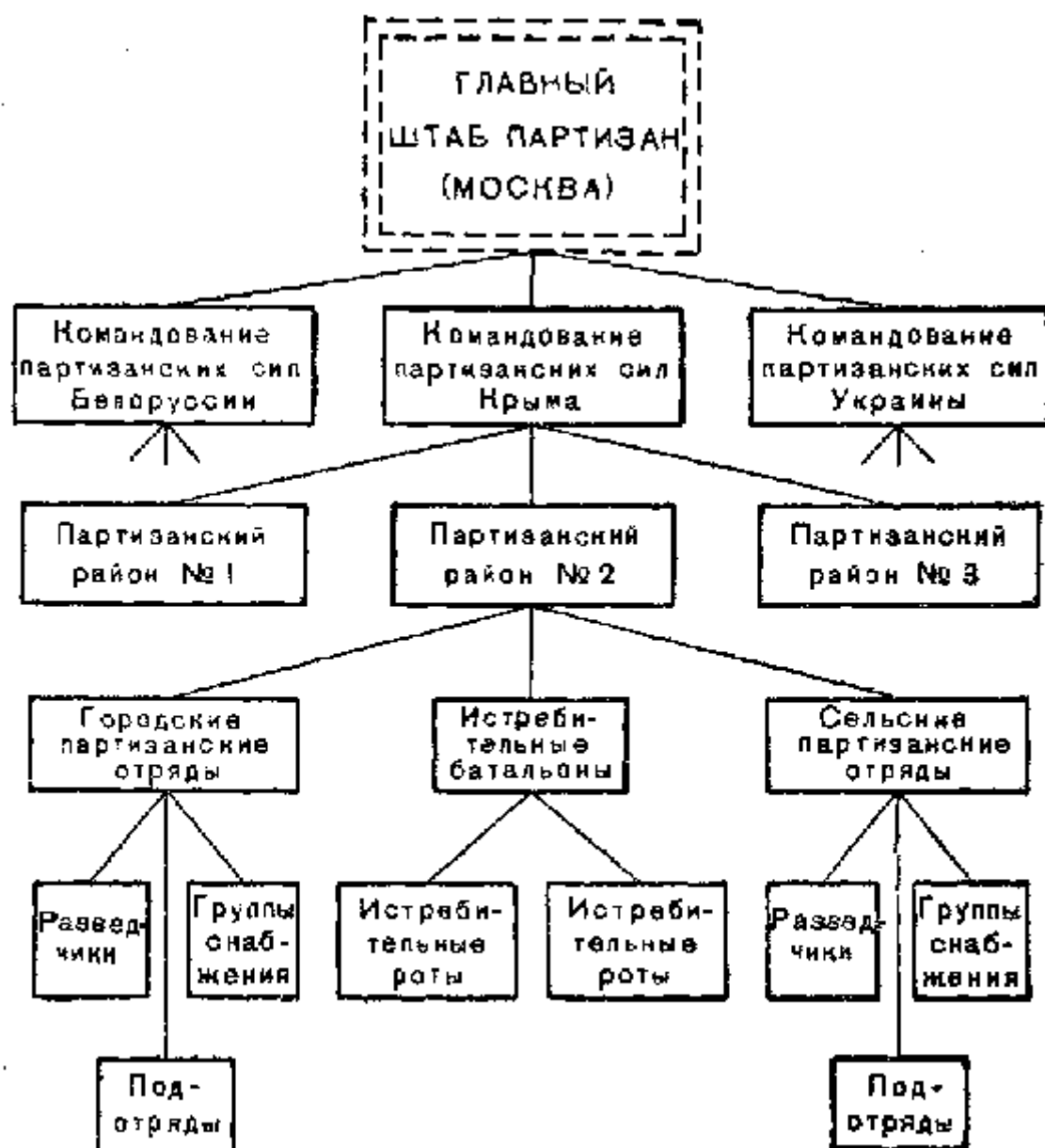

Схема 3. Организация советских партизанских сил.

Выход на рубежи с целью окружения

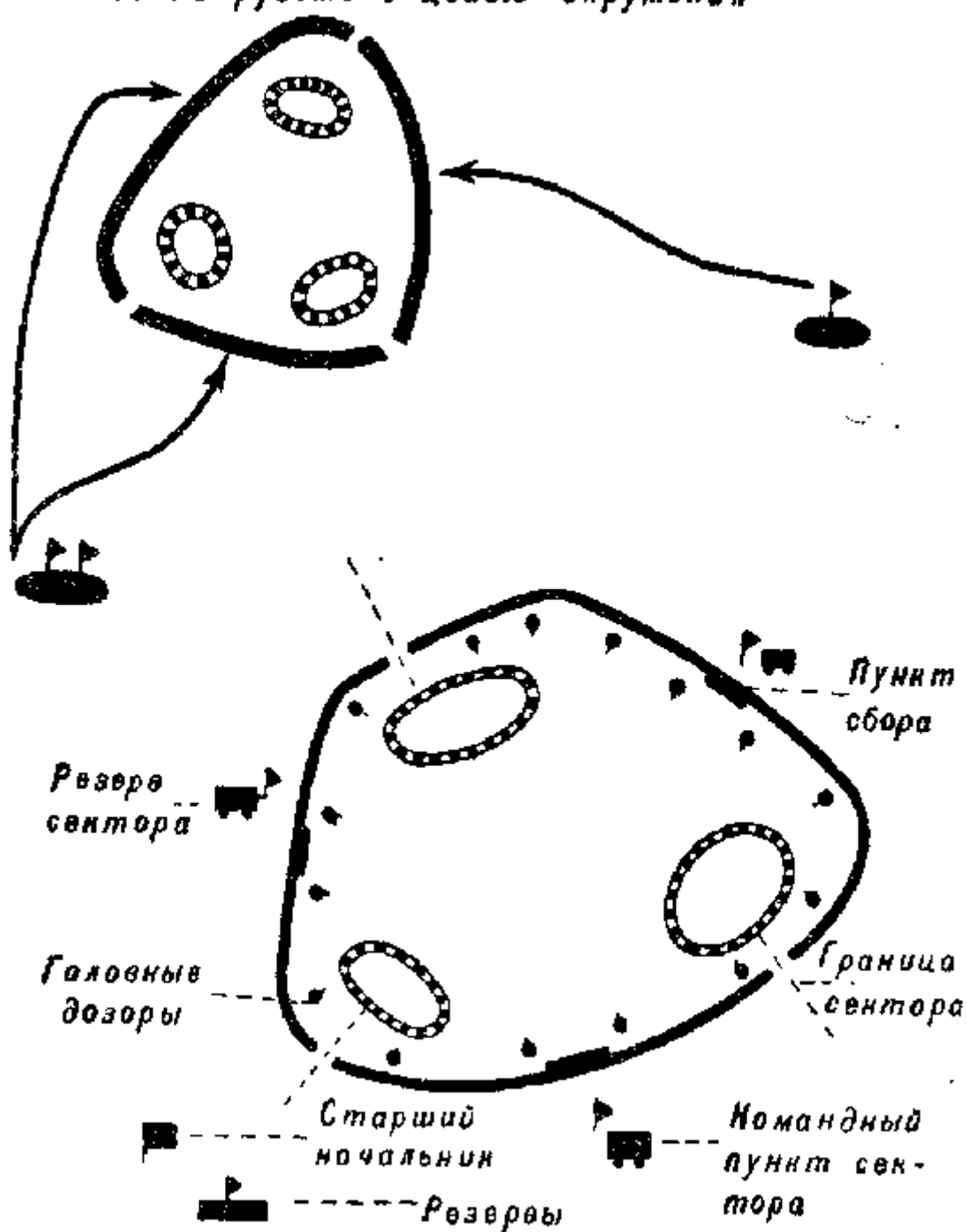

Схема 4. Окружение.

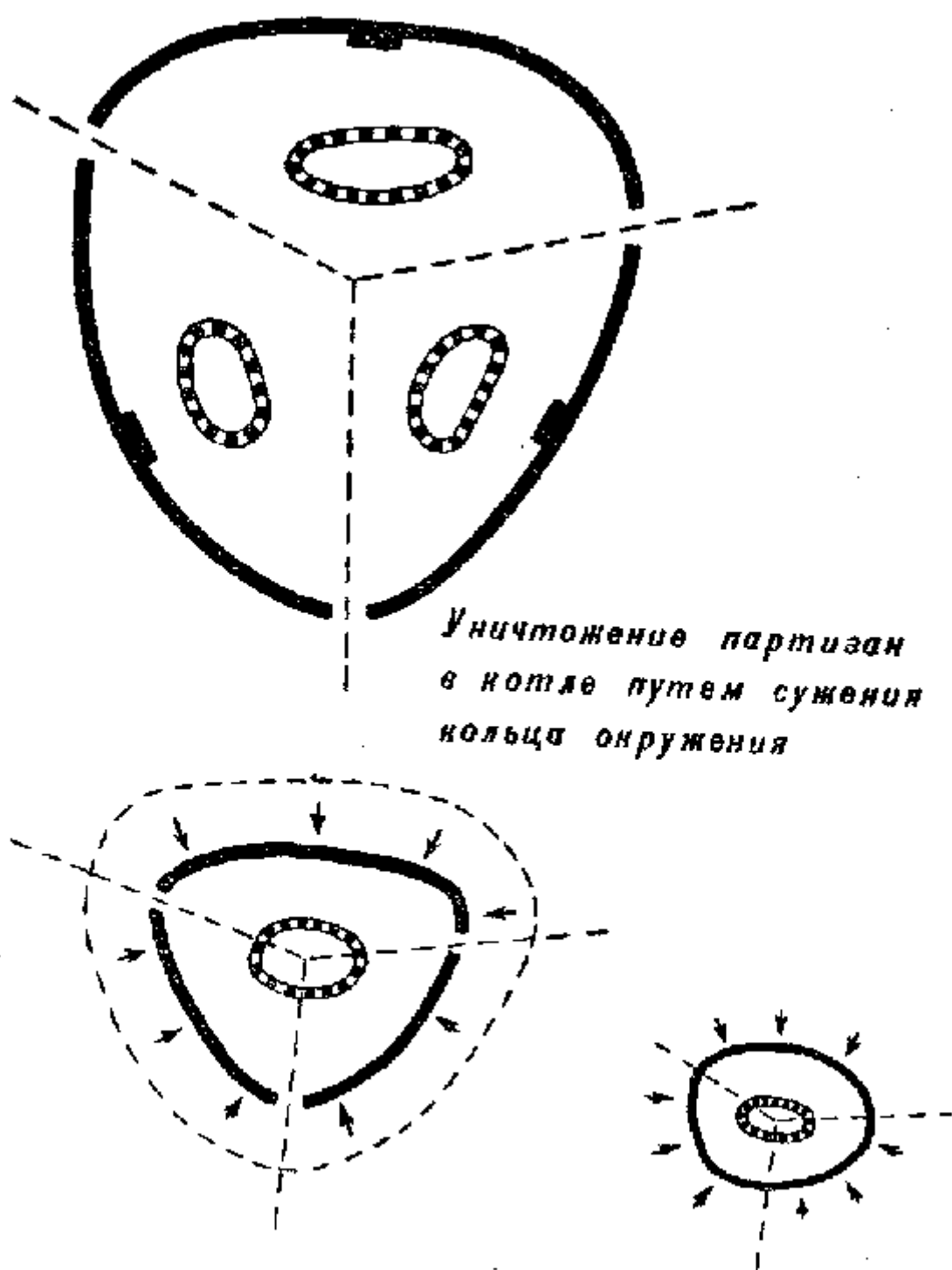
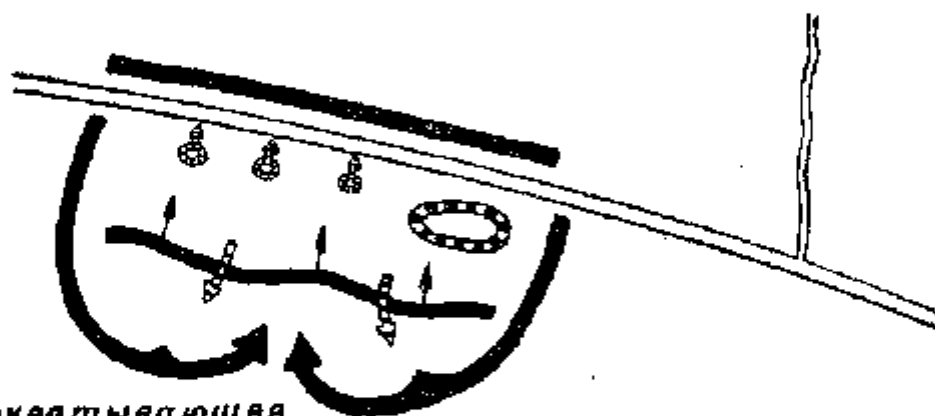
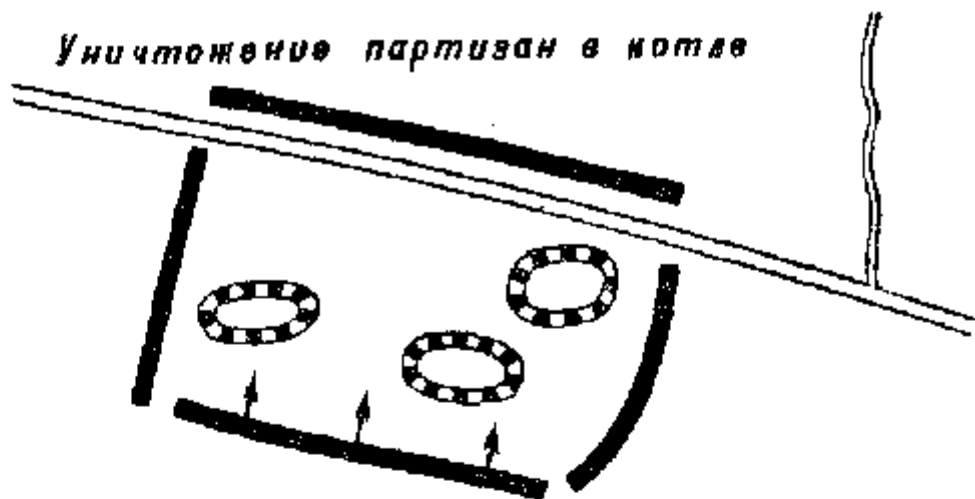

Схема 5. Сужение кольца окружения.

Уничтожение партизан в котле

*Перекалывающее
подразделение*

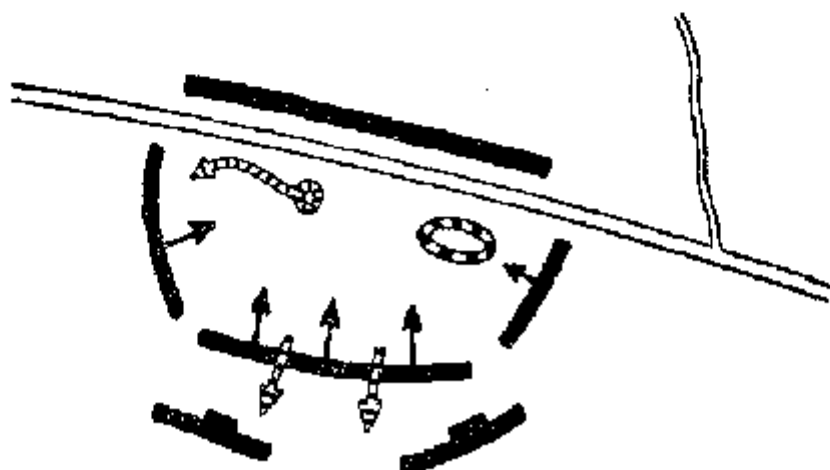
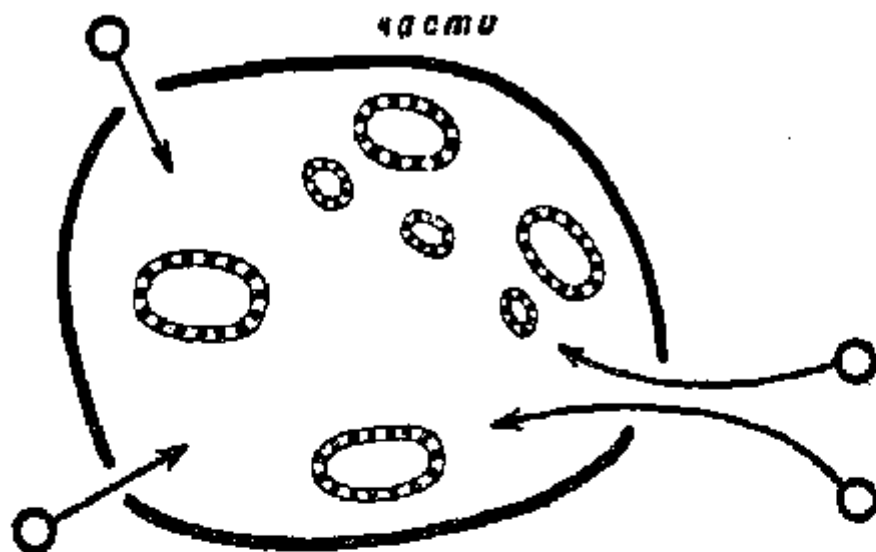

Схема 6. Метод «охоты на куропаток».

Уничтожение партизан в котле
путем дробления его на меньшие
части

Уничтожение парти-
зан в отдельных
частях котла

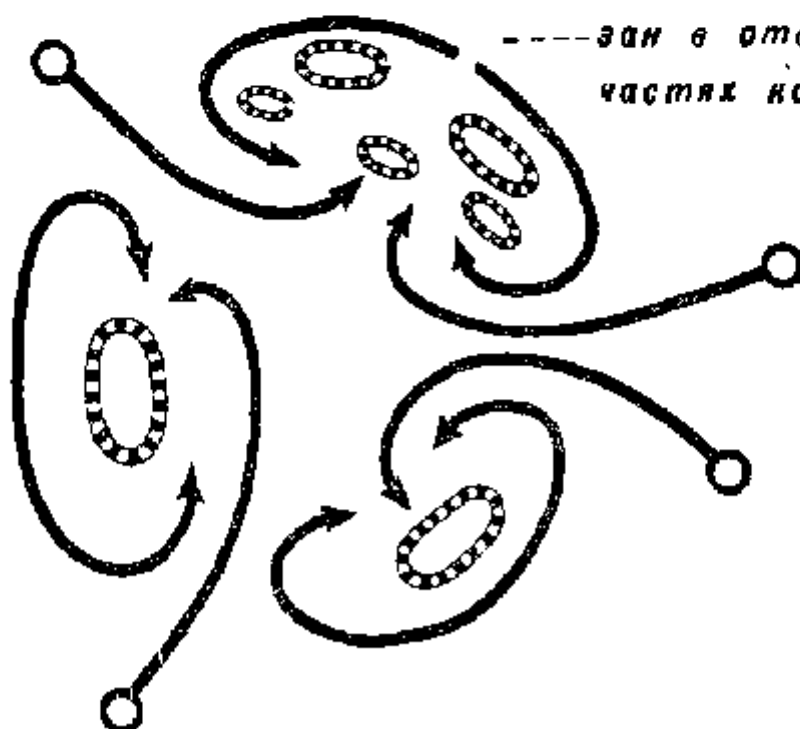

Схема 7. Дробление окруженного противника на мелкие группы.

*Уничтожение партизан в котле
силами ударной группы*

Схема 8. Использование ударной группы.

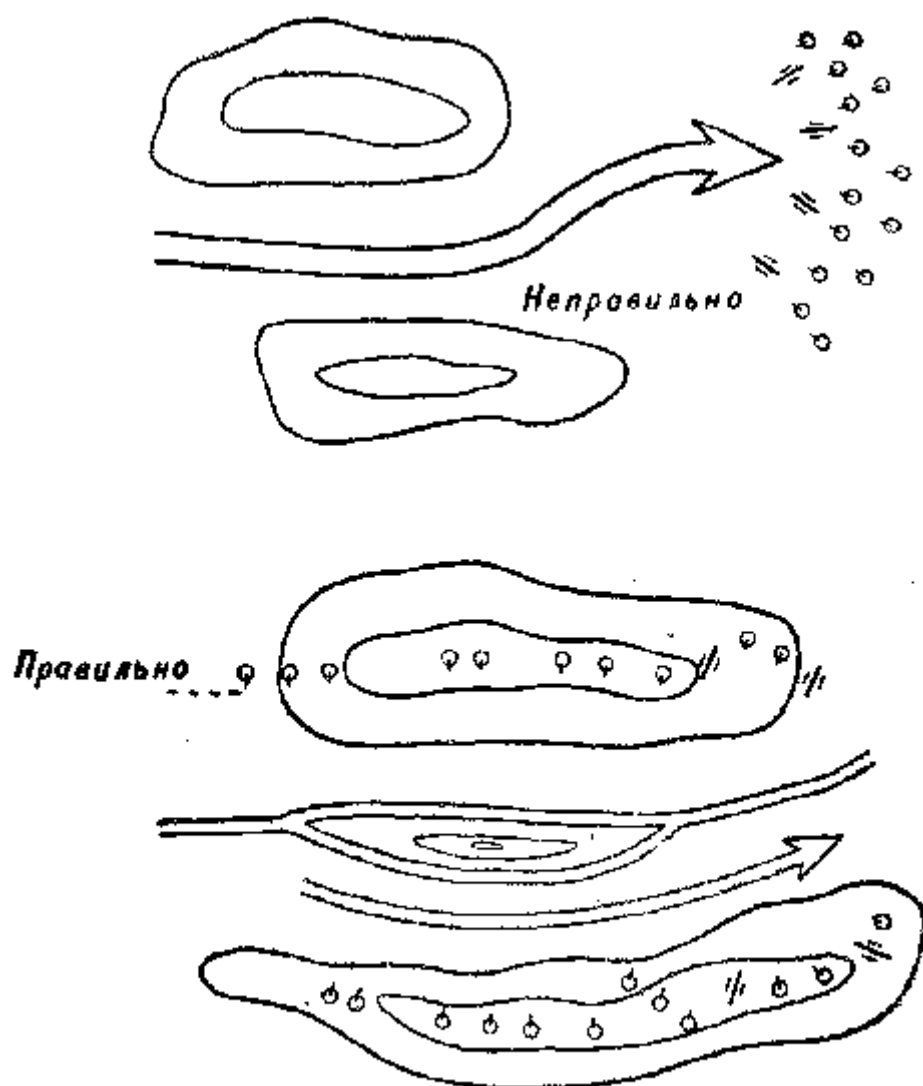

Схема 9.